

Шах-Махал

РОМАН
о БЕССМЕРТНОЙ
ЛЮБВИ

ИНДИРА
МАКДАУЭЛЛ

Индира Макдауэлл
Тадж-Махал. Роман
о бессмертной любви
Серия «Тадж-Махал.
Любовный детектив (ЭКСМО)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17475399

Тадж-Махал. Роман о бессмертной любви / Индира Макдауэлл: Якуза;

Москва; 2016

ISBN 978-5-699-83553-9

Аннотация

В центре знаменитого мавзолея ТАДЖ-МАХАЛ найдено тело продюсера одноименного фильма, который должен стать первым совместным блокбастером Болливуда и Голливуда. Газеты трубят, что это не просто убийство, а ритуальное жертвоприношение – у покойного вырезано сердце. За день до этого в Лондоне совершено нападение на Букингемский дворец, откуда похищен уникальный бриллиант «Тадж-Махал» в форме сердца стоимостью 200 миллионов фунтов. Все следы ведут в Индию, и бывший спецгент британской полиции Джейн Макгрегори отправляется «под прикрытием» в Агру, чтобы найти убийц и разгадать древнюю тайну. Она еще не знает, насколько

рискованным будет это дело, и какие опасности подстерегают ее за кулисами Болливуда, в страшных трущобах Мумбаи и «городе мертвых» Варанаси. Она пока не догадывается, что за зловещие силы включились в охоту за бесценным алмазом, и какой приговор вынесен прославленному Тадж-Махалу, который величают «восьмым чудом света» и «памятником бессмертной любви». Ей предстоит на собственном горьком опыте удостовериться, насколько темной и разрушительной бывает страсть и что кровавые ритуалы жестоких богов – вовсе не сказка.

Однажды любовь уже разбила Джейн сердце – в буквальном смысле слова! – но она вновь готова рисковать жизнью, чтобы Свет вечной любви, Свет Тадж-Махала одолел любовное наваждение беспощадной богини Кали!

Содержание

Пролог 1	6
Пролог 2	14
Глава 1	17
Глава 2	58
Глава 3	89
Глава 4	126
Глава 5	155
Глава 6	194
Конец ознакомительного фрагмента.	223

Индира Макдауэлл Тадж-Махал. Роман о бессмертной любви

© Н. Павлищева, А. Кошелев, 2016

© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог 1

Перед рассветом Тадж-Махал словно плывет в нежной дымке. Так и задумано, ведь это памятник любви, памятник мечте, он должен выглядеть невесомым, словно сама мечта.

Губы Шах-Джехана тронула легкая грустная улыбка. Мумтаз Махал понравился бы этот памятник, как и тот, что он сотворил собственными руками.

Шах-Джехан протянул в сторону белоснежного чуда, хорошо видного с места его заточения – башни Ясмин в Красном Форте, – руку, на раскрытой ладони которой лежал великолепный алмаз.

Он мог бы шлифовать и шлифовать грани этого бриллианта еще много лет, ведь нет предела совершенству. Но сколько ни оттягивай, приходится признавать, что работа завершена.

Шах-Джехан сказал об этом дочери еще вчера – да, он закончил огранку, и бриллиант можно положить на место.

Никто за все эти годы не видел камень ни на какой стадии его обработки. Никто и не увидит, только Джаханара, она единственная достойная взять в руки алмазный памятник своей матери, единственная сможет сохранить и память, и бриллиант.

– Отец...

Голос старшей дочери так похож на голос Мумтаз! Или

ему просто кажется, ведь сама Мумтаз умерла много лет назад, когда Джаханара была совсем юной девушкой. Дочь посвятила свою жизнь отцу, она разумней всех остальных детей, разумней принцев и ставшего падишахом Аурангзеба. Джаханара вполне могла бы сама взять власть в руки, но предпочла помогать Шах-Джехану.

Принцесса – единственная опора Шах-Джехана и теперь, в его противостоянии сыну.

Джаханара никогда не была так красива, как Мумтаз, а ожоги после пожара и вовсе изуродовали лицо дочери бывшего падишаха, но внешняя красота не главное, если есть душа и разум.

Шах-Джехан обернулся:

– Смотри.

На его ладони лежало то, что он столько лет прятал даже от дочери, – алмаз в форме сердца.

Джаханара ахнула, дрожащими от волнения руками принимая совершенное творение, символ негаснущей любви бывшего падишаха к своей жене.

Рассветное солнце бросило первые лучи в башню Ясмин, где по воле сына проводил свои дни Шах-Джехан. От граней алмазного сердца во все стороны разлетелись крошечные солнечные зайчики. Джаханара зачарованно смотрела на чудо на ладони.

– Отец!

– В нем, как и в тебе, душа Мумтаз. Ты должна сохранить

то и другое. Оставайся такой, какая ты есть, и придумай, как спрятать камень от брата и других алчных людей на земле. Душа Мумтаз должна жить, ведь это сама любовь. Без любви человечество погибнет.

Джаханара подняла на отца глаза. Теперь она понимала многое из того, что делал и говорил отец в последние годы. Вот чему были посвящены его дни, его думы, вся его жизнь после смерти матери – он пытался сохранить не просто память о прекрасной, умной и горячо любимой им женщине, Шах-Джехан делал все, чтобы сохранить для людей самую любовь.

Джаханара подумала, что отец прав: если погибнет это алмазное сердце, на земле воцарится мрак. Нет, темно не станет, но если умрет любовь, то наступит время индийской богини Кали – богини смерти и разрушения.

– Я сохраняю, отец. Навеки сохраняю.

Он поцеловал дочь в макушку.

– Я не сомневался в этом. Ты должна надежно спрятать его.

– Да, отец.

Шах-Джехан в последний раз в жизни взял в руки бриллиант. Камень был теплым... Возможно, от рук Джаханары, а может, просто от того, что был огранен в форме сердца.

– Иди, тебе пора...

Падишаха многие считали странным из-за его любви и верности давно умершей жене. Мумтаз была королевой

меньше двух лет, ее не успели узнать даже придворные, она не успела построить школы или больницы, мечети или приюты, не успела раздать много милостыни как жена падишаха, не успела повлиять на его дела при жизни. Ее просто не знали.

И мало кто знал, что все оставшиеся годы Шах-Джехан каждую минуту мысленно советовался с женой, большинство решений выверял с ее возможным мнением. А если это не удавалось, советовался со старшей дочерью Джаханарой, которая подсказывала отцу так, как подсказала бы мать.

Соглядатаи сообщали падишаху, что его опальный отец в своей башне Ясмин в Красном Форте Агры по-прежнему много времени проводит в обществе старшей дочери Джаханары и за огранкой бриллиантов. Но одна из прислужниц сумела заметить, что бывший падишах уже не так старательно занимается драгоценными камнями, а главное – он больше не таится.

Аурангзеб, теперь носивший имя падишах Аламгир, то есть владеющий миром, был не так прост и понял, что главный камень своей жизни Шах-Джехан все же ограничил. Сын не знал, что это за бриллиант и какая у него сила, но опасался. Недаром твердили, что алмазы обладают мистическими свойствами помогать людям или убивать их.

Сын захватил власть, свергнув отца, и ему стоило бояться. Что за камень гранил столько лет бывший падишах? Что если этот бриллиант сильнее «Кохинора» и поможет Шах-

Джехану вернуть трон? Это самая страшная угроза для падишаха-узурпатора.

И он решился.

Шах-Джехан был изумлен: сын все эти годы не так часто показывался в его покоях, по пальцам одной руки сосчитать можно. Мысленно он усмехнулся: сколь же разумна Джаханара, она предсказывала, что брат скоро появится.

Аурангзеб не стал терять времени даром:

– Где алмаз, что ты огранил?

– Какое тебе дело? Мало всего, что получил, захватив власть?

– Что я получил, пустую казну?! – Однако Аурангзеб быстро взял себя в руки. Он не глупей сестры. Устало прикрыл глаза, тихим, но твердым голосом потребовал: – Я хочу знать, что это за камень, зачем он тебе.

Возможно, расскажи отец правду, сын не стал бы ничего предпринимать, его не интересовали любовь и память, Аурангзеб всегда был реалистом. Но Шах-Джехан счел сына недостойным знать об алмазном сердце и лишь помотал головой:

– Ты ошибаешься. Не было никакого камня.

Мысленно он добавил: было лишь алмазное сердце.

Аурангзеб понял, что отец ни за что не выдаст тайну, и зашипел прямо ему в лицо:

– Ты сам выбрал свою судьбу!

– А ты свою, – твердо глядя в глаза сыну, ответил Шах-

Джехан.

Круто развернувшись, падишах бросился прочь.

Со следующего дня Шах-Джехан вдруг заболел. А взволнованной Джаханаре он объяснил:

– Все, как я и ожидал. Но теперь не страшно, я все выполнил, остается только ждать встречи с моей Мумтаз.

Он проболел несколько дней, постепенно слабея. Чувствуя приближение смерти, позвал Джаханару.

Больного старика, который не в состоянии был даже подняться с постели, по приказу его сына-падишаха держали под замком. Дверь заперли сразу, как только в комнату вошла его дочь. Были закрыты и окна – сын боялся, что отцу помогут бежать и спасут от смерти. Из-за этого в помещении стоял смрад от чадящих светильников, но Джаханара не замечала этого – она видела только горящие отцовские глаза на исхудавшем лице.

– Джаханара, я ухожу к матери. Ты должна бежать, прямо сейчас бежать. Не жди моей смерти, как только меня не станет, Аурангзеб возьмется за тебя.

Джаханара понимала, что отец прав. Только она знала тайну алмаза и не могла выдать ее брату или допустить, чтобы тайна погибла вместе с ней.

– Да, отец. Прощай. Скажи маме, что я спасу ее сердце.

– Прощай, Джаханара.

Даже под пытками слуги не рассказали, как сумела исчезнуть из запертой комнаты сестра падишаха. Не признались

потому, что не знали сами. Аурангзеб понял это только через несколько дней, когда обнаружили тайный ход из башни в дом, где когда-то жила их мать, будущая Мумтаз Махал. Дом давно стоял закрытым, и Джаханары там, конечно, уже не было.

– Они перехитрили меня...

Мертвый отец больше не был угрозой для сына на троне, но о камне Аурангзеб не забыл. По приказу падишаха слуги тайно совершили страшное кощунство – они перевернули в Тадж-Махале все, не считаясь с захороненными там Мумтаз Махал и теперь Шах-Джеханом. Однако никакого алмаза не нашли.

Может, его и не было? – усомнился падишах. – Может, таинственный бриллиант лишь плод воображения служанки?

Он не жалел, что расправился с отцом. И без того он позволил ему долго жить. Кто восходит на трон, обычно уничтожает соперников, кем бы те ни были. И об исчезновении сестры тоже не жалел. Эта старуха (как еще назвать сорокапятилетнюю женщину?) с изуродованным огнем лицом была бы при дворе постоянным укором брату.

Аурангзеб вздохнул свободней и подумал, что давно следовало освободиться от этих двоих...

А Джаханара, узнав о попытке брата найти камень, только улыбнулась:

– Отец, мама, я хорошо спрятала алмазное сердце. Его никогда не найдут алчные люди, и оно всегда будет символизи-

ровать любовь...

На нее чистыми васильковыми глазами смотрела младшая внучка, о существовании которой не подозревал даже все-сильный падишах. Не все стоит знать тем, кто на троне.

Зато сама Джаханара точно знала, кому следующему передаст тайну алмазного сердца, тайну любви и сердца ее матери Мумтаз Махал...

Пролог 2

Месяц на небе словно тонкий серпик, но яркий свет звезд заливал все вокруг как при полной луне, делая тени короткими и не позволяя скрыться.

Но он все равно надеялся, что это удастся. Или заметит охрана Тадж-Махала. Где они, ну где?! Когда не нужно, тут как тут со своими окриками, а сейчас словно провалились.

Он никогда не был ни очень сильным, ни смелым, но если на кону жизнь, то и трусливый становится львом, и слабый обретает силу буйвола. Почувствовав, что захват на мгновение ослаб, он рванулся, сбивая обидчика справа с ног и одновременно резко дергая того, что слева.

Удалось освободиться. Конечно, его схватят снова – одному с тремя не справиться, но он надеялся добежать до светлого пятна, чтобы заметили охранники сверху. Не удалось, он-то добежал, но охрана словно испарилась!

Тогда он рванул, наоборот, в тень от столбов здания. Может, получится спрятаться там, упасть куда-нибудь и пролежать тихо, как мышь, до самого утра? Он бежал от столба до столба, от двери до двери, от стены до стены... Только бы добраться до резной каменной решетки, только бы укрыться за ее спасительной тенью...

Сердце билось так, что найти беглеца можно было по этому грохоту, дыхание давно стало тяжелым... Пот застилал

глаза, щипал их, тек по спине. Нет, не от жары, пот был холодным от ужаса. Но страх толкал вперед.

Конечно, его догнали...

– Я все верну! Все отдам!

Третий, не обращая внимания на его сбивчивый умоляющий шепот, протянул на ладони что-то прозрачное и блестящее:

– Ты этим хотел нас обмануть? Этим?!

Он снова зачастил умоляюще:

– Я все отдам! Все верну, и деньги тоже! Я...

Ладонь перевернулась, прозрачное сердце соскользнуло с нее на пол, в стороны полетели осколки.

Последнее, что он увидел, – это блестевшие в колеблющемся свете факелов осколки стекла, а последним ощущением был ужас – невыносимый, повергающий душу в ад еще при жизни...

Утром охрана Тадж-Махала обнаружила в подземной галерее подле саркофага Мумтаз изуродованный труп известного индийского миллиардера и продюсера, на чьем счету немало популярных фильмов. А на самом саркофаге сердце, вырезанное из его груди.

Прессе не сообщили, что ночью на территории комплекса была стрельба и двое преступников убиты. Журналисты пронюхали об этом сами, полиции пришлось признаться, что двое злоумышленников застрелены. Но как произошло само убийство, никто понять не мог, ведь даже камеры видеона-

блюдения ничего не зафиксировали!

По городу поползли слухи, что это месть богини Кали, которую чем-то оскорбил убитый.

А еще, что возродилась одна из организаций последователей богини, в отличие от тугов не душившая своих жертв, а вырезавшая у них сердца.

Агра в ужасе притихла, чтобы немного погода взорваться бурей негодования.

Глава 1

Выстрелы в Букингемском дворце – такое не могло при-
сниться в самом страшном сне. Но все когда-нибудь случает-
ся впервые.

Я стою перед распахнутым полупустым шкафом и пы-
таюсь сообразить, что из его содержимого подойдет для
предстоящего мероприятия. Предпочитаю удобство всему
остальному, но сейчас тот редкий случай, когда над внеш-
ним видом приходится задуматься.

В моей руке красивая с золотым тиснением карточка –
пригласительный билет на выставку алмазов в Букингем-
ском дворце. Вручил вчера Эдвард Ричардсон – мой началь-
ник, которого я упорно не желаю считать бывшим, потому
что не желаю признавать себя списанной в утиль.

Это Ричардсон посоветовал мне обратиться к нынешне-
му министру национальной безопасности Элизабет Форсайт
с просьбой вернуть на службу. Решить вопрос может только
она, значит, ее и нужно убедить, что пересаженное мне год
назад донорское сердце не хуже моего собственного, бывше-
го (не совсем так, но это мое личное дело).

Письмо я сочиняла неделю, потом две недели ждала ответ,
и вот он – приглашение на открытие выставки бриллиантов
в присутствии королевы. Что это – способ сократить беседу
до полминуты, чтобы легче было отказать?

Но не пойти нельзя. И не потому, что пресса объявила выставку главным событием сентября, а алмазы – тремя частями знаменитого «Великого Могола». Просто это единственная возможность перехватить министра между бесконечными командировками. Организация нового министерства – вещь сложная, и Элизабет Форсайт человек занятой. Что ж, если для встречи с ней придется идти в Букингемский дворец, я пойду туда, хотя предпочла бы разговор в служебном кабинете.

Эдвард, передавая пригласительный, заметил, что выставка бриллиантов не самое тяжелое испытание. Как сказать...

Что надеть? В чем вообще ходят на выставки алмазов, да еще и с участием королевы? Конечно, в бриллиантах. Но у меня их нет, никогда не было и не будет, не мое это. И единственное вечернее платье, которое мы покупали с Джоном, на вешалке смотрится куда лучше, чем на мне.

Клиническая смерть слишком жестокая диета. Как говорит Эдвард Ричардсон, от меня остались кожа, кости и горящий взгляд. Но платье нельзя надеть не только из-за худобы. Оно декольтированное, а я теперь ношу все закрытое до подбородка. Рубцу, оставшемуся после операции, мог бы позавидовать Франкенштейн, на меня в декольте без слез не глянешь.

А раз так... Я заглядываю в билет. Форма одежды не обозначена, значит, бриллианты и вечернее платье необязательны. Не сдержавшись, швыряю платье в угол шкафа, но потом

достаю и, тщательно расправив, вешаю на видном месте снаружи – пусть висит напоминанием о моих упущенных возможностях. Если бы это был только отказ от декольте...

В то время, как я натягивала тонкий бадлон со стойкой, зазвонил телефон. Это Эдвард.

– Надеюсь, ты уже собираешься?

– Да.

– Прислать машину?

– Доберусь на метро. Это проще, чем искать парковку у выставки. – Вторая фраза – попытка смягчить резкий тон первой.

– Ладно, – бурчит Ричардсон. – Будь осторожна, Джейн.

Чего это он?

Я фыркаю:

– Клянусь!

Рука скользнула к левому боку – до сих пор машинально проверяю кобуру своего «Зиг Зауэра». Там пусто, пистолет с одиннадцатью оставшимися в магазине особо мощными патронами 9^x19 мм «парабеллум» под замком в оружейном сейфе. Из-за двенадцатого использованного у меня отобрали пистолет и возвращать не намерены, запрещено даже самой купить какой-нибудь крошечный «Глок» для дамской сумочки. Так психологи заботятся о моем здоровье, не понимая, что для меня было бы лучше просто вернуться к прежней жизни и работе.

«Зауэра» нет... кобуры нет... А я есть?

А вот черта с два! Я есть.

Не вернут на службу – стану частным детективом. Нельзя же списывать человека со счетов только потому, что у него был разрыв сердца. Пересадили ведь донорское.

От этого злого решения почему-то становится легче, хотя я прекрасно понимаю, что и частному детективу на владение оружием нужно разрешение.

Никуда я не уйду, и думать об этом некогда, мне пора в Букингемский дворец – любоваться бриллиантами.

Все мои куртки достаточно просторны, чтобы скрыть наплечную кобуру, потому в них нынешняя неудобка либо не слишком заметна, либо, наоборот, бросается в глаза. Поколебавшись несколько секунд, я выбираю светлую из тонкой кожи. Очень демократично – идти на мероприятие с участием королевы в кожаной курточке и брюках.

Но мне наплевать. Меня не интересуют драгоценности, те, с кем я борюсь многие годы, торгуют оружием, а не бриллиантами. И на выставку меня ведет желание встретиться не с загадочным алмазом, а с нашим новым министром.

Переходя из Национальной службы криминальной разведки (National Criminal Intelligence Service) во вновь созданное SOCA – Агентство по борьбе с особо опасной организованной преступностью, Ричардсон взял меня с собой.

Наше агентство терпеть не могут все – от МИ5 до конной полиции, откровенно считая нахлебниками. Это простая зависть, ведь SOCA хоть и сидит на бюджете министерства

внутренних дел, ему фактически не подчиняется. Мы не носим форму, к тому же мы неприкасаемые – нас не имеют права проверять констебли без особых полномочий.

С образованием нового министерства национальной безопасности положение изменилось, для SOCA даже к лучшему – прав, как и обязанностей, прибавилось. Но главное – новый министр Элизабет Форсайт, дама весьма решительная и даже боевая в прямом смысле слова. Она лейтенант Викторианского ордена, получила Викторианский Крест за боевые заслуги во время операции в Ираке!

От V. С. Элизабет Форсайт я и должна добиться своего возвращения в строй. Ее боевой опыт внушает надежду, что это удастся.

Мир определенно сошел с ума, ажиотаж вокруг выставки такой, словно это последние бриллианты, которые сможет увидеть человечество.

Броская реклама встречается еще под землей, рядом с красно-синим знаком станции метро «Грин-парк», следующее напоминание о трех алмазах у выхода из станции и дальше множится в обе стороны по Пиккадилли сколько хватает глаз, словно отражение в поставленных друг напротив друга зеркалах. На бигбордах, баннерах, в витринах, повсюду взгляд натывается на изображения мавзолея Тадж-Махал и на его фоне бриллианта необычной огранки. Это гвоздь программы – алмаз, названный в честь восьмого чуда света «Тадж-Махалом».

Сентябрь в Лондоне почти всегда хорош – тепло, сухо, безветренно.

Но вместо того, чтобы наслаждаться последними теплыми деньками в парках и садах, лондонцы и гости столицы толпятся у Букингемского дворца. Кто-то в надежде все же попасть на выставку, хотя BBC объявило, что билеты распроданы в первые же минуты появления на сайтах и в кассах. Кто-то, ожидая увидеть кортеж королевы или вереницу роскошных машин приглашенных на открытие, кто-то просто потому, что остальные идут к Букингемскому дворцу.

Толпа перед оградой столь плотная, что приходится от «sorry» переходить к не вполне вежливой работе локтями, иначе к Северным воротам не пробиться. О Центральных и говорить нечего.

Мое внимание невольно привлекает чудовищных размеров бигборд с изображением мавзолея Тадж-Махал. Еще несколько ярдов в ширину и высоту, и Букингемский дворец за ним просто скроется. Мелькает мысль, что за таким монстром можно спрятать не один десяток человек.

Наверняка так и есть – за бигбордом сидит команда спецagentов. И не с «Глоками» или «Зауэрами», а чем-то более серьезным, вроде SMU 100. У нашего отдела подобного оружия никогда не будет, считается, что мы должны выглядеть как обычные граждане... Нет, даже проще, ведь обычные граждане могут иметь самое совершенное оружие, на покупку которого хватит денег, а мы не можем.

Выставка организована в северном крыле, именно туда подъезжают машины приглашенных. Возможно, стоило согласиться на предложение Ричардсона и тоже подкатить на авто, но сделанного не воротишь, приходится идти на таран.

Перед самыми воротами несколько десятков счастливицков, у них билеты на первые часы работы выставки, которые будут после открытия. Никому и в голову не приходит, что кто-то еще более везучий, чем они сами, может быть по эту сторону ограды, потому пропускают меня к воротам неохотно.

Один из констеблей мне знаком – когда-то работал в нашей службе.

– Джейн, ты уверена, что тебе туда? – спрашивает он, кивая в сторону людей, выстроившихся перед входом на выставку.

– Угу.

– Охранять?

– Нет, я в числе гостей.

Я показываю пригласительный билет и направляюсь ко входу, где уже собралась внушительная толпа, пахнувшая дорогими духами, сверкающая драгоценностями и излучающая свет своих внушительных банковских счетов.

В глазах сержанта недоверие, я бы на его месте тоже не поверила. Он прав: среди аристократов, шляпки которых или запонки в манжетах стоят не меньше моей крошечной квартирки, я выгляжу этаким белой вороной.

Предвкушаю их смятение, как только я окажусь рядом.

Так и есть, косые взгляды, опасение – я вторглась в их закрытый мир денег и власти. Немного погодя они решат, что я – охрана в штатском, и успокоятся. Мысли и опасения этих снобов так легко сканировать, что заниматься этим даже неинтересно.

У входа во дворец улыбчивые девушки вручают буклеты с планом выставки и информацией об экспонатах. Это чтобы гости не скучали в ожидании того момента, когда их досмотрят. Из-за присутствия королевы и стольких высокопоставленных лиц охрана дворца усилена дополнительными нарядами столичной полиции. Разумная мера предосторожности, хотя трудно представить, что кому-то может прийти в голову совершить нападение на дворец в такой день, когда на площади толпы народа, а у каждого из гостей собственный телохранитель, и не один. Мне кажется, это понимает и сама охрана, а потому больше делает вид, что досматривает, чем действительно потрошит изящные дамские сумочки.

Клатч при моем полуспортивном наряде был бы не к месту, потому сумка хоть и небольшая, но без стразов Сваровски. Как и я сама, сумка не вписывается в окружающую обстановку, и ее проверяют основательно.

Телохранителей на выставку не пускают, они остаются снаружи – болтают с водителями и время от времени посматривают в сторону своих подопечных. И в мою тоже. Они не любят таких, как я, считая нашу участь незаслуженно легкой

– всего-то нужно делать вид, что я как-то причастна к блестящему миру огромных счетов, хотя за милю по одежде можно понять, что у меня и счет-то кредитный. Вот они – другое дело. Ежедневно рискуют жизнями, прикрывая тушки своих подопечных собственными тренированными для этого телами. Или не тушки, а анорексичные фигурки. Это не важно, главное – они защита, а такие, как я, – лишь видимость. Интересно, что бы они подумали, узнай, что я из SOCA?..

Рядом обнаруживается еще одна белая ворона. Мужчина выглядит импозантно, его перстень тоже стоит не меньше моей машины-малютки, но он все равно чужой. Посетитель делает пару замечаний, явно рассчитывая на мое внимание, но мне не нужен «товарищ по несчастью» на этой выставке драгоценностей в витринах и на посетителях. Пройдя металлоискатель, я отправляюсь внутрь, делая вид, что интересуюсь буклетом. И все же невольно пытаюсь разглядеть отражение соратника в стекле.

Это выходец из Индии, но из тех красавчиков, которых я особенно не люблю – полноват, ухожен и уверен в своей неотразимости.

Индиец явно ожидает проявления интереса к себе, наши взгляды в стекле встречаются, и я с досадой отвожу глаза. Лучше действительно изучить буклет, поскольку сами бриллианты я вряд ли буду разглядывать внимательно.

Экспонатов на выставке всего три, им и посвящены первые страницы роскошного полиграфического издания. Это

знаменитейший «Кохинор» в короне Британии, алмаз «Орлов» в скипетре Российской империи и найденный недавно бриллиант «Тадж-Махал», который сам по себе. Собрать три бриллианта вместе, привезя корону из Тауэра, а скипетр из Алмазного фонда Москвы, требует огромных усилий и не меньших денег. Но устроители выставки справились.

Это новый аукционный дом «Антис», конкурент знаменитых «Сотбиса» и «Кристиса». «Антис» явно рассчитывает на ажиотаж вокруг алмаза «Тадж-Махал», поскольку уже объявлен аукцион по его продаже после выставки и названа стартовая цена – 200 000 000 фунтов стерлингов! Ясно, что она будет превышена.

Мне ничего не говорят ни вес алмазов (не представляю, как выглядят двести с лишним карат), ни другие физические данные, к блеску драгоценностей я равнодушна, хотя стоит признать: «Тадж-Махал» огранен необычно – в форме сердца. Даже человеку, крайне далекому от ювелирных изысков, ясно, что такая огранка означает огромную потерю изначального веса.

Следующая страница буклета повествует об основателе империи Великих Моголов Бабуре, спустившемся с гор Афганистана и сделавшем северную часть Индостана своей вотчиной. Приведенная легенда гласит, что именно Бабур повелел распилить огромный алмаз «Великий Могол» на три части, которые и представлены на нынешней выставке.

Это бред. Ведь «Кохинор» был известен давным-давно, а

«Великий Могол» оставался целым еще при правнучке Бабура. Но с легендами не поспоришь.

И раскидало эти части по свету: «Кохинор» после многих мытарств попал в британскую корону, «Орлов» невесть как оказался в России и был подарен императрице Екатерине Великой ее царедворцем графом Орловым, а третий, самый загадочный, в форме сердца, пребывал в неизвестности, чтобы ныне явить свою красоту миру.

Несколько экспертиз на самом высоком уровне, в том числе спектральный анализ, подтвердили не только класс нового алмаза, но и идентичность «Орлову», из чего якобы следовала его принадлежность к «Великому Моголу». Как в эту компанию попал «Кохинор», устроители не объясняли.

Качественная полиграфия, великолепные фотографии, мастерство дизайнеров буклета... не разочароваться бы. Так бывает нередко: на снимках видишь одно, а в реальности – другое.

Настроение у меня, вопреки солнечному дню и изысканной публике вокруг, отвратительное, я действительно белая ворона, и хотя меня это волнует мало, мелькает мысль попросту уйти, тем более, я не вижу той, ради кого пришла, – Элизабет Форсайт пока нет на выставке. И не будет? Тогда что здесь делаю я? Сердце ноет, словно от дурного предчувствия. Что может случиться плохого со мной в Букингемском дворце? Это самое безопасное место в мире (конечно, американцы считают таковым свой Белый дом – но чего от

них ждать?).

Что-то у меня сегодня ворчливое настроение. Чтобы отвлечься, начинаю разглядывать своих коллег.

В зале перед самой выставкой несколько констеблей охраны дворца, но мое внимание привлекает один.

Рыжий долговязый парень со здоровым юношеским румянцем во всю щеку стоит у входной двери выставки и с откровенным любопытством разглядывает прошедших досмотр посетителей. Весь его облик пронизан этаким безмятежным спокойствием. Этот юнец явно считает себя бессмертным.

Черт подери, где Букингемский дворец берет своих служащих и охрану? Неудивительно, что Райан Парри с легкостью сумел устроиться слугой и подавать завтрак королеве. Службу охраны урок этого журналиста «Дейли Миррор» ничему не научил – набирают кого попало.

Румяному юнцу доверен такой пост. Да он в слона с пяти метров даже случайно не попадет!

Что у него, небось, «Глок»?

Не очень патриотично, но приходится признавать, что произведение оружейного искусства Австрии стоит того, чтобы его предпочесть другим. «Вытащил и стреляй!» безо всяких предохранителей – это то, что нужно именно охране.

У них наверняка «Глок-26». Слышала, что охрана первых лиц государства перешла на эти игрушки. Тот же 38-й калибр, а размеры почти в полтора раза меньше «Глока-17» –

чем не игрушка? Все равно что стрелять из авторучки, как Джеймс Бонд. Кстати, из-за отсутствия опоры для мизинца точность тоже не на высоте...

Почему-то нарастает чувство тревоги. Неужели из-за того, что выставку охраняет рыжий юнец с почти игрушечным пистолетом? Глупости, вокруг и без него констеблей полно. Но разумные доводы не действуют, мне беспокойно. Внутри тяжело ворочается пересаГлок-26женный год назад булыжник.

В зале появляется съемочная группа, она невелика – телеведущая и оператор. Я вспоминаю, что эта красавица из королевского пула: когда на ВВС идут новости королевской семьи, ее лицо неизменно мелькает на экране. Кажется, Саманта Браун. Мы с ней чем-то похожи – одинаковый тип лица, цвет волос, а еще куртки из светлой кожи.

Работая на камеру, телеведущая начинает пересказывать выдуманную историю «Великого Могола». Завтра половина Британии будет убеждена, что основатель династии Великих Моголов собственноручно бензопилой распиливал огромный алмаз, отирая взмокший лоб шелковым тюрбаном...

Закончив терзать имя Бабура и заодно поведав телезрителям о великолепии внутреннего убранства Букингемского дворца в этом его крыле, Саманта Браун, к моему удивлению, прилипает к индийцу с явным намерением договориться об интервью. Интересно, кто он? Индиец продолжает косить на меня взглядом. Заметил, что мы с телеведущей по-

хожи, или вообще обознался и теперь жалеет? В любом случае мне его внимание ни к чему.

Чувство тревоги усиливается, но, похоже, только у меня – рыжик у двери по-прежнему благодушно спокоен, остальные тоже.

Нас наконец приглашают в зал с экспонатами.

Оператор по команде телеведущей снимает парадный проход разодетой публики на выставку. Попасть в выпуск теленовостей стараются многие, это дает мне возможность проскользнуть внутрь незамеченной.

Зал невелик, это почти камерная выставка. Три прозрачных витрины-куба с драгоценностями вытянуты в линию: посередине корона, а скипетр и подставка с алмазом «Тадж-Махал» – по краям.

Конечно, все вошедшие устремляются к алмазному сердцу. Я не исключение. Некоторую сумятицу вносит еще одна пара с камерой – в зал спешно допущена вторая съемочная группа. Но на них не обращают внимания – всех привлекает «Тадж-Махал». К тому же режиссер и оператор явно с родины алмазов, а попасть в индийские теленовости английские снобы не стремятся.

Рядом возглас «Cracking!». Ого, элита тоже пользуется молодежным сленгом?

Но в данном случае я согласна – алмаз не просто великолепен, второго такого не существует.

Крошечные светильники, встроенные в прозрачный куб

защиты, освещают алмаз, не мешая его осмотру, но выявляя огранку. По всему залу от граней «Тадж-Махала» разлетаются крошечные световые зайчики, как бывает на рождественских праздниках. Восхитительное зрелище.

Подставка под алмазом прозрачна настолько, что кажется, он висит в воздухе. Это позволяет оценить степень чистоты самого камня – ни единого вкрапления, ни трещинки, никакого изъяна! Я плохо разбираюсь в достоинствах бриллиантов, полагая, как и большинство дилетантов, что главное – размер, огранка и прозрачность, но здесь не нужно иметь семи пядей во лбу или быть специалистом, чтобы понять – этот алмаз единственный!

Если сам Тадж-Махал, когда-то построенный Шах-Джеханом в память о любимой жене, – символ вечной любви, то этот алмаз – символ всех бриллиантов. «Кохинор» хорош, но не настолько, «Орлов» велик, но огранен неровно, что лично мне просто не нравится. А «Тадж-Махал» – совершенен во всем.

Если это действительно треть «Великого Могола», как гласит легенда, то Бабур отделил лучшую часть большого алмаза и надолго спрятал ее от людей. «Кохинор» значит «Гора света», «Орлова» когда-то называли «Дианор» – «Море света», но я согласна с нынешним владельцем алмаза, давшим ему имя «Тадж-Махал». Совершенный бриллиант и совершенное строение достойны называться одним именем.

Но это не все.

Мой рационализм не раз высмеивал безбашенный фантазер Джон. По примеру любимого, я попыталась жить эмоциями, витая в облаках. Даже удалось... ненадолго... А потом рациональное начало взяло верх – себя не переделаешь. Но то, что творится со мной при виде алмаза «Тадж-Махал», иначе как рецидивом буйной фантазии назвать нельзя – вдруг начинает казаться, что поистине великолепный прозрачный камень в форме сердца предназначен... мне! Приходится даже руки сцепить за спиной, чтобы невольно не потянуться к бриллианту в попытке взять «свое».

А еще сердце... Я так привыкла к тяжелому, чужому булыжнику в груди, что воспринимаю его только как увесистый аппарат для перекачки крови. Но сейчас вдруг сознаю, что оно замерло от восхищения! Гранитный камень в моей груди способен что-то чувствовать? Это новость.

К действительности меня возвращает движение среди посетителей. В зал входит королева в сопровождении премьер-министра и еще двух приближенных. Рослый мужчина, судя по отменной физической форме, телохранитель. Вторая (наконец-то!) – Элизабет Форсайт, пригласившая меня на выставку.

Еще четверть часа назад я предпочла бы деловой разговор с ней в кабинете, но теперь, увидев чудо «Тадж-Махала», искренне благодарна за приглашение. Могла ведь пройти мимо такой волшебной красоты!

Ее величество, как всегда, образец элегантности – седые

волосы идеально уложены, прическа и фасон костюма неизменны последние полсотни лет.

Все взгляды устремлены на королеву, которая останавливается по одну сторону линии витрин, гости отступают ближе к «Тадж-Махалу», а по другую сторону две съемочные группы и индиец. Теперь мне понятно, что нашла в нем телеведущая, индиец что-то говорит оператору второй группы. Очевидно, он коллега Саманты Браун, у входа принял меня за нее, потому и старался привлечь внимание.

Я остаюсь в одиночестве в другом конце линии витрин напротив толпы гостей.

Телохранитель шагает в сторону, чтобы не попадать под объективы телекамер, и оказывается почти передо мной. Из-за его широкой спины мне плохо видно королеву, но честно говоря, интересней наблюдать за остальными. Премьер-министр рядом с ее величеством старательно демонстрирует, что они почти равны, что-то объясняет королеве, словно это он хозяин выставки, дворца и всей Британии. Что ж, в этом есть резон, у премьера власти больше, чем у королевы, она царствует, а он правит. Хотя в данном случае – королева у себя дома.

Но меня куда больше интересует Элизабет Форсайт. Очередная «железная леди», такая начинающая (а может, уже состоявшаяся?) Маргарет Тэтчер. Она от самого входа окинула цепким взглядом помещение, словно оценивая обстановку, видно, осталась довольна и сосредоточилась на коро-

леве. Не секрет, что «железная леди» метит в премьеры и непременно выставит свою кандидатуру на ближайших выборах через полтора года.

Люблю таких женщин – миловидных, доброжелательных, улыбчивых, но при этом твердых и уверенных в себе. Твердости и уверенности у меня самой с избытком, а вот доброжелательности иногда не хватает. Джон твердит, что это меня и погубит, равно как и привычка главенствовать во всем. Но исправляться поздно, я воробей стреляный в прямом смысле слова.

Ее величество произносит положенные фразы о сотрудничестве разных стран, позволившем устроить эту выставку, благодарит атташе России по культуре и высшего комиссара Индии, выражает уверенность, что сотрудничество продолжится и в дальнейшем, принеся новый обмен культурными ценностями для подобных выставок... и так далее...

Понятно, что сейчас начнутся ответные благодарственные речи.

Я отключаюсь от произносимых официальных банальностей и начинаю разглядывать зал. Покою не дает растущее ощущение опасности. Кажется, тревога разлита в самом воздухе зала, но этого никто не замечает.

Впрочем, я ошибаюсь – чувствует телохранитель королевы, его спина напряжена. Зашевелился и румяный рыжик, который теперь охраняет закрытую дверь изнутри, он даже тянет руку под мышку. Чего он испугался?

Это движение замечает и телохранитель, следуя взгляду констебля, он поворачивает голову чуть влево в сторону витрин и...

Дальше начинается такое, во что поверить просто невозможно!

Каждый, кому доводилось бывать под огнем, знает, насколько прав старик Эйнштейн – время действительно способно изменять свой ход, и все вокруг видится как в замедленной съемке. Мозг бесстрастно фиксирует происходящее, но тело отстает от него.

Я следую взглядом вместе с телохранителем и только боковым зрением фиксирую то, что происходит справа. Вернее, сначала слышу хлопки. Это выстрелы! Три – один за другим из 38-го калибра с глушителем. От первого с большей дыркой в виске падает телохранитель, второй валит констебля у витрин, который вообще не успел как-то отреагировать. Третья пуля предназначена охраннику у выхода, тот едва успевает протянуть руку к кобуре под мышкой, но оседает вниз, съезжая спиной по двери, оставляя на ней кровавый след.

До тела наконец доходит то, что мозг понял мгновенно. Я инстинктивно приседаю, уходя с линии огня, и оглядываюсь, ища источник выстрелов. Теперь уже отстает мозг, потому что осознать увиденное невозможно. Стрелял тот самый рыжий охранник. И как стрелял, сволочь конопатая! Три секунды – три выстрела – три трупа!

А у меня нет оружия, чтобы пустить ему пулю в лоб.

Слева раздается визг – это теледива, на которую рухнул убитый охранник, и оттуда сразу же гремит четвертый выстрел. Теперь стреляет режиссер второй съемочной группы, но не в рыжего, как следовало бы, а в сторону королевы! Его руку подбила шарахнувшаяся в сторону Саманта Браун, но едва ли он целился в лжеохранника.

Судя по звуку, у режиссера тоже 38-й калибр, это привычный для меня «Зиг Зауэр». Попал в премьер-министра, который со стоном начинает заваливаться навзничь, цепляясь руками за кого-то из гостей рядом. Там тоже визжат и бросятся по углам.

Рядом со мной убитый телохранитель. У него наверняка в кобуре оружие. Я пытаюсь дотянуться и... отдергиваю руку. Мимо свистит пуля – я на прицеле у рыжей сволочи, а стреляет он метко. Судя по тому, что рикошета нет, у него пули «Глейзер». Бойтся пострадать сам?

А оператор второй группы уже достает из кофра «Глок-42» – крошку, предназначенную для дамской сумочки, но начиненную теми же пулями 9^x19 мм. Здесь не требуется большого расстояния – от пистолета до королевы нет и пятнадцати ярдов.

Идиот индеец стоит столбом, вместо того чтобы просто выбить пистолет из руки террориста, который целится в королеву. Он в очень удобной позиции, из которой можно уложить в пол обоих лжеоператоров, – но чего ожидать от са-

мовлюбленного павлина, который даже руки поднял, словно кто-то требует сдаваться? И почему холеные красавцы часто такие трусы?

Где же внешняя охрана, черт их подери?!

Мгновения кажутся вечностью, королева на прицеле у бандита, премьер-министр упал, а все, кто мог, шарахнулись в сторону. Все, кроме Элизабет Форсайт. Министр доказывает, что не зря награждена Крестом, она встает перед ее величеством, заслоняя побледневшую королеву от пули.

Мой мозг наконец включается в работу, не только тупо фиксируя происходящее, но и соображая, что делать. Слава богу, проснулся!

Прежде всего, надо отвлечь внимание на себя. Потому я перекатом перекувырнулась через убитого охранника, в то же время понимая, что рыжий своего не упустит. Так и есть: свистит пуля, задевая рукав куртки, но, к счастью, не меня. Мазила! Я бы в тебя, урод, попала обязательно. Мельком вижу, что оператор тоже поворачивается в мою сторону. Теперь я под прицелом сразу двоих, и кто-то из них точно не промахнется.

И не промахнулся бы, но... в зале гаснет свет. А входная дверь уже трещит под напором охраны снаружи. Остается удивляться, как рыжий урод умудрился закрыть ее изнутри.

В самом зале на мгновение наступает тишина – каждый пытается понять, где опасность, откуда угроза. И тут ухо улавливает звуки боя снаружи! Нет, не у дверей зала, не во

дворце, а где-то перед ним, на площади, у монумента. Там автоматные очереди и даже взрывы гранат.

У нас что, 7 июля, а Букингемский дворец превратился в лондонское метро? Или это вообще вариант Локерби?!

Вот теперь мозг работает, опережая время. За мгновение я успеваю прокрутить в голове все факты тех событий и сравнить с творящимся вокруг. Нет, это не одиночный теракт, треск автоматных очередей на площади свидетельствует о почти войсковой операции. Налет на Букингемский дворец?!

Но что бы ни происходило снаружи, мы внутри и королева здесь.

Выключенное освещение оставляет террористов в бездействии всего на несколько мгновений, потом начинается движение. Огромный бигборд закрыл доступ солнечному свету внутрь, но черные тени движутся по залу уверенно, словно видят в темноте. Или каждый их шаг отрепетирован?

В темноте у меня есть шанс добраться до пистолета телохранителя. Плохо, что он лежит на левом боку... Рука попадает в липкую теплую лужу крови, у рыжей сволочи, несомненно, экспансивные пули, они оставляют огромные дыры в теле убитого. В попытке перевернуть телохранителя хотя бы на спину, я натываюсь на кобуру на правом боку. Он левша? Какая теперь разница, разве что его «Глок» под левую руку. Но выбора все равно нет.

Пока я вытаскиваю пистолет, рыжий успевает включить

фонарик. Это его тень метнулась мимо лежащего телохранителя первой. Куда? К витринам с бриллиантами.

Ни черта не понимаю. Они заодно грабят выставку?

Но размышлять над меркантильностью террористов времени нет. Я должна решить, что лучше – попытаться прикрыть королеву или уйти в сторону и отвлечь внимание на себя. Первое чревато тем, что ответными выстрелами террористов королева может быть ранена и даже убита, второе – почти обязательной моей гибелью. Но выбора нет, и я стреляю в рыжего, держащего фонарик, так, чтобы сам фонарик не разбился, его свет нужен. Раздается крик, предатель падает, хотя я не уверена, что замертво, значит, сможет стрелять. Это плохо, рыжая сволочь бьет метко...

К счастью, фонарик действительно не разбился, а лжетелевизионщики отреагировали не сразу, они заняты драгоценностями. Ответные выстрелы выбивают искры из пуленепробиваемой, сброшенной вниз крышки витрины и задевают полу моей куртки, но их промедление позволяет мне уйти от огня. Я прячусь за средней тумбой.

Слабый свет фонарика, упавшего куда-то вниз, словно солнечный луч в воде на большой глубине. Хорошо, что этот свет там, с их стороны, мне видны их силуэты, а им меня – нет, бьют на звук. Еще два выстрела заставляют меня затаиться. На мое счастье, тишины нет, снаружи дверь разбивают уже чем-то тяжелым, а за стенами дворца по-прежнему слышны выстрелы, крики и взрывы гранат.

Террористы снова берутся за витрины, это позволяет мне выстрелить еще раз и перекатиться за крайнюю тумбу. Отсюда мне снова виден рыжий предатель, он жив и пытается что-то делать. Ах ты ж!.. Даже рискуя выдать себя окончательно (перекатываться больше некуда), я добиваю мерзавца двумя выстрелами.

Подстрелить меня саму не успевают. В зале загорается слабое аварийное освещение. Наконец-то! Но неизвестно лучше это или хуже.

– Нет! Не стреляйте! – Женский голос, слишком молодой для королевы. На министра тоже не похоже. Журналистка? – Не стреляйте больше! Умоляю!

Выглядываю из-за витрины. Так и есть. Взяли заложников. Фальшивый режиссер прикрывается журналисткой, лжеоператор – трусом-индийцем. Слава богу, не королевой. Где она? Вот, у стены, под защитой министра.

Мое движение заметили, оружие, кроме террористов, только у меня, потому палят в мою сторону. Следующий выстрел снова высекает искру из пуленепробиваемого стекла витрины – я едва успеваю спрятать голову и слышу приглушенный крик (словно сквозь зубы):

– Не та!

О чем это они? Собирались взять в заложницы королеву?! Ну, нет, пока я жива, этого не произойдет!

Именно: пока я жива, что, судя по обстановке, долго не продлится. Я больше не могу отстреливаться, прячась за вит-

ринами. К тому же в магазине крошечного «Глока-42», который я достала из кобуры телохранителя, всего шесть патронов, пусть и экспансивных. Четыре из них я израсходовала, с двумя оставшимися долго не продержусь.

Нужны буквально секунды, входная дверь вот-вот слетит с петель, но именно их для спасения обычно не хватает.

Если террористы даже в последнюю секунду сумеют захватить королеву, против них никто и движения не сделает, чтобы не навредить ее величеству. Значит, сейчас главное – не позволить приблизиться к той стене, где Элизабет Форсайт заслоняет собой королеву.

Я поднимаюсь в полный рост и вижу, что налетчики отступают к выходной двери. Почему оттуда нам нет помощи? Где охрана, что стоит на выходе с выставки? Но размышлять некогда, последний мой выстрел по ногам лжеоператора. Даже если раню заложника, это не будет смертельно, зато поможет задержать преступника. Судя по крику, я попала, но увидеть этого не успеваю – приходится снова нырять за витрины – со стороны налетчиков в меня разряжают остатки обойм, у них, в отличие от меня, не по шесть патронов. Рикошетом от витрины задевает русского атташе, тот хватается за плечо.

Пока они перезаряжают, пройдут секунды, это позволит мне выстрелить еще раз. Но я ошиблась, налетчики не стали перезаряжать, оружие брошено, и они исчезают за выходной дверью, которая захлопывается, как раз в тот момент, когда входная, наконец, слетает с петель и в зал врывается боевая

группа.

Эти парни разбираться не будут, кто в кого стрелял, вернее, будут, но потом, сначала пустят в ход все свои приемы, потому я отшвыриваю пистолет с одним оставшимся патроном и бросаюсь на пол, закидывая руки за голову.

В это же мгновение за стенами дворца гремит мощнейший взрыв, от которого дребезжат стекла в окнах, а у нескольких автомобилей срабатывает сигнализация. Не иначе как взорвали автомобиль. Следом один за другим слышны еще несколько взрывов уже совсем рядом с нашим крылом. Теперь стекла сыплются внутрь зала.

Господи, да что же там происходит?!

А сердце не просто глухо стучит, словно просясь на волю, оно рвется следом за террористами. Меня почему-то захлестывает черная тоска, будто произошло что-то непоправимое. Такое состояние было, когда я застрелила Джона...

На полу, похоже, лежу только я, остальные сбились в кучу, дамы визжат, кто-то беспрестанно повторяет: «Боже мой! Боже мой!» Я не успеваю даже повернуть голову в сторону разбитых окон, ее придавливает к полу чье-то колено и следует команда:

– Руки!

Возвращая руку за голову, хриплю:

– Свои. Мои документы в кармане...

Без малейших признаков вежливости меня рывком поднимают на ноги, не позволяя опустить руки. Я киваю на вы-

ходную дверь:

– Они там. С заложниками...

– Разберемся, – обещает сержант, изучая мои документы.

У стены в кресле сидит бледная как снег королева, держась за сердце, рядом несколько человек хлопчут над премьером. Раненому русскому перевязывают плечо, а он пытается закурить, хотя курить в Букингемском дворце запрещено. Индийский посол высыпает из коробочки на ладонь какие-то лекарства, руки заметно дрожат. И только Элизабет Форсайт невозмутима, словно не побывала только что на прицеле.

Я ловлю себя на том, что руки дрожат и у меня, тем более, их приходится держать за головой.

– Изучили? – спросила я у констебля с моими документами.

Тот усмехается:

– А... Агентство... Где вы были...

Договорить не успевает, вопрос окончательно выводит меня из себя, я шиплю ему в лицо:

– Это где вы были, когда здесь шла стрельба?!

Руки я опускаю, мой наскок слегка смущает сержанта, но он советует:

– Полегче, мэм.

– Не мэм, а спецагент Джейн Макгрегори!

Мне уже наплевать на их реакцию, наклоняюсь над рыжей сволочью, убеждаюсь, что его открытые глаза неподвижны,

и берусь за черную сумку, в ручку которой намертво вцепились его сведенные предсмертной судорогой пальцы. На глазах у охраны вынимаю корону и следом за ней скипетр. Сержант больше не спорит, он осторожно принимает драгоценную ношу и зачем-то возвращает на места в разоренных витринах.

Третья витрина пуста. «Тадж-Махал» налетчики унести все же сумели.

Снова накатывает черная тоска, будто я сделала все, что смогла, но ничего не получилось. Мне плохо из-за напряжения, перегрузок, неудачи. Налет на Букингемский дворец слишком большая нагрузка для моего «чужого» сердца, оно не привыкло к перестрелкам и смертельной опасности.

Из коридора в выходную дверь за ноги затаскивают лжеоператора, которого я ранила в ногу. За ним тянется кровавый след. Я слышу, как охранник говорит:

– Свои добили в голову. Больше никого.

Значит, по ту сторону двери налетчиков ждала помощь.

В зал уже прибежали врачи, суетятся вокруг премьер-министра, готовят носилки. Королеву убеждают удалиться. Остальным предложено пройти в соседний зал. Высокопоставленные гости цепочкой тянутся к выходу через выбитую дверь, осторожно косясь на меня, бессильно сидящую прямо на полу у пустой витрины под охраной двух дюжих молодцев с автоматами, и труп рыжего.

Глупей ситуации не придумаешь – рисковать под пулями

жизнью, отстреливаться, чтобы потом тебя вот так держали отдельно от других, как террористку.

Но мне так тошно, что это даже не задевает.

Мысли тягучие-тягучие, безразличные, словно все пропало. Собственно, так и есть. Я хотела встретиться с министром? Встретилась, не дай бог никому таких встреч. Хотела вернуться к работе? Вернулась и даже продемонстрировала свои навыки. Ничего хорошего ждать теперь не стоит, и я это понимаю лучше других.

Охрана прозвала покушение на королеву и тяжелое ранение премьер-министра, им позарез нужно найти на стороне «стрелочника», на которого можно свалить хотя бы часть вины. Я подхожу на эту роль идеально, наше агентство и без того терпеть не могут, я после событий годичной давности вне штата, значит, и заступаться особенно не должны (вот тут они ошиблись, Эдвард не даст меня в обиду, да я и сама могу за себя постоять). Поэтому допрашивают меня – там же, в Букингемском дворце, в соседней комнате – если и не с пристрастием, то крайне пристрастно.

Где я раздобыла пропуск на выставку? Почему так уверена, что именно охранник Мартин Кеннан (вот, оказывается, как звали рыжего иуду) открыл огонь первым? Каким образом я завладела оружием – и стоило ли подвергать смертельному риску ее величество, устроив перестрелку в выставочном зале? Не мои ли действия спровоцировали террористов, ранивших премьер-министра? И опять: откуда я знаю,

что именно Кеннан расстрелял коллег, если стояла к нему почти спиной? Почему вместо того, чтобы открыть входную дверь подоспевшей охране, я предпочла затеять пальбу, рискуя жизнью королевы и премьера? И опять, и опять, и снова...

Меня этим не проймешь, но когда спрашивать начинают по третьему кругу, я не выдерживаю:

– Вы задаете не те вопросы.

– Да? – молодежавый лощеный хлыщ из «охранки» иронически приподнимает бровь. – И какие вопросы задали бы вы?

– Сколько еще «крыс» в вашей конторе и за сколько сребреников продаются ваши сотрудники. Кто из них вырубил свет во дворце, обесточив выставочные витрины, что позволило похитить алмаз «Тадж-Махал».

Старший хмурится:

– Вы намекаете, что сотрудники нашего управления могли участвовать в подготовке этого теракта?

– А разве Мартин Кеннан не ваш сотрудник?

Понимаю, что это удар ниже пояса, но иначе уже не могу. Досадно, что они теряют время на пустые вопросы вместо того, чтобы расследовать по свежим следам. Возможно, я не права и кто-то другой в это время уже распутывает загадки произошедшего, но ведь я ключевой свидетель, даже участник, со мной следовало бы пошагово пройти все место преступления и посекундно зафиксировать произошедшее.

Или я подозреваемая и они, наоборот, ищут улики против

меня?

Тогда лучше бы передали дело более серьезным структурам. Надеюсь, так и будет.

Офицер решает поинтересоваться моим мнением:

– Что, по-вашему, в поведении террористов не так?

Отвечать не хочется, я зла до чертиков, но беру себя в руки. Обиды потом – сейчас важнее дело.

– Ради чего этот налет на выставку? Террористы не сделали и шага в сторону королевы. Следующий выстрел должен был быть в нее, если их цель королева, конечно.

– Туда и стреляли, но попали в премьер-министра.

Я снова чуть задумалась.

– Нет, чтобы расстрелять королеву, премьера и министра, достаточно пары очередей. А они еще и глушители применили. Почему? Если это налет на королеву, то почему именно против нее не было сделано ничего?

– Не хотите же вы сказать, что целью налетчиков было похищение бриллиантов?

Я киваю:

– А это вообще нелепость. Почему не ночью, не завтра, не в любой другой день? Время, когда на выставке королева, самое неподходящее для налета ради кражи. Так чего они хотели?

– Вы не могли бы подробнее изложить свои соображения, агент Макгрегори?

Я оглядываюсь. Углубившись в рассуждения, не замети-

ла, что рядом стоит и внимательно слушает среднестатистический лондонец. Именно его совершенная неприметность выдает сейчас принадлежность к «высшей лиге». МИ5, не иначе.

Эти ребята работают более толково, чем охрана королевской семьи, и куда быстрее тоже. Они наверняка уже знают все о пригласительном билете, Эдварде, а заодно и обо мне от момента зачатия до того, какое лекарство давно пора принимать.

– Я Джим Воспер. Агент Макгрегори, могу я попросить вас проехать со мной для более детального разговора?

– Мы еще не сняли у нее отпечатки пальцев! – взвизывает офицер службы охраны.

Я получила, что хотела, и усмехаюсь, поднимаясь со стула:

– Мои отпечатки есть в картотеке министерства. В последнее время свои пальцы я не меняла. А в зале мои следы только на «Глоке» телохранителя королевы, ничего другого я не касалась. Кстати, премьер-министр убит?

– Нет, ранен. – Среднестатистического лондонца явно впечатлила моя полная сарказма тирада.

За стенами Букингемского дворца творится невообразимое. Кажется, не только Скотланд-Ярд, но все министерство внутренних дел, включая конную полицию и кадровиков, в полном составе собралось, чтобы затоптать немногие возможные улики.

Десяток машин «Скорой помощи», хотя основных по-

страдавших уже увезли... Констебли со служебными собаками, страшно нервничающими из-за полной невозможности взять хоть какой-то след в этой толчее. Остовы нескольких сгоревших машин и воронка между оградой дворца и монументом Виктории, которую уже огородили лентой.

Но страшней всего лежащие рядами тела в мешках – явно трупы погибших. Сколько их? А еще кровь прямо на асфальте у Букингемского дворца... Запах гари...

Я киваю на сгоревшие машины возле Северного входа во дворец, мимо которых мы проходим:

– Что это?

– Стреляли по бензобакам.

Те самые машины, на которых на выставку прибыли посетители в драгоценностях...

Я останавливаюсь, чтобы еще раз окинуть взглядом и запомнить всю картину, словно предчувствуя, что это пригодится. На сердце невыносимо тяжело, и вовсе не потому, что время приема лекарства безнадежно пропущено. Просто тяжело, и все.

Ведомство Джона Дэя, куда входит и МИ5 под руководством Эндрю Паркера, всегда бодалось с министерством внутренних дел вообще, а уж с нашим агентством особенно. Таково положение во всех странах, каждое ведомство считает себя самым полезным, а остальных почти дармоедами. Даже внутри службы столичной полиции существует ревностное соперничество, что же говорить об отношении к тем, кто

почти никому не подчиняется?

Последняя попытка правительства примирить конкурирующие фирмы, поставив над всеми одного нового министра национальной безопасности, пока результатов не дала. Может, со временем...

Здание МИ5 Темз-Хаус возле Ламбетского моста у меня всегда вызывало ассоциацию с комодом. Но выбирать не приходится, комод так комод, я оказалась свидетельницей, а если вспомнить убийство террориста и ранение второго из оружия погибшего телохранителя королевы – то и участницей слишком серьезного происшествия, чтобы быть отпущенной после допроса оплошавшей службой охраны дворца.

Конечно, в МИ5 знают и о моем боевом недавнем прошлом, и о билете, подписанном министром, и о том, что это я воспользовалась «Глоком» убитого телохранителя.

Кабинет Джима Воспера невелик, если вообще не сказать мал, на столе минимум бумаг, у шкафов глухие дверцы без стекол, на одной стене едва заметен сейф, на второй – небольшой телевизор, работающий без звука.

О чем могут быть все телепередачи этого дня? Конечно, о налете!

Телестудии крутят и крутят немногочисленные кадры, полученные из Букингемского дворца, конечно, только те, которые позволили показать скромные среднестатистические парни.

Снимая очередь на выставку, кто-то из операторов

невольно оказался свидетелем расстрела этой очереди. Видно, как по людям у ограды дворца полоснули из автомата. Кто-то упал сразу, кто-то пытался закрываться руками, мать заслоняла девочку от пуль...

Сам оператор тоже упал, камера дернулась и несколько секунд выдавала картинку в перевернутом виде. Потом выправилась, видно, державший ее человек сумел справиться с собой. И снова пошли кадры с корчащимися от боли людьми, кровь повсюду, в кадр попал человек в маске с прорезями для глаз и губ с автоматом в руках... А потом съемка прервалась, это могло означать что угодно – оператора убили, в камеру попала пуля, ее просто уронили или дальше шли столь страшные кадры, что показывать их на экране просто было невозможно. Оставалось надеяться, что пострадала лишь аппаратура.

Но даже крупницы, допущенные на экран, создавали ужасную меня, немало повидавшую за время службы, картину. Это не простая, пусть очень эффектная, кража бриллиантов, а настоящий бой со взорванной машиной террористов! Кому понадобилось устраивать такое в центре Лондона, да еще и с участием королевы?

Также меня потрясла фотография констебля, первым проверившего мой билет на выставку. Судя по тому, что его портрет выплыл на экран в ряду нескольких людей в полицейской форме, он оказался в числе погибших снаружи. А ведь у него жена и две маленькие дочки...

От разглядывания телевизионной картинке меня отвлек вопрос Воспера:

– Так что вы говорили о своих сомнениях по поводу налета?

– Он нелепый.

После того как я увидела картину происходившего снаружи, сомнения отпали окончательно.

– Чем?

– Где нападали террористы снаружи?

Офицер только пожимает плечами. Я отвечаю сама:

– У центральных ворот, там, где больше всего народа, легче спрятать свое оружие и наделать много шума. Они не столько убивали людей, хотя и этого достаточно, сколько производили шумовой эффект. Стрельба по окнам второго этажа... зачем она? Светошумовые гранаты.

– А это откуда известно?

Теперь уже я пожимаю плечами:

– Заметила неразорвавшуюся М84 у ограды.

– Ого! Ну, и зачем все, по-вашему?

Я вижу, что он знает ответ, но желает услышать мои рассуждения. Что ж, разумно.

– К Центральным воротам были оттянуты основные силы охраны. А в зале выставки все наоборот. Входные двери закрыли, калибр оружия небольшой, у пистолетов глушители, все движения явно отретпетированы...

– Почему вы так решили? – оживляется Воспер.

– Налетчики действовали молча, слаженно, никаких команд. Две фразы только после того, как я выстрелила в одного из них.

– Откуда у вас оружие?

– Использовала «Глок» телохранителя.

– Какой у него «Глок»?

Проверка, не вру ли?

– Сорок второй. Кстати, телохранитель левша.

– Продолжайте. Как долго все длилось?

Я закрываю глаза и пытаюсь представить произошедшее.

– Минута и тридцать одна секунда.

– Вы так точны?

– Могу повторить все посекундно. Налетчикам удалось уйти?

Офицер мрачнеет.

– Да, причем мы пока не знаем как. На площадь перед дворцом они не выходили.

– А на камерах не видно?

– Электроэнергия была отключена не только во дворце, но во всем районе. Во дворце аварийное освещение включилось через тридцать секунд, по периметру через три минуты. Но еще четверть часа шел настоящий бой. К тому же они взорвали свою машину с пластитом и расстреляли целый ряд автомобилей.

– Неужели не оставили никаких следов?

– Оставили, да еще какой! Вы убили одного налетчика и

ранили в ногу еще одного, раздробив колено. Он не смог бы идти, и его в коридоре добились свои. Но это все, дальше налетчики просто исчезли, словно растворились в воздухе.

– Им помогали по ту сторону двери! Террористов в зале было трое, один убит, двое других увели двух заложников. Если в коридоре убили еще одного, то кто же увел индийца и телеведущую?

– Да, вы правы... Но куда они могли деться, если наружу не выходили? Помещения проверены досконально...

Хочется заметить, что проверять надо было до, а не после налета, но я понимаю, что вины МИ5 в разгильдяйстве охраны выставки нет.

– Вы можете нарисовать схему расположения основных участников?

– Да, конечно.

Следующие полчаса я рисую схему за схемой с разных точек зала, помечаю передвижение налетчиков и трассы пуль, как я их представляю, поясняю, что происходило в какой момент... Джим Воспер вникает, задает вопросы, уточняет что-то. Вот это другое дело. Это не дурацкие попытки свалить вину за перестрелку на меня, чтобы снять ее с себя.

Немного погодя нам обоим ясно, что странностей в поведении налетчиков внутри зала куда больше, чем логики. Снаружи все понятно – там шел отвлекающий бой, где нужны шум, взрывы, потоки крови и страх, но внутри... Логичны только первые три выстрела рыжего урода, все остальное

плохо объяснимо.

Почему рыжий не застрелил меня, хотя понимал, что я могу оказать сопротивление? Почему поспешно бросился к витринам забирать корону и скипетр? Почему они не сделали ни одного выстрела в сторону королевы после неудачного, в результате которого пострадал премьер? Почему не сделали попытку взять в заложницы королеву или кого-то из дам, стоявших довольно близко? Индиец и непрерывно визжащая журналистка...

Никакой это не теракт против королевы. Но и не грабеж. Слишком много сил потрачено и слишком большой риск даже для драгоценностей, которые были на выставке. А ведь смогли забрать только одну. При мысли об украденном «Тадж-Махале» мне снова становится тошно, словно человечество потеряло нечто неизмеримо ценное. Мой булыжник внутри прибавляет в весе.

Я вспоминаю об индийце:

– Кто он такой?

Воспер мгновение молчит, потом вздыхает:

– Вы не увлекаетесь индийским кино?

– Чем?! Нет, конечно!

– Если бы увлекались, то знали бы, что это индийский режиссер с мировым именем, снимавший... снимающий, – быстро поправляет он сам себя, видно, чтобы не накликать беду, – фильм под названием «Тадж-Махал».

– Вот почему его пригласили...

– Да, наверное.

– Но с каких пор королева стала любительницей индийских фильмов?

– Режиссер получил пригласительный билет через канцелярию премьеры. На свою голову...

– Много жертв?

Офицер тяжело вздыхает... Слов не требуется. Впрочем, я сама видела ряды черных мешков и воронки от взрывов. «Удалась» выставка...

Ясно, что ничего не ясно – эта присказка моего Джона лучше всего подходит к нынешней ситуации.

Но у Воспера еще одна проблема – что делать со мной? С точки зрения нормальных людей я поступила почти героически, рискуя жизнью, отвлекала налетчиков от королевы. С точки зрения охраны дворца наоборот – спровоцировала перестрелку, создав угрозу жизни ее величества.

Я себя виноватой в перестрелке не считаю, поскольку началась она задолго до выключения света и моего выстрела в рыжего (эту сволочь я с удовольствием расстреляла бы еще раз из 45-го калибра и с близкого расстояния). А вот в том, что, как и охрана, проглядела рыжего, виню. Не важно, что видела его впервые, если интуиция подсказывала, что опасно, нужно внимательно присмотреться ко всем, а не размышлять о том, какие «Глоки» использует охрана дворца.

Я себя виню, но каяться или посыпать голову пеплом не собираюсь, разве что пеплом своих надежд на возвращение

в строй. При таком скандальном начале не стоит ждать продолжения. Теперь одна дорога – в частные сыщики. Если, конечно, удастся доказать, что я стреляла по бандитам не от безответственности, а только из желания отвлечь внимание от королевы.

При мысли о психологах, которые покоя мне не дадут еще долго, настроение испортилось окончательно. И зачем я пошла на эту выставку? Могла бы сказать, что... зуб болит или диарея замучила.

Оплакать свое невеселое будущее я не успеваю, потому что дверь кабинета открывается и на пороге появляется... V. С. Элизабет Форсайт собственной персоной!

Глава 2

Тогда они еще не были Шах-Джеханом и Мумтаз-Махал, так принца Хуррама и внучку главного визиря Арджуманд назвали позже. Никто не знал, что их любовь и верность друг другу переживут века и останутся в памяти человечества, в том числе благодаря выстроенному Шах-Джеханом великолепному памятнику своей Мумтаз – усыпальнице Тадж-Махал.

– Арджуманд, эй, соня, вставай! – насмешливый голосок Сати выхватил девушку из сна. Уже мгновение спустя Арджуманд не могла вспомнить, что снилось, но определенно что-то хорошее.

Открыв глаза, она увидела, что еще не рассвело.

– Это я соня? Зачем ты разбудила меня так рано?

Подруга присела на край ее чарпай и заговорщически зашептала:

– Ты забыла, куда мы сегодня собрались идти?

– Ты сломаешь основу моей кровати! – рассмеялась Арджуманд. – Не на рассвете же мы пойдем? Сначала нужно показаться тетушке Хамиде, ведь если она обнаружит наше отсутствие, скандала не миновать.

Сати на мгновение задумалась, но потом решительно помотала головой:

– Нет, сходить нужно, пока госпожа не проснулась.

– Все равно рано. Тетушка Хамиде встанет лишь к полудню, потом будет долго курить кальян и проклинать жару, ругать служанок за неловкость или не ту одежду... Мы успеем не только на рынок Агры, но и в Дели сбегать. Не думаю, что торговцы уже расположились со своими товарами.

В ее словах был резон, однако Сати, возбуждение которой не позволило ей не только спать, но и просто сидеть на месте, настаивала, чтобы отправиться на рынок пораньше, пользуясь тем, что надзирающая за ними тетушка Хамида витает в снах, сладко похрапывая. Подружки даже знали, что ей снится, – толстой Хамиде Бегум всегда снились сладости, даже губами причмокивала, будто пробуя джалеби или гулаб джамун.

Конечно, будь жива мать Арджуманд, она ни за что не позволила бы дочери даже думать о походе на рынок. Девушка столь знатного рода не могла выйти с территории зенана – женской части дворца Красного Форта Агры.

Но мать Арджуманд помнила очень плохо: та умерла, рожая вторую дочь Фарзану. У Арджуманд был и младший брат – Мирза Абуталиб, но он совсем мал, отец дожидаться не мог взросления сына, да еще и появившегося на свет после двенадцати лет брака от рабыни, возможно, потому Асаф-Хан воспитывал свою любимицу Арджуманд как мальчишку, позволяя ей слишком многое.

Ворчали все: дедушка Гиязбек, бабушка Рауза Бегам, тетушка Мехрун-Нисса... К Арджуманд даже приставили тол-

стю Хамиде, чтобы присматривала получше, но это помогало мало. Сестра Асаф-Хана Мехрун-Нисса твердила, что лучше бы брат вовсе не воспитывал дочь. Она считала главной задачей племянниц удачное замужество и пыталась обучить старшую женским хитростям, при этом забывая, что сама обожала верховую езду и охоту на слонах, прекрасно стреляла и меньше всего заботилась о своем муже – прославленном полководце Шер-Афгане.

У самой Арджуманд душа больше лежала к отцовской учебе, хотя она понимала, что советы тетушки могут в жизни пригодиться.

Арджуманд шел тринадцатый год, и Мехрун-Нисса решила, что девушке пора принять участие в мина-базаре. Это развлечение со времен самого основателя династии Великих Моголов шаха Бабура ежегодно устраивали для женщин зенана. Один день в году у красавиц зенана была возможность открыть свои лица.

Рынок устраивали в садах дворца весной, и торговали на нем... женщины и девушки зенана. Конечно, покупателей-мужчин интересовали вовсе не выложенные на прилавки безделушки, а сами торговки. На мина-базар допускались только представители знатных родов, то есть по обе стороны прилавков стояли равные.

О, сколько каждый год бывало открытий! Одно дело видеть лишь загадочно блестящие глаза, старательно подведенные каджалом, и совсем иное все лицо красавицы. Как часто

поклонники и влюбленные даже не узнавали тех, о ком мечтали. И наоборот, открытое личико какой-нибудь девушки оказывалось очень привлекательным из-за ее белозубой лукавой улыбки.

Некрасивых женщин в зенане не бывало, здесь даже служанки подбирались не только из-за умения что-то делать, но и с учетом внешности. Ничто не должно оскорблять взор падишаха, в том числе непривлекательное лицо подающей ласки девушки.

Население зенана всегда было велико, прежние падишахи имели гаремы в сотни красавиц, даже Акбар, любивший своих Рукию и Джодху, не чурался общества других прелестниц. У нынешнего падишаха Джехангира, сына Великого Акбара, жен полтора десятка, но много наложниц, к тому же в зенане остались все наложницы и вдовы его отца.

Придворной дамой одной из таких вдов – Салимы – и стала Мехрун-Нисса.

Все эти женщины, обычно проводившие целые дни в лени и пересудах, ко дню мина-базара оживлялись, заказывая новые наряды и тайно подбирая то, что будут продавать.

Узнав, что Арджуманд тоже предстоит показать себя, прежде всего обрадовалась ее близкая подруга Сати. Они были ровесницами, но это не мешало Сати давать советы подруге с позиции старшей и более опытной.

Саму Арджуманд вовсе не привлекала возможность красоваться перед чужими мужчинами, а еще меньше радовала

необходимость что-то продавать. Вот уже чего она не умела совсем!

– Сати, но мне нечего выкладывать на прилавок! Кто-то заранее вышивает кошельки или палантины, кто-то плетет браслеты... Тетушка расписала столько тканей, что их хватит на три мина-базара. Я же слишком поздно узнала о своем участии, чтобы успеть заготовить что-то достойное, а выставлять сделанное наспех или всего пару красивых поделок не хочу.

Сати фыркнула:

– Ты думаешь, большинство этих болтушек намерено продавать сделанное своими руками? Вот уж нет!

Арджуманд прекрасно понимала это сама, но все же возразила:

– Женщины уже скупил все достойные украшения у торговцев, которые приносят их в зенан. Если что осталось, то такое, на что не стоит смотреть.

Тут Сати и осенила счастливая мысль:

– Не всех торговцев допускают в зенан, многие никогда не бывали во дворце. Но я знаю, что у них бывают очень красивые вещи. Нужно идти на рынок и купить там!

Конечно, Сати права, далеко не все самые искусные изделия приносились в зенан, на рынке Агры торговали мастера разных стран, там можно купить многое, да и сходить на рынок тоже заманчиво – только как это сделать? Тетушка Хамида никогда не позволит Арджуманд отправиться в

торговые ряды, а если это произойдет, вокруг будет столько охранников, что продавцы попросту разбегутся. И весь гарем уже через пять минут узнает о попытке дочери визиря купить что-нибудь самостоятельно. Тогда насмешек не избежать.

Арджуманд не боялась насмешек женщин гарема – ей все равно, – но давать повод упоминать свое имя за своей спиной не хотелось. К тому же она была еще слишком юна, чтобы бросить вызов гарему.

Сати решила все просто:

– Мы пойдем тайно! Завтра же отправимся за ворота, ты наденешь мою одежду.

Арджуманд не раз бывала вне стен зенана, но никогда без сопровождения. Обычно она сидела в паланкине Мехрун-Ниссы и через щелочку между занавесками осторожно разглядывала бурлящую вокруг жизнь. Либо ездила в мужской одежде верхом вместе с отцом. В таком случае нижняя часть ее лица обязательно бывала закрыта, а взгляд устремлен на отцовскую спину, чтобы, упаси Аллах, не потеряться.

Теперь же Сати предлагала тайное путешествие переодетыми и без охраны. Сначала Арджуманд отказалась: она не боялась риска, но понимала, что, если что-то случится, отец не переживет. Но Сати была настойчива, уже через пару часов горячих увещаний дочери визиря стало казаться, что все не так уж страшно. Они переоденутся простыми горожанками, закроют лица и зайдут всего в пару лавок ювели-

ров. К тому же Сати нашла сопровождающего – слугу Гопала, тот готов был сделать для своей любимицы все, даже вывести из зенана и привести обратно.

Издали донеслись звуки ударов больших барабанов – дундуби.

– Сати! Падишах еще только выходит на крепостную стену, значит, до рассвета целый час.

Падишах действительно каждое утро за час до рассвета показывался своему народу – выходил на небольшой балкон на крепостной стене, чтобы подданные убедились, что он жив и здоров.

Где бы ни был правитель огромной империи Моголов, он непременно демонстрировал свое благополучие, иначе могли пойти слухи и начаться ненужные волнения. Отец рассказывал Арджуманд, что не всегда Джехангир выходит сам, на высокой крепостной стене человек едва виден, главное, чтобы на нем была соответствующая одежда и фигура подходила. Бывало, когда император не мог проснуться в соответствующее время либо чувствовал себя плохо, его замещал визирь. Они немного похожи, а в верности Асаф-Хана падишах Джехангир мог не сомневаться.

Многие ли знали о такой подмене? Наверное, но вслух не говорили, потому что язык чаще теряют вместе с головой.

Кто из них сегодня на стене – падишах или его визирь? Какая разница?

Прозвучал призыв муэдзина к первой молитве, и право-

верные поспешили расстелить свои коврики. Время утренней молитвы очень важно, хотя и коротко – от первой узенькой полоски света на востоке до того момента, когда солнце поднимется над землей на высоту копья. Но на востоке горы высокие-высокие, солнце из-за них поднимается медленно, словно цепляясь за заснеженные верхушки, потому в Агре внимательно слушают призывы с минарета, боясь пропустить нужные минуты.

О горах Арджуманд слышала от отца. Асаф-Хан рассказывал ей, тыча пальцем в большую карту, что горы на севере, горы на востоке, на западе огромная каменистая пустыня, на юге жаркие и влажные джунгли... И все равно империя огромна и плодородной земли много. Там, где люди не ленятся, урожаи снимают дважды, а то и трижды в год.

Арджуманд мысленно отругала себя: о чем она думает во время фаджра?! Разве можно отвлекаться, произнося слова первой молитвы? Это хуже, чем если бы на нее совсем не вставать.

Но не отвлекаться никак не получалось. После мыслей о размерах империи девушку отвлекли мысли о предстоящем походе на рынок. Сати ничуть не сомневалась, что идти стоит, вечером она сумела убедить в этом и подругу, но к утру сомнения одолели Арджуманд снова. Нет, она ничуть не боялась идти, не переживала за свою безопасность, но прекрасно понимала, что, если кто-то узнает, неприятностей будет не счесть, тетушка не упускает возможности несколько дней

выговаривать из-за любого мелкого проступка, а уж в таком случае...

Сати удивилась:

– А почему Мехрун-Нисса должна что-то узнать? Разве только ты сама ей расскажешь.

– Вот еще! Я, по-твоему, глупей сороки?

– Тогда чего ты боишься?

Арджуманд честно призналась, что не знает, но чувствует, что случится что-то такое...

– Плохое? – чуть сдвинула брови Сати.

– Нет... Но что-то очень-очень важное.

Это ощущение не отпускало ее, заставляя биться сердце и алеть щеки.

Сати тоже чувствовала что-то, но полагала, что это касается необычных украшений, которые они сумеют купить для мина-базара. Вот тогда будет чем похвастать перед женщинами гарема.

Если бы они знали, что эта невинная выходка изменит жизнь не только Арджуманд, но и всей империи! А потом и всего мира. И не только потому, что произошедшее с маленькой травинкой на бескрайних степных просторах влияет на жизнь Вселенной, но и потому, что судьба самой Арджуманд, а потом и ее мужа будет весьма значимой, их любовь станет для многих поколений самых разных людей примером чистой и вечной любви.

В зенане Красного Форта Агры правили женщины. Со

времен шаха Акбара даже охраняли женскую половину дворца женщины. Акбар терпеть не мог евнухов, его передергивало от вида этих полумужчин, падишах решил, что с нарушителями спокойствия вполне способны справиться сильные, рослые красавицы, владеющие оружием не хуже воинов. Их привозили откуда-то с севера, разрешали не закрывать лица, носить мужскую одежду и оружие. Некоторые были даже красивы, но их рост и крепость фигур обычно избавляли защитниц от мужского внимания.

Управляла зенаном тоже женщина.

Османские императоры доверяли свои гаремы матерям, справедливо рассудив, что жены будут предвзяты и между ними начнутся свары. Великие Моголы нередко поручали управление незамужним дочерям.

В этом был свой резон. Дочери индийского падишаха очень трудно выйти замуж. Отдавать принцессу даже за очень богатого и родовитого подданного ниже ее достоинства, равные ей принцы вокруг Индостана сплошь шииты, брак с которыми тоже невозможен. Отчасти поэтому падишахи закрывали глаза на то, что их красавицы-дочери, оставаясь незамужними, грешили в объятиях чужих мужей. Если они бывали достаточно ловки, чтобы не выставлять свою связь напоказ, и достаточно разумны, чтобы не рожать детей, то поведение принцесс даже не осуждали.

Одна из таких старых дев обычно правила гаремом. Сейчас это была Ханзаде, сестра падишаха, не имевшая ни ма-

лейшей надежды выйти замуж, потому что никто из принцев не готов был взять ради нее еще и трех ее старших, далеко не юных сестер, как полагалось по обычаю.

Зенан падишахов Хиндустана достоин отдельного повествования, но кто бы мог о нем рассказать, ведь мужчины туда не допускались, а женщинам не дозволялось выбалтывать тайны обитательниц женской половины дворца под страхом смерти. Конечно, они рассказывали, еще и значительно приукрашивая...

В Агре многое болтали о самых красивых женщинах мира, собранных в гареме, о несметных богатствах, которые падишахи дарили им, о невиданных чудесах, творившихся за оградой, а еще о сладострастии красавиц и их капризах. Падишах мог позволить себе иметь этих женщин, а красавицы зенана могли позволить себе капризы.

И правившая гаремом Ханзаде была властна далеко не над всеми ними. Она не могла указывать своим мачехам – вдовам падишаха Акбара, зато успешно портила жизнь их придворным дамам и остальным женщинам гарема. Но была одна из королев, приказывать которой не посмел бы и сам Джехангир – его названная мать королева Рукия. В свое время с Рукией считался и падишах Акбар, именно ей он поручил воспитание принца Селима, будущего Джехангира.

Но Рукия не боялась падишаха не только потому, что была его названной матерью, просто она действительно была на голову выше остальных женщин, даже любимой Акбаром ко-

ролевы Джодхи – родной матери Селима-Джехангира.

У Ханзаде хватало ума не возражать Рукие и ничего не предпринимать против ее слуг. А еще против служанок королевы Салимы, с которой Акбар тоже считался. Ханзаде хватало остальных, которым доставалось особенно.

Ханзаде очень любила красивых мужчин и люто ненавидела красивых девушек. Если бы она узнала о самоволии Арджуманд и Сати, те бы не избежали неприятностей. Но Ханзаде считала их совсем девчонками, а потому охрана еще не следила за каждым шагом внучки великого визиря.

Старый слуга Гопал провел своих подопечных через тайную калитку прямо на улицу, ведущую к рынку Агры.

Девушки помимо своей воли крутили головами, и заметив это, Гопал зашипел, чтобы не глазели по сторонам. Сати тихонько рассмеялась.

– Ты чего? – осторожно поинтересовалась Арджуманд.

– Гопал приказывает нам, как простым девчонкам. А вдруг он сейчас решит продать нас кому-то?

– Глупости! – фыркнула Арджуманд. Она хорошо знала, что старый слуга верен не просто хозяину, а своему долгу, который в тот день состоял в том, чтобы не допустить никаких неприятных происшествий с беспокойными подопечными.

Рынок очень интересное место, особенно для тех, кто никогда не бывал там как обычный покупатель. Даже сладости казались иными.

Несмотря на раннее утро, уже вовсю пахло приготавливаемой едой.

– Смотри, бадам писта! – показала пальцем на ореховую помадку, выложенную несколькими горками, Сати.

– Пойдем, пойдем, – торопила ее Арджуманд, которой хотелось поскорей добраться до нужных лавок. Не джалеби или буфри же они покупать пришли, не сладостями намерены торговать на мина-базаре. Разве этим удивишь покупатель дворца?

Вкусно пахло роган джошем – мясом с большим количеством лука, Сати даже застонала:

– Умираю от голода.

Тут они услышали вопли какой-то торговки съестным:

– Ах, ты бадмаш! Ах, ты дакойт!

Мальчишка умудрился вытащить большой кусок халвы с нижнего ряда горки, развалив ее всю, и теперь толстая торговка не знала, что делать раньше – догнать воришку или следить, чтобы остальную халву не растащили его приятели. У торговки был повод костерить маленького ловкача прохвостом и разбойником.

Арджуманд решительно потянула подругу прочь:

– Пойдем, нам некогда.

С трудом справляясь со своим волнением и желанием все потрогать и обо всем расспросить, они пробирались к рядам, где были расположены лавки ювелиров, выбирать красивые вещицы для предстоящего мина-базара решено было там.

Хозяева лавок крутили носами и подозрительно косились на двух простенько одетых девушек и сопровождавшего их старика. Небось, приехали родственницы из деревни, старик решил показать им сокровища из сказки, а те и рты раскрыли. Такие ничего не купят, денег не хватит, но стащить что-то могут. Приходилось смотреть внимательно...

У ювелиров имелось много красивых изделий и цены были куда ниже тех, что называли в зенане, но сердце подсказывало Арджуманд, что искать ценные вещи нужно не здесь.

– Чего тебе не хватает? – удивлялась Сати. – Посмотри, как красиво и совсем недорого.

Арджуманд и Гопал не без оснований испугались, что после таких слов весь рынок поймет, что за своевольные красавицы явились покупать украшения.

– Пойдем отсюда! – Арджуманд потянула Сати за собой прочь от ювелиров. – Ты не знаешь цен. Это дорого, для нас очень дорого!

Она постаралась, чтобы продавцы услышали эти слова, а на Сати просто зашипела:

– С ума сошла?! Хочешь, чтобы все поняли, кто мы?

Та уже прикусила язык, осознав, что едва не выдала тайну.

Гопал замахал на них руками:

– Эээ... не стоило приводить этих родственниц на рынок! Делают вид, что в их кошелях не медяки, а золото.

Сати подыграла своему слуге, она обернулась к продавцу, у которого рассматривала украшения, и ахнула:

– Три золотые монеты?!

– А ты думала какие, если это золото?

– А это золото?

Сати прекрасно сыграла деревенскую глупышку, ошеломленную пониманием, что держала в руках изделия из золота, а не раззолоченные подделки сродни своим домашним.

Ее вопрос страшно возмутил ювелира, Арджуманд едва успела утащить подругу прочь, пока той не попало по-настоящему. Вслед им неслось:

– Ходят тут всякие! Чтоб я ни тебя, ни тебя здесь больше не видел!

– У самих, небось, и пяти дамов нет, а важничают, будто имеют целый лакх.

Пришлось действительно поторопиться, потому что кто-то добавил:

– А, может, они вообще воровки?

На счастье подруг, ювелир оказался человеком порядочным, он помотал головой:

– Нет, ничего не пропало. Да они и смотрели всего пару вещей. Нет, все на месте.

Ювелир не стал говорить, что заметил интересную деталь – на шее у девушки было настоящее, пусть и не массивное украшение. И серьги в ушах тоже золотые. Нет, эта красавица знала цену вещам, но почему-то не желала раскрывать свое собственное положение. В таких случаях лучше делать вид, что ни о чем не догадался.

Нарушительницы спокойствия спешили прочь от ювелирных лавок.

– Сходили... – помрачнела Арджуманд. – Теперь в этих рядах нечего и показываться.

– И чего он так обиделся? – Сати чувствовала себя виноватой и пыталась свалить эту вину на мастера. – А что такое дам?

– Мелкая монета, совсем мелкая. Лакх... – объяснил Гопал, но Сати не дала договорить.

– Я знаю, что лакх это сто тысяч рупий.

Гопал только вздохнул, что такое сто тысяч слуга не знал. Наверное, очень-очень много...

Они уже решили возвращаться, при этом Гопал мысленно умолял Аллаха позволить им добраться до зенана без происшествий, клянясь, что больше никогда не станет помогать девушкам делать то, чего делать нельзя.

Внимание Арджуманд привлек прилавок, на котором были выложены кинжалы. Утреннее солнце отражалось в стали, посылая блики. Но форма кинжалов была странная, вернее, странная рукоять в форме «Н».

– Что это? – спросила она шепотом.

Сати повернула голову и звонко рассмеялась:

– Это раджпутские кинжалы! Смотри. – Она взялась за рукоять, сделала несколько быстрых движений, вызвав недоуменное восхищение продавца – не всякая девушка может обращаться с таким оружием. Он кивнул:

– Да, это раджпутские кинжалы – куттары.

– А почему у них такие странные рукояти?

Польщенный вниманием продавец принялся объяснять, хотя прекрасно понимал, что девушка не купит оружие. Но покупателей все равно не было – почему бы не поговорить?

Он рассказал, что рукоять у кинжала не продолжение клинка, а поперек него, потому что оружие используется не как нож, а как штык. Им можно проткнуть, провернув после этого, увеличить рану, можно перерубить, резко взмахнув, отсечь... А по сторонам рукояти пластины, защищающие запястье. Этот кинжал тяжело выбить из рук, зато им очень легко пользоваться. Куттар может иметь два лезвия и даже три коротких, такое оружие оставляет огромные раны.

Конечно, никакие куттары они покупать не стали, но продавцу польстил живой интерес необычных девушек.

– Госпожа, пойдете, – взмолился Гопал, – не стоит привлекать слишком много внимания.

Конечно, он был прав, не стоило.

И тут Арджуманд заметила лавку с книгами, пристроившуюся на самом краю.

– Давайте, зайдём туда? Только рта не раскрывай! – приказала она подруге.

Та молча закивала.

Слуга вздохнул, но решил, что тут будет безопасно.

А ведь именно это решение повлекло за собой события, навсегда изменившие и их жизнь, и жизнь окружающих.

У продавца были хорошие книги, не обрывки всякой ерунды, которые иногда покупают те, кто стремится сделать вид, что грамотен, всего лишь разглядывая буквы без малейшего представления о том, что они означают. Арджуманд слегка сжала пальцы подруги:

– Вот здесь мы и купим то, что нужно.

Сати снова кивнула.

Они выбрали три книги на фарси, в том числе «Ба-бур-намэ» – копию жизнеописания Великого Могола. Продавец немного сбросил цену, поскольку девушки покупали так много, завернул покупку в чистую ткань, а потом вдруг сделал знак, чтобы подождали.

– Посмотрите еще вот это, – теперь он говорил на фарси, поняв, что Арджуманд знает язык.

Язык персов – официальный язык Могольского двора, им владеют все вельможи, но далеко не все слуги и женщины зенана. Сати и Гопал ничего не поняли, ведь девушка раджпутка, а старик и вовсе из Голконды, но восхищение, отразившееся на лице Арджуманд, подсказало, что книготорговец предложил что-то стоящее.

Это был сборник персидской поэзии.

– Что это? – прошептала Сати, заглядывая через плечо подруги.

– Низами, «Лейла и Меджнун»... – также шепотом ответила та. – Красивые стихи, я тебе потом почитаю.

Она купила книгу, не торгуясь. Бывший владелец завер-

нул манускрипт еще бережней в тонкую шелковую ткань. Продавец понял, что перед ним не простая горожанка, это одна из принцесс, тайком сбежавшая из дворца на волю хоть на часок. Понял, но выдавать не собирался – уж очень понравилось восхищение красавицы при виде ценной книги, вернее, текста.

Дело не в переплете, девушка права – в книге поэмы Низами Гянджеви, там помимо «Лейлы и Меджнуна» еще «Семь красавиц», «Хосров и Ширин» и остальные поэмы «Хамсе» («Пятерицы»). Не каждая индийская девушка, даже умеющая читать по-персидски, станет покупать книгу Низами. Эта красавица явно особенная...

А красавица спешила во дворец.

Чтобы не появляться в рядах златокузнецов, подругам в сопровождении Гопала пришлось пройти через ряд шорников. Вообще-то Арджуманд была не против полюбоваться нарядной упряжью, но она понимала, что лучше не задерживаться, к тому же в руках у нее была книга, которую ей так хотелось раскрыть и почитать!

У ее деда Гияз-Бека «Хамсе» имелась, но Мехрун-Нисса забрала книгу себе и вовсе не собиралась отдавать племяннице.

Они так и шли – впереди то и дело оглядывающийся на своих подопечных Гопал, за ним, прижимая к животу драгоценную ношу, Арджуманд, а позади с тремя другими книгами – Сати.

И тут...

– Арджуманд! – в ужасе зашептала Сати.

Арджуманд и сама замерла, пытаясь сообразить, как быть – навстречу им между рядами шорников двигался... принц Хуррам! Конечно, принц узнать их никак не мог: ни он, ни сопровождавший Хуррама слуга не видели девушек зенана, тем более, без яшмака. Но рисковать все равно не стоило, и Арджуманд сунула в руки Сати книгу, которую та прикрыла своим покрывалом, и быстро отвернулась к прилавку, делая вид, что разглядывает выложенные на нем уздечки.

Хозяин товара удивился вниманию красавицы к его изделиям, но тут же принялся расхваливать яркую уздечку, предназначенную больше для украшения, чем в качестве упряжи. Арджуманд невольно фыркнула:

– Что же в ней хорошего, кроме множества серебряных бляшек? Впрочем, и они лишь посеребренные.

Купец возмутился:

– Уздечка красива!

– Только что. Но вот это кольцо быстро отлетит, а этот ремешок натрет губу лошади, он короткий.

Арджуманд совершенно забыла, почему повернулась к прилавку, она искренне возмущалась безразличием создателей столь неудобной уздечки к страданиям лошади.

– Она права, – раздался совсем рядом голос принца.

Арджуманд, опомнившись, прикусила язык, но было поздно. Хуррам уже обратил внимание на необычную де-

вушку.

– Ты любишь лошадей, красавица?

Ей бы исчезнуть, затерявшись в рыночной толпе, но Арджуманд почему-то не сделала этого, напротив, кивнула, скидывая на Хуррама глаза:

– Да, очень.

И в тот же момент... пропала.

Нет, она осталась стоять, глядя прямо в большие темные глаза принца, а он – в ее. Но мир вокруг перестал существовать. Исчезло многоголосье рынка, верблюжий рев со стороны, звон металла, крики зазывал... исчезли сам рынок и Красный Форт. Остались только эти двое и их прикованные друг к другу взгляды и сердца.

Бывает любовь с первого взгляда, конечно, бывает, если сердца к этому готовы. Их сердца были готовы.

Сколько они так простояли? Наверное, не так уж долго, но им показалось – вечность. И влюбленные могли бы стоять еще одну вечность, но рынок все же жил своей жизнью, мимо пробирались по своим делам покупатели, зазывно кричали продавцы...

Гопал в ужасе беззвучно раскрывал рот, а Сати, старательно отворачиваясь от принца, пинала подругу ногой, давая понять, что нужно уходить.

Арджуманд уже опомнилась и действительно повернулась, чтобы уйти, как бы невежливо это ни выглядело. Она была готова юркнуть под прилавок, провалиться сквозь зем-

лю, испариться, только бы исчезнуть с глаз принца Хуррама.

– Ты часто бываешь на рынке? – зачем-то спросил Хуррам. – Завтра придешь?

Гопал уже представил, как слон-палач оббивает хоботом его ногу, чтобы разорвать на части. Конечно, его именно так казнят за то, что он сделал, – растопчут слоном. И Сати вместе с ним. Нет, женщин не топчут слонами, ее убьют как-нибудь иначе. А Арджуманд? Как казнят внучку Гияз-Бека? Гопал знал и от этого ужаснулся еще сильнее – девушку, открывшую лицо и вступившую посреди рынка в беседу с незнакомым мужчиной, забьют камнями!

Гопал даже глаза зажмурил от ужаса.

Когда открыл, Арджуманд, чье будущее, по мнению слуги, было столь безрадостным, уже договорилась с принцем о встрече завтра через два часа после рассвета.

Они двинулись дальше по ряду шорников, причем теперь за Гопалом шла Сати, старательно прятавшая лицо от принца, а за ней счастливо улыбающаяся Арджуманд. Но Сати зря горбилась, даже если бы она столбом стояла перед Хуррамом или вообще размахивала перед ним руками, принц бы ее не заметил. Для Хуррама существовала только темноглазая красавица, так хорошо разбиравшаяся в уздечках. Больше всего Хуррам жалел, что не спросил имени девушки и того, чья она дочь. Вдруг не придет завтра после рассвета, как тогда ее найти?

Осознав это, Хуррам почти побежал следом, но рынок Аг-

ры не дорожка дворцового сада, там невозможно двигаться быстро, не сбивая с ног остальных. Пришлось остановиться, иначе через минуту вся Агра знала бы, что любимый сын падишаха бегал за какой-то девчонкой по рынку. Хуррам потерял голову, но у него остался разум, чтобы не навредить девушке. Внимание принцев не всегда безопасно...

– Бегума, вы не можете идти на встречу с его высочеством. – Гопал свыкся с мыслью, что будет растоптан слоном, но это опасно для самой Арджуманд. Если кто-то узнает о ее проделке, девушка окажется опозорена навеки – такую кто возьмет замуж?

Старый слуга не понимал, почему женщины должны совсем прятать свои лица – разве это плохо, когда женской красотой любуются? Но Моголы – мусульмане, у них женщинам запрещено открывать нижнюю часть лица перед чужими. Тут не поспоришь...

– Вы не можете идти завтра на рынок, – добавил он, словно после первой фразы оставалась какая-то неясность.

– Я знаю... – прошептала Арджуманд, и в ее голосе было столько горя и отчаяния, что сердце Гопала сжалось, а у Сати на глазах появились слезы. – Я не пойду...

Их сочувствие длилось ровно мгновение, потом Сати решительно тряхнула головой:

– Вот еще! Пойдем! Два часа после рассвета все в зенане спят. Только... принцу нужно сказать, что... ну, что-нибудь придумать. Гопал, если боишься, можешь не ходить. Мы бу-

дем осторожны. . .

– Не стоит, Сати, – покачала головой Арджуманд. – Это опасно не только для Гопала, но и для тебя.

Сати хотела сказать, что прежде всего для нее самой, но только вздохнула:

– А может, это любовь?

– Тем более, – нахмурилась Арджуманд.

Хуррам больше не мог ходить по рынку и отправился на берег Ямуны. Двое слуг почтительно держались в стороне.

Пятнадцатилетнего принца любили. Многие были бы не против, сделай падишах Джахангир именно Хуррама наследником престола, но пока об этом даже думать было рано.

Принц Хуррам умен, хорош собой, в меру воинствен, прекрасно держится в седле и хорошо владеет оружием, но не меньше любит книги. Пожалуй, в этом заслуга воспитывавшей его старшей королевы великого Акбара. Так повелось еще со времен величайшего завоевателя Тимура, первым отдавшего своих внуков на воспитание старшей разумной жене. Если мальчика до ухода из гарема опекает мать, велика опасность, что тот вырастет слабым и никчемным, другое дело – не родная, умудренная жизненным опытом, бабушка. Таковой для Хуррама была королева Рукия. Но о подобной воспитательнице можно было только мечтать. Старшая жена деда Хуррама великого Акбара слыла одной из лучших шахматисток Хиндустана, знала несколько языков и стреляла из лука не хуже мужчин. У Хуррама и собственная ба-

бушка королева Джодха могла утереть нос кому угодно, но Акбар предпочел родной бабушке Рукию.

Та вырастила принца настоящим Моголом. Мальчик был под присмотром королевы Рукии до самой смерти падишаха Акбара, только став падишахом сам, его отец Джехангир освободил королеву от обязанности заботиться о принце, но и последующие два года Хуррам предпочитал советоваться по любому вопросу с королевой Рукией.

Хуррам сидел на берегу на краю поля для игры в поло, глядя на вяло текущие воды Ямуны, и вспоминал. Они с незнакомкой обменялись лишь парой фраз, но эти фразы звучали для влюбленного юноши краше соловьиной песни.

Какой у нее голос!

А глаза? В них все счастье мира!

Нежный овал лица, красивые губы...

Хурраму хотелось смотреть и смотреть, как они движутся. Принц понимал, что, если незнакомка не придет завтра, как договорились, он перевернет всю империю и найдет эти глаза и эти губы.

Кто она?

Индуска, поскольку лицо не закрыто. Но в зенане Красного Форта их много, его дед великий Акбар позволил даже выстроить небольшой храм для тех, кто не перешел в ислам. Акбар никого не принуждал к этому, он вообще мечтал объединить две религии. Но такое не под силу одному, как бы тот ни был велик и силен, если, конечно, это не пророк, но

Акбар был человеком.

Его внука не волновало, что незнакомая девушка индуска, верит во множество богов и ходит с открытым лицом. Иначе как бы он увидел эти губы?

А грация, с которой красавица двигалась? Словно плыла в рыночной толпе, которая перед ней расступалась, чувствуя что-то особенное. Такие всегда выделяются из толпы.

Хуррам с рождения был окружен красивыми женщинами, иных в гареме не бывало. Выдающейся красавицей считалась и его мать Билкис Макани, тоже раджпутка, но мальчика через шесть дней после рождения отняли у юной особы и отдали бабушке Рукие. Все, что осталось в памяти от матери, – ее лихо заломленная небольшая шапочка над правой чуть вздернутой бровью, капризные пухлые губы и небольшая ямка на подбородке. Билкис и впрямь была красавицей. Была ли умной? По-своему. Она не стремилась, как другие, к власти над мужем или полной власти в гареме, да это и невозможно, ей хватало своего замкнутого мирка. К тому, что сына забрали и отдали на воспитание другой, отнеслась спокойно, как и многие жены падишахов, родив сына, вернулась к своей семье.

Билкис из рода Сингхов – одной из самых сильных и знаменитых кул (фамилий) раджпутов, Солнечных Линий. Она из Марвара, внучка знаменитого Ман Сингха. Из раджпутского Амера и родная бабушка Хуррама королева Джодха. Но его отдали на воспитание мусульманке Рукие, у которой

с Джодхой всегдашнее соперничество.

Юношу мало волновало соперничество королев и даже происхождение собственной матери, сейчас все его мысли занимала лишь одна девушка – незнакомка с рынка Агры.

Хуррам – третий из четырех сыновей падишаха Джехангира. Рождались и другие, но те не выжили. Ни для кого не секрет, что он был любимым сыном. Да и как иначе?

Старшего из сыновей принца Хосрова от раджпутки Шах-Бегум Сахиб падишах Акбар прочил в свои преемники. Когда умирал Акбар, фактически создавший империю Великих Моголов (ни его отец Хумаюн, ни даже дед Бабур не сделали и половины того, что сделал Акбар), настоящим правителем уже был его единственный оставшийся в живых сын Селим, после восшествия на престол взявший имя Джехангир. Акбар, как и многие, открыто осуждал поведение сына, тот вырос на горе родителям любителем арака и опиума, а еще женщин. Не он один, два других сына Акбара умерли от пьянства, пристрастие к алкоголю и опиуму стало настоящей бедой правящих династий Востока.

Хуррам этой участи избежал, если и пил, то очень умеренно, а от опиума шарахался – королева Рукия, сама любившая покурить кальян с одуряющими добавками, сделала все, чтобы внук не последовал ее примеру.

Хуррам подумал, что, если девушка не придет на рынок завтра, он попросит бабушку Рукию помочь разыскать красавицу. Рукия поймет, она острая на язык и жесткая в обра-

щении, но душевная. Об этом знают только самые близкие ей люди. Знали... из всех остался только Хуррам...

Просить королеву Рукию о помощи не пришлось, Арджуманд прибежала на рынок в сопровождении Гопала. Сати пришлось остаться в их комнате и объявить, что Арджуманд спит, чтобы никто не заподозрил о ее отсутствии.

Арджуманд шла с твердым намерением сказать, что они больше не увидятся, она не думала ни о чем другом, но...

Хуррам был настолько очарован и так горел желанием смотреть в темные глаза любимой, что не позволил сказать ничего. Он только сообщил, что завтра в зенане мина-базар и он постарается купить девушке какой-нибудь необычный подарок.

– Как тебя зовут?

Она не смогла солгать.

– Арджуманд.

– Какое замечательное имя. А я Хуррам.

Арджуманд только открыла рот, чтобы сказать, что больше не придет на рынок, что она сегодня же уезжает далеко-далеко, но тут...

Этот пронзительный голос хиджры – евнуха зенана, прислуживавшего Ханзаде Бегум, она узнала бы среди любого гомона толпы. Узнал его и принц, он поморщился и быстро заговорил:

– Прошу тебя быть послезавтра здесь в это же время.

Арджуманд только кивнула и постаралась затеряться в

толпе. Принц тоже, но зря он надеялся, что его не заметили, у слуг евнуха были острые глаза.

Уже через час Ханзаде знала, что принц Хуррам встречался на рынке с какой-то девушкой-индуской. К счастью Арджуманд и Хуррама, Ханзаде было не до них, слишком много забот из-за подготовки мина-базара. Но о существовании незнакомки она не забыла.

Всего раз в год у женщин и девушек зенана появлялась возможность открыть свои лица и попытаться заинтересовать тех, кто понравился им самим. Сколько трагедий случилось в дни подготовки мина-базара, его проведения и некоторое время после! Для скольких бедолаг так долго ожидаемый день становился днем крушения надежд.

Все понимали, что лучше не надеяться, – но разве можно запретить это сердцу?

Предстать перед высокородными мужчинами с открытым лицом значило оставить (или не оставить) о себе память на много месяцев. Если понравится – велика вероятность удачного замужества, а если нет, то будешь лелеять мечты до следующего года. Но женская красота не вечна, с каждым годом вероятность замужества уменьшалась, вот и нервничали обитательницы зенана, те, которые вообще надеялись стать чьими-то женами.

С годами мина-базар попросту превратился в ярмарку невест и базар сводничества.

– Ну, сколько омовений можно совершать каждый день?

Сколько можно лить масла и благовоний на свои тела и волосы?! – вопрошала Ханзаде, но даже она не могла справиться с обитательницами зенана. Гусль-ханы – комнаты для омощений были полны и гудели от споров.

Служанки сбивались с ног, принося воду или натирая маслами тела своих хозяек, а лекарки – выводя внезапно появившиеся прыщи или красноту, успокаивая зубную боль или устраняя расстройство желудка. Столько, как в эти дни, женщины не болели ни в какое другое время года. Они подсыпали друг дружке всякую гадость в еду, подкупали служанок, чтобы те подменили мази и притирания, подбрасывали насекомых... Ведь нужно не только выглядеть хорошо самой, но и устранить соперниц. Вот и лились вместе с благовониями чьи-то слезы...

Заговоры раскрывались, начинались взаимные обвинения, нередко переходившие в настоящие потасовки с царапинами на лице. Ханзаде расправлялась с нарушительницами спокойствия жестоко – виновные и просто присутствовавшие, но не разнявшие бунтарок, теряли право торговать на два года. Потому, стоило возникнуть какому-то спору, окружающие исчезали как по волшебству. Обычно это служило сигналом к прекращению ссоры.

Зенан готовился к мина-базару в преддверии Нового года, ведь заканчивался священный месяц зуль-хиджжа, скоро мухаррам – первый месяц следующего 1016 года хиджры. Новый год – это всегда новые надежды, даже если понима-

ешь, что ничего не изменится.

Но обитательницы гарема мечтали, что непременно изменится. Вот прямо во время мина-базара и изменится, например, именно их браслеты понравятся принцам Хосрову и Парвазу, а перстни привлекут самого падишаха. Принц Хуррам пока в расчет не брался, он, конечно, отцовский любимец и уже отличился в военном походе, но слишком молод – пятнадцать лет. По сравнению с сильным двадцатилетним Хосровом, которому многие и при жизни Акбара, и даже теперь прочили трон, – он мальчишка.

На красивого, мужественного Хосрова заглядывалось немало красавиц, но он сам женщин едва замечал, брал на ложе ради удовлетворения страсти, но даже имен не запомнил.

Ничего, проснется и его сердце, завоюет его какая-нибудь строптивая красотка зенана – разве мало в гареме богатых и красивых дочерей визирей? Отыграется тогда за всех... Многие хотели бы оказаться таковыми.

С принцем Парвазом проще: тот слишком большой любитель арака и вина, а также опиума. Он нерешителен и бестолков. Парваза с рождения считали никчемным, но это совсем не мешало принцу любить жизнь и проживать ее в свое удовольствие. Так куда безопасней...

Может, в этом и состояла мудрость «никчемного» Парваза – лучше считаться недостойным соперником, зато не рисковать своей шеей каждую минуту?

Глава 3

Элизабет Форсайт в том же костюме, что и на выставке, столь же элегантная и спокойная. Я невольно восхищаюсь: Форсайт держится так, словно не она несколько часов назад заслоняла собой королеву. Если она железная леди, то из стали высшей марки.

Позади министра с озабоченным видом маячит Эдвард Ричардсон.

– Спецагент Джейн Макгрегори? – Министр не обращает ни малейшего внимания на присутствующего в кабинете хозяина, будто, кроме меня, здесь никого нет.

– Да.

Как ее называть, не миссис же?

– Хочу поблагодарить вас за участие в спасении ее величества и драгоценностей короны. Официальная благодарность будет выражена позже, когда мы подготовим все документы, а сейчас выношу свою, от души.

– Спасибо, сэр. – Она сэр, значит, так и будем звать.

Хорошо хоть министр не считает, что я действовала безответственно.

– Вы просили о возвращении в строй? После церемонии открытия я намеревалась представить вас премьер-министру, но... – Форсайт сокрушенно разводит руками, словно извиняясь за налет террористов. – Не уверена, что врачи

одобрили бы мое решение, точнее, уверена, что не одобряют, однако считаю, что вы можете вернуться на службу.

Она чуть наклоняется ко мне и заговорщически добавляет:

– Пока не вполне официально, но можете участвовать в расследовании этого дела в составе группы Эдварда Ричардсона. Вы будете ему весьма полезны.

Вообще-то расследование убийств или терактов непривычное дело для Ричардсона и для меня тоже. Мы крайне редко выступаем в роли сыщиков, скорее аналитиков и еще чаще агентов-уничтожителей. Но сейчас я искренне благодарна Элизабет Форсайт за предоставленную возможность.

До Джима Воспера, наконец, доходит, что дело передано управлению по особо опасным преступлениям, ведь речь об Эдварде Ричардсоне!

– Но, сэр! Это дело МИ5.

Элизабет Форсайт показывает, что умеет ставить на место кого угодно. Она холодно замечает, лишь скосив глаза в сторону хозяина кабинета:

– Позвольте мне решать, кто и чем будет заниматься!

– Но мое руководство... – не сдается Воспер.

– Здесь я – руководство, и я определяю, кто будет вести расследование. Передадите документы агентству по особо опасным преступлениям. Джейн Макгрегори привлечена к участию в расследовании пока на правах консультанта, потом оформим, как положено.

– Благодарю вас, сэр.

Я действительно благодарна ей за такое решение и такое заступничество. Министр кивает, а у двери бросает Восперу:

– Мои решения, как исполняющей обязанности премьер-министра, не оспариваются даже вашей организацией.

Хозяин кабинета окончательно поскутнел. Его можно было понять. В первой половине девяностых у МИ5 была хозяйка – Стелла Римингтон. Женщина во главе Службы безопасности, почти поголовно укомплектованной мужчинами, была их открытой раной, на которую так и норовили насыпать соли своими едкими замечаниями соседи вроде МИ6. Но женщина во главе всей нацбезопасности... А теперь еще и исполняющая обязанности премьера... И пожаловаться некому.

Эдвард машет ему рукой:

– Джим, я пришлю людей за материалами. – А потом мне: – Поехали на опознание трупов. Ты из немногих, кто видел их живыми.

– Кого?

– Заложницу и двух налетчиков.

– Она убита?

Ричард мрачно кивает.

– Да, нашли в кустах парка Букингемского дворца. Ее пристрелили, когда стала обузой, – точно в сердце, эти парни знали свое дело. Хорошо хоть не мучилась.

Когда идем к его машине, я трогаю Ричардсона за рукав:

– Спасибо, Эдвард.

– Чего уж там... Благодарила бы, отправь я тебя отдыхать, а то в морг зову.

– За последние месяцы я отдохнула на всю оставшуюся жизнь. Спасибо, что помог вернуться на службу.

Он лишь смущенно кряхтит.

Эдвард прекрасно понимает мое состояние и желание прожить отведенные безжалостной судьбой годы как человек, а не тепличное растение. Он знает, что я предпочту три сумасшедших года агента десятку осторожных в кресле-качалке или на больничной кровати.

Я люблю Ричардсона не только за то, что он стал мне вторым отцом, но и за то, что он видел и признавал во мне нормального человека, пусть и с ограниченным сроком жизни.

Сколько мне еще жить – пять лет? Десять? Конечно, есть те, кто живет с чужим сердцем и дольше, но рассчитывать на многие годы не стоит. Даже если их всего три, пусть это будут три полноценных года, а не тысяча дней – серых, бесконечно тянущихся от одного приема лекарств до другого.

– Как Энни?

– Вроде лучше. Звонила, сказала, что почти ничего не чувствует, то есть боли не чувствует. Но мне кажется, она под действием лекарств, вялая какая-то.

Я бодро киваю:

– Конечно. Такое лечение не обходится без сильнодействующих препаратов, даже если это народная медицина. Не

беспокойся, все будет хорошо.

Ричардсон только вздыхает, садясь за руль и пристегивая ремень.

У Энни Ричардсон неоперабельный рак. Эдвард сделал все, чтобы спасти женщину, с которой счастливо прожил больше четверти века. У них нет детей, зато есть любовь, так бывает. Но медицина не всесильна, наступил момент, когда врачи развели руками:

– Всё.

И тогда появился добрый волшебник, который сказал Эдварду, что еще есть те, кто лечит не таблетками, а чем-то более действенным. Правда, далеко от Лондона – в Индии. Утопающий хватается за соломинку, последний шанс самый дорогой. Ричардсоны согласились, тем более что стоимость лечения оказалась не такой уж большой. Подозреваю, что это последние деньги семьи, – но если на кону жизнь, что значат деньги?

Эдварду приходилось летать из Лондона в Мумбаи, где в клинике Энн уже месяц, но он не жаловался. Ради Энни Ричардсон готов терпеть любые неудобства или трудности.

Мне жалко Эдварда – если не станет Энни, у него останется в жизни только работа, а каково это, я знаю по себе. В одном мы с Эдвардом полная противоположность – я стараюсь не вспоминать прошлое, а он заглядывает в будущее, даже ближайшее. Я его понимаю, но это понимание ничего изменить не может.

У Эдварда виден белок ниже радужной оболочки в обоих глазах, это означает, что он донельзя вымотан и испытывает сильнейший стресс, причем такой, при котором человек многое воспринимает на свой счет, даже то, к чему отношения не имеет.

Неудивительно.

Во рту у Ричардсона его любимая трубка (начал курить в молодости, как только пришел в полицию, – подражал Шерлоку Холмсу).

– Ты же бросил?!

Он действительно бросил, когда выяснилось, что Энн вреден даже запах табака, не говоря о дыме.

– Она пустая. Зато хорошо отвлекает. Ты не смогла не вмешаться?

Я понимаю, что это о Букингемском дворце.

– Эдвард, мне нужно вернуться к нормальной жизни. И лучший способ – снова оказаться в деле. Ты прекрасно знаешь, что это так.

Ричардсон качает головой:

– Ты считаешь это нормальной жизнью?

– Для нас с тобой да, – усмехаюсь я, выбираясь из машины, поскольку мы уже приехали.

И впрямь назвать нормальным посещение морга в субботний вечер можно с большой натяжкой, но кто-то в этой жизни должен заниматься и грязной работой.

Наша – из таких, нам все время приходится иметь дело с

отбросами общества, пусть они и выглядят вполне респектабельно. У уголовной полиции и того хуже.

Убедив себя, что все не так плохо, я отправляюсь следом за своим начальником (снова не бывшим, а нынешним!) на вскрытие трупов.

Патологоанатомы несколько отличаются восприятием перехода людей в небытие. Большой постер с видом Тадж-Махала на стене в такой день, как сегодня, смутил бы кого угодно, но только не «моргачей», как называл работников этой службы Джон. Заметив мой взгляд, брошенный на фотографию белоснежного чуда в утренней дымке, доктор спокойно интересуется:

– Красиво, правда? Всегда мечтал посмотреть, но... – он разводит руками, словно извиняясь за необязательность в отношении собственных планов, – как-то отвлекает другое.

– А постера Букингемского дворца нет?

Патологоанатом лишь хмыкнул в ответ на мой вопрос. Но я ответа и не ждала. После сегодняшнего теракта будет, можно не сомневаться.

Сегодня в морге столичной полиции много работы, слишком много. Все столы заняты.

– Что тут у нас? – вздыхает Эдвард, надевая перед входом защитный халат.

С тех пор как у Энн обнаружили рак, Эдвард терпеть не может морги. А есть те, кто их любит?

Глянув на патологоанатома у крайнего стола, я мысленно

констатирую: есть! Высокий молодой человек в очках с массивной роговой оправой и выпуклыми линзами смотрит на трупы на столах с таким вожделением, словно это его рук дело. Его нет, а вот моих да – один из убитых тот самый рыжий лжеохранник.

Обычно детективы, присутствующие при вскрытии, не надевают защитные очки и даже халаты, но сейчас все по правилам. Страшный прокол в работе одной службы Скотланд-Ярда заставил остальных спешно навести порядок и ревностно соблюдать все инструкции, даже те, о которых давно забыли.

Противно пахнет обеззараживающими средствами и смертью. У смерти есть свой запах, его не выветрить и не перебить. Он не только в моргах, но и в палатах тех, кто обречен, – запах прощания с жизнью.

Не узнать Саманту Браун невозможно, даже если красавица покинула этот мир. Я киваю в ответ на немой вопрос Эдварда:

– Это она.

– На тебя похожа, – передергивает плечами Ричардсон.

Угу, только мое тело результат постоянных тренировок, а ее – работы пластических хирургов. А еще схожий тип лица и волосы светлые.

– Крашенная блондинка... – раздается голос патологоанатома, диктующего результаты наружного осмотра на диктофон.

Патологоанатом продолжает говорить о вставленных зубах, перенесенных пластических операциях и прочих прелестях, упоминать о которых в приличном обществе не принято. Надеюсь, эти сведения не покинут пределы морга? Не хотелось бы увидеть в завтрашних газетах подробный отчет о том, сколько раз Саманте делали липосакцию или подтягивали грудь, сколько силикона в ее губах, а сколько в ягодицах и сколько шрамов от подтяжки лица за ее ушами. Красавицы имеют право на тайны подобного рода.

Об этом, видимо, подумал и Эдвард.

– Надеюсь, эти детали не станут достоянием прессы?

– Что вы, что вы! – бодро заверяет его помощница патологоанатома.

Именно бодрость ее тона свидетельствует, что газеты будут смаковать подробности дружбы телеведущей с пластическими хирургами еще долго. Остается надеяться, что сведения о самом налете и краже бриллиантов затмят рассказы об оперированной груди Саманты, но я на всякий случай напоминаю, что разглашение сведений карается законом, а уж о столь известной личности особенно:

– ВВС проследит за этим строго.

То, как стусевалась помощница, подтверждает мои подозрения.

– Смерть наступила в результате пулевого ранения. Выстрел точно в сердце, 38-й калибр... До этого был удар по голове, но он привел лишь к гематоме и, вероятно, потере

сознания...

Для патологоанатома тело на столе – не знаменитая телеведущая, а просто объект исследования. Он обязан скрупулезно изучить состояние трупа, а не лить слезы сожаления по поводу гибели кого бы то ни было.

– Которого из них застрелила я?

– Вот этого. Одно ранение в плечо, второе точно в лоб.

Конечно, в лоб! Я что, могла перепутать голову с тем, на чем он обычно сидел?

На дальнем столе рыжий, который сейчас вовсе не кажется ни юным, ни благодушным. Губы презрительно изогнуты, в мертвых глазах застыла ненависть. Черты лица изменила не смерть, не экспансивная пуля, он прекрасный актер и при жизни умело изображал такого восторженного щенка. В злом умысле его не заподозрила не только служба охраны, я тоже не заметила обмана.

Патологоанатом, диктующий результаты осмотра перед вскрытием, произносит:

– Волосы крашеные.

– Что?!

– Он шатен, зачем-то выкрасился в рыжий цвет. И линзы цветные, не догадаешься...

Жаль, что этот крашеный мертв, у меня неодолимое желание убить рыжую сволочь еще раз! Причем голыми руками.

Берет досада на свою и чужие ошибки, стоившие жизни стольким людям.

На соседнем столе телохранитель, труп которого буквально изрешечен пулями.

– Чарлз Купер, тридцати шести лет. Прекрасная физическая форма, погиб тоже от выстрела в голову, 38-й калибр, пуля экспансивная, разворотила полголовы... Кстати, «Глейзер».

Значит, я не ошиблась насчет отсутствия рикошета...

А патологоанатом продолжает:

– Кроме того, множественные огнестрельные ранения из автоматического оружия, но это посмертно.

Уже легче, меня невольно мучила совесть от понимания, что я могла прятаться за живым еще человеком.

– Вот его ошибка...

– Что? – удивляется Ричардсон. – О чем ты?

– Он смотрел на королеву, а должен был по сторонам.

– Ее величество не очень хорошо себя чувствовала с утра.

Сегодня душно.

Я киваю, сегодня душно, но это не оправдывает телохранителя, его забота о здоровье, а не о безопасности королевы стоила ему жизни. Хотя Купера все равно застрелили бы одним из первых, в случае такого нападения он обречен.

– Они возвеличивали Аллаха, когда нападали. Исламские террористы, – заявляет Эдвард.

– Нет, внутри они действовали молча, пока я не начала стрелять. Потом только короткие приказы. Но никакого «акбара». Они не исламисты, Эдвард. Посмотри. – Я до поя-

са откидываю простыню, которой накрыт террорист, и киваю на его волосатую грудь. Мгновение Ричардсон задумчиво смотрит на кучерявую растительность, плотно покрывающую грудь убитого, и кивает:

– Ты права, не исламист.

Патологоанатом с интересом уточняет:

– Потому что не обрезан?

– Нет, потому что не брит.

– Что?

У Эдварда нет желания проводить лекцию о мусульманских обычаях, он предоставляет это мне. Приходится объяснять:

– Налетчики понимали, что могут погибнуть. Если правоверный мусульманин знает, что предстоящий день может стать для него последним, особенно если впереди дорога к Всевышнему и в рай после уничтожения неверных, он обязательно выбреет все, кроме головы, а то и ее тоже.

– А... Да, вы правы. К тому же они действительно не обрезаны.

Я с трудом скрываю улыбку. Для большинства европейцев первый признак принадлежности к мусульманской вере или иудаизму – обрезание.

– У нас привыкли все списывать на исламский террор. Кто-нибудь взял на себя ответственность?

– Нет. Пока нет. Возьмут... – усмехается Эдвард.

Ричардсон прав, через день о своей причастности к налету

объявят сразу несколько террористических организаций самого разного толка, хвастливо заявляя, что это только начало, и теперь англичане захлебнутся собственной кровью. Заявления столь напыщенны, что непричастность их авторов сомнений не вызовет. Те, кто действует, так не болтают.

– Ладно, – вздыхает Ричардсон, – полюбовались трупами и довольно. У нас еще одна встреча.

– С кем?

Отвечает он лишь в машине, сообщив так, словно разговор не прерывался:

– С Томасом Уитни. Это представитель аукционного дома, который организовал выставку. Надо же знать, чей алмаз похитили.

Особнячок на Сент-Джеймс, даже если это не их собственный, а арендованный, свидетельствует об успехах «Антиса». Они работают в субботу и воскресенье (для дорогих клиентов готовы на все, а недорогих здесь явно не бывает), но на двери входа табличка «Извините, приема нет». Это не для нас, тем более дверь не закрыта. А где швейцар?

В холле, кроме менеджера за стойкой, сосредоточенно изучающей что-то на экране своего компьютера, никого.

– Кабинет Томаса Уитни? – сурово интересуется Ричардсон.

Девушка, не отрываясь от своего занятия, качает головой:

– Сегодня нет приема. Позвоните, пожалуйста, завтра.

– Скотланд-Ярд! Где кабинет Томаса Уитни?!

Эдвард редко бывает разъярен, обычно это происходит, если ему мешают работать. Сейчас как раз такой случай.

– На третьем. – Это уже секьюрити в белоснежной рубашке, выскочивший на крик откуда-то из-за угла. Он услышал «Скотланд-Ярд» и понял, что препятствовать не стоит.

– То-то же! – ворчит Эдвард, зло впечатывая кнопку этажа. Хочется посоветовать не срывать раздражение на панели лифта, можно ведь и застрять.

Вслед нам слышится:

– Кабинет триста восемь...

Сонная принцесса вспомнила, как встречать посетителей.

Секретарь Томаса Уитни явно плакала, никакая косметика не может скрыть припухших глаз и покрасневшего носа. Услышав название нашей службы, она только кивает в сторону двери в кабинет, поспешно прижимая к лицу носовой платочек. В «Антисе» траур по алмазу?

Томас Уитни выглядит типично для менеджера высшего звена солидной фирмы – костюм, сшитый на заказ, такая же рубашка с дорогими запонками (кто их сейчас носит?), начищенная обувь человека, который не ходит по улицам больше десяти шагов от машины до двери, открываемой швейцаром. Он один из тех, для кого имидж основа преуспевания.

Кабинет хозяину соответствует – строго и элегантно. На стенах несколько больших снимков самых разных предметов – вероятно, проданные «Антисом» лоты. На диване приклонена к спинке фотография одного «Тадж-Махала» на фо-

не другого – снимок, ставший визитной карточкой выставки. Интересно, где он висел до сегодняшних событий?

Заметив мое внимание к постеру, Уитни поспешно приглашает нас к другому дивану, а снимок убирает за свой стол.

Он обеспокоен, впрочем, чему удивляться, ведь похищен алмаз стоимостью 200 000 000 фунтов! И это только стартовая цена объявленных после выставки торгов. Ажиотаж вокруг алмаза «Тадж-Махал» такой, словно это последний бриллиант, которым сможет обладать человечество.

Конечно, алмаз и выставка застрахованы, но любому понятно, что даже ценой полного банкротства страховая компания не выплатит страховых сумм.

Интересно, какой процент получил бы «Антис», продай он этот алмаз? Пять? Десять? Но это коммерческая тайна, цифры не назовут, да нам и ни к чему. Конечно, потеря 20–30 миллионов очень ощутима, но, думаю, их больше волнует потеря лица, так сказать. Кто теперь доверит дорогие предметы аукционному дому, если тот не сумел сохранить такой алмаз? И ведь не докажешь, что твоей вины в налете нет.

Эдвард вместо дивана предпочел стул, я тоже. Сложно допрашивать человека, если твои колени почти упираются в подбородок. Диван слишком мягкий и низкий... Терпеть не могу такую мебель!

– Кто владелец алмаза?

От столь простого вопроса Уитни вздрагивает. Это тоже объяснимо, с именем владельца связана необходимость объ-

ясняться и наверняка выплачивать большую неустойку помимо стоимости самого алмаза. Да, «Антису» не позавидуешь... И Томасу Уитни тоже.

– Я не могу раскрывать такую информацию, знаете ли.

Эдвард хмурится:

– Не только можете, но и обязаны. Ведется расследование серьезного преступления, совершен налет на Букингемский дворец и королеву, погибли десятки человек, еще десятки пострадали, похищен бриллиант огромной стоимости, чудом остались целы сокровища короны и Алмазного фонда русских, а вы играете в секреты!

Томас Уитни буквально забежал по своему кабинету. Он прижал пальцы к вискам так, что подушечки побелели. Как бы таким давлением бедолага не вызвал у себя спазм сосудов и не упал в обморок прямо перед нами.

– Это... Хамид Сатри. Он из Индии.

Мне имя не говорит ничего, а вот Эдвард почему-то замер. У Ричардсона жена в Индии, но нельзя же так реагировать на всего лишь название страны?

– Эдвард?..

– Все в порядке. Сегодня очень душно...

Вовсе не настолько душно, чтобы покрываться холодным потом при слове «Индия». Нервы шалют у моего начальника. Ну, и кому из нас двоих нужна помощь психологов?

Я беру разговор с Уитни на себя, давая возможность Эдварду немного передохнуть.

– При наступлении страхового случая, какую сумму вы, вернее, ваш аукционный дом обязан выплатить владельцу?

– Он получил уже... десять миллионов, знаете ли, остальное выплатит страховая компания.

Почему Уитни чуть споткнулся на цифре? Тоже не имел права называть? Глупо, если алмаз удастся вернуть, его цена возрастет немыслимо, тут не за 200 000 000 фунтов, а за все полмиллиарда продать можно.

Мелькнула сумасшедшая мысль, что похищение сами аукционисты и устроили, чтобы многократно повысить стоимость алмаза. Может, потому Томас Уитни так трясется?

Эдвард стоит у окна, отвернувшись от нас. Не хочет, чтобы мы видели его волнение? Я не в обиде, сама справлюсь.

Нажимаю:

– В случае возврата алмаза его стоимость значительно вырастет?

– А? Да, наверное.

Нет, здесь не то. Как-то не так испугался Уитни, не потери возможной прибыли он боится. Я нутром чувствую, что лично он к краже алмаза не причастен. А моей интуиции лучше доверять...

Тогда что? Чего еще может бояться тот, чья выставка застрахована, а десять миллионов они легко вернут одними рассказами об утерянном бриллианте.

И вдруг понимаю – он страшно испугался необходимости назвать имя владельца. Значит, либо алмаз попал к

ним нечестным путем, либо это фальшивка. Но подделкой «Тадж-Махал» быть не может: есть данные спектрального анализа, который подтвердил его идентичность алмазу «Орлов». Три независимых эксперта определили класс бриллианта и признали ценность. Эксперты с мировым именем, которым лгать нет никакого резона: их работа стоит слишком дорого, чтобы ее лишиться даже за сумму с большим количеством нулей.

Остается неправомерность владения алмазом. Может, владелец заполучил «Тадж-Махал», пристрелив ради этого своего двоюродного дедушку или придушив подушкой столетнюю бабушку, которая завещала драгоценность «не тому»? И Томас Уитни об этом если не знал, то догадывался?

Если мои подозрения верны, то худшее, что светит этому дрожащему как лист на ветру типу, – увольнение с работы. Конечно, работа недурна, как, видимо, и оплата, но не настолько же, чтобы буквально выбивать степ зубами и коленями.

Я решаю зайти со стороны и наводящими вопросами загнать Уитни в угол.

– А откуда вообще взялся этот алмаз? Почему о нем раньше ничего не знали?

Томас Уитни принимается заученно повторять нелепицу из буклета выставки про Бабура, распилившего «Великого Могола», и прочую чепуху. Да еще и перемежая бесконечными «знаете ли». Я невольно морщусь:

– Бабур не отдавал для огранки «Тадж-Махал» никакому Тавернье, тот жил на полтора века позже. Я не о Бабуре и семнадцатом веке вас спрашиваю, а о нынешнем времени. Как связаться с Хамидом Сатри?

Договорить не получается. Звонок на мобильный заставляет Ричардсона буквально побелеть.

– Что?!

Неужели еще один налет или что-то подобное?

– Поехали, потом здесь договорим.

Я успеваю посоветовать Томасу Уитни:

– Не уезжайте из Лондона, наш разговор не окончен.

Спускаемся к машине молча, только внизу Эдвард мрачно объявляет:

– Убит второй заложник. Труп обнаружили на лестнице жилого дома.

Да закончится ли сегодняшний день?! За восемь часов с той минуты, когда я шла от станции метро «Грин-парк» к Букингемскому дворцу, гора трупов, и конца этому не видно.

Машина с трудом пробивается сквозь толпу любопытных. Сегодня лондонцы особенно возбуждены и готовы совать свои носы, куда обычно не лезли.

Немного погодя мы уже подходим к двери многоквартирного дома на Мэйда Вейл.

Подныривая под ленту ограждения, Эдвард кивает в мою сторону:

– Со мной.

Дожила, хожу как приложение.

Труп индуса на площадке между вторым и третьим этажом возле лифта. Он лежит в луже крови, неловко подвернув под себя правую руку.

Криминалисты уже поработали, собирая отпечатки пальцев и фиксируя следы, которых слишком много, чтобы ими воспользоваться. Дом многоквартирный, даже кровь растоптали. И самого убитого явно переворачивали, видно решив, что нуждается в помощи.

Из открытой квартиры слева по коридору слышны сдавленные рыдания.

– Родственница?

Сержант мотает головой:

– Нет, соседка. Обнаружила труп, в ужасе наследила, пока приехала полиция, подняла на ноги соседей. Затаптали все, что смогли.

– Что с убитым?

– Рахул Санджит, индус, сегодняшней заложник.

Я киваю, хотя меня никто не спрашивал:

– Да, это он. А его похитители?

Сержант разводит руками:

– Никто не знает. Никто ничего не видел. Здесь уже третий день не работают камеры наблюдения, потому записи посмотреть невозможно.

У криминалиста уже есть результаты осмотра:

– Погиб мгновенно. Убит ударом в сердце. Удар прямой и

точный, тот, кто бил, имел опыт в нанесении подобных смертельных ран. Если бы не вытащили орудие убийства, крови большой не было бы.

Рахул Санджит даже пикнуть не успел, просто опустился на колени, пока убийца вытаскивал клинок, и ткнулся носом в ступеньку.

При этом пальцы его руки сведены так, словно он не желал выпускать что-то даже ценой своей жизни. Что?

Почему он оказался на площадке многоквартирного дома, где его похитители?

Эдвард мрачней тучи. Его можно понять, начальство наверняка уже требует версии и даже имена, а завтра, если он не даст ответ, и вовсе посулят гильотину за нерасторопность. Хотя... начальство у нас теперь Элизабет Форсайт, а она, кажется, дама толковая, к тому же сама была свидетельницей налета.

– Что за оружие?

– Какой-то треугольный клинок вроде штыка. Подробней скажу после вскрытия, пока не могу понять, я таких ножей не видела. – Патологоанатом – приятная блондинка моего возраста. И как таких заносит в столь непривлекательные места работы?

Вскрытие означает новый визит в морг, будто одного нам мало.

Квартира представляет образчик холостяцкого жилья, на чисто лишенный индивидуальности, словно жильцы наме-

ренно удалили любые зацепки. Хотя следы нашлись, криминалисты уже всю работу делают, снимая отпечатки пальцев.

Расстроенный Эдвард принимается осматривать все подряд, действуя при этом без перчаток. Эксперт, обрабатывающий какой-то стакан, морщится:

– Мы еще не все посмотрели.

Он произносит это, ни к кому не обращаясь, но ясно, что Ричардсон поймет, о чем речь.

– Мои отпечатки с чужими не спутаете, – усмехается Эдвард.

Вообще-то он зря так. Не спутают, но работы экспертам прибавится в разы. Что за мелкая месть, это недостойно моего Ричардсона, он никогда не давал воли чувствам, тем более досаде.

Самой интересной находкой в квартире оказался Steyr TMP, тщательно протертый, без следов. Значит, все-таки здесь квартира террористов. А еще пистолет, который мы даже не сразу опознали. Пришлось фотографировать и отправлять снимок специалистам. Ответ нас удивил: Q100 словацкой фирмы Grand Power. Пули 38-го калибра AFR, разрушающиеся на любом препятствии, но человеку наносящие убийственные раны. Пули мне знакомы, а вот пистолет такой в руках не держала...

– С вращающимся стволом, – пояснил специалист-оружейник.

Ясно, у такого оружия отдача меньше, в руках не дергает-

ся, если спускать курок раз за разом.

– Опытные сволочи... – ворчу я.

Соседка сказала, что видела раньше индусов (рыжего никогда, все только смуглые) в этой квартире. Про Санджита утверждать не могла, мол, они все на одно лицо... Вели себя скромно, никому не мешали – а если так, то зачем их разглядывать?

Стремление защитить свою частную жизнь от любых посягательств на нее привело к тому, что мы считаем вмешательством любое проявление интереса к себе и даже простое внимание. У этого есть свои плюсы, но не меньше минусов. Люди несколько месяцев живут рядом, но если они не мешают, то никому нет до них никакого дела. А потом вдруг оказывается, что это террористы, убийцы и прочее, и те же соседи начинают ругать полицию, которая неизвестно куда смотрела!

Но и заставлять одних соседей без конца доносить на других тоже нельзя. Где золотая середина?

Еще через два с половиной часа мы с Эдвардом выходим из морга второй раз за день и совершенно без сил. Лично у меня было ощущение, что вскрывали не убитого Рахула Санджита, а меня саму.

В отношении орудия убийства Трейси Нуланд не ошиблась – это треугольный клинок длиной чуть больше шести дюймов. В остальном то, что мы услышали от патологоанатома, кажется странным. Кроме смертельной раны, у индийца

практически никаких следов насилия, только пара синяков на руке. И в дом его не тащили, а вели. Вежливые террористы, особенно если вспомнить резню, которую они устроили в Букингемском дворце и вокруг него.

Знаменитый индийский режиссер...

– Эдвард, это индусы!

– С чего ты взяла, из-за татуировки на санскрите?

– Этот Рахул Санджит известный индийский режиссер.

Они обожают своих актеров и режиссеров, если налетчики индийцы, значит, могли узнать его и обращаться почти бережно.

– А потом убить! – фыркает Эдвард.

А я вдруг соображаю:

– Треугольный клинок, похожий на штык? Это раджпутский кинжал.

– Какой?

– В Индии существовали... существуют такие кинжалы. У них клинки треугольные и удар прямой, потому что ручка особенная. – Я пытаюсь в воздухе обрисовать форму кинжала и его необычной ручки.

– Забыл, что ты у нас знаток экзотического холодного оружия. – Эдвард посигналил брелоком от своей машины, словно проверяя, где та стоит. Что-то он сегодня слишком рассеянный.

– Эдвард, почему убили на лестнице? Не в машине, не в квартире, а у лифта? И где его отпустили? Может, он сбежал

из этой квартиры?

Первые часы после преступления самые важные, если не удастся раскрыть его по свежим следам, есть вероятность получить очередной «висяк». Но Ричардсон предлагает:

– Хватит на сегодня, давай по домам. Скоро полночь, у меня голова уже раскалывается.

Эдвард едва держится на ногах, я сама страшно устала. Он вымотан еще и постоянными перелетами из Лондона в Мумбаи и обратно. По себе знаю, что смена часовых поясов одна из тяжелейших вещей. К тому же в Индии сезон муссонов, Эдвард говорил, что льет как из ведра.

Договариваемся подумать каждый сам по себе и встретиться завтра в управлении.

Ехать нам в разные стороны, потому я настаиваю, что доберусь на такси.

С болью глядя вслед ссутулившемуся Эдварду, за последние пару часов даже не вытащившему свою любимую трубку из кармана пиджака, я с сочувствием думаю, за что ему это все – больная жена, без которой он не мыслит свою жизнь, а теперь еще такое дело? Может, лучше отдать его МИ5, пусть бы ломали головы над тем, какого черта налетчики так странно себя вели?

Кстати, а как же алмаз?

Но задать этот вопрос некому, Эдвард уже разворачивает машину, вливаясь в поток других автомобилей.

Несмотря на навалившуюся усталость, я решаю немного

пройтись и купить газеты. Как бы ни были безумны предположения газетчиков, у них можно почерпнуть идеи, которые в нормальном состоянии человеку в голову не придут, но нередко оказываются весьма продуктивными и даже верными.

Мне самой тоже требуется спокойно поразмыслить, и сделать это лучше на лондонских улицах.

Погода словно опомнилась и подстроилась под происходящее у людей. С утра ярко светило солнце и было полетнему тепло, теперь дует сырой прохладный ветер, а небо затягивает серая пелена. Конечно, она не серая, а черная, поскольку уже ночь, но понятно, что к утру заждит, и надолго.

Но сейчас все под стать моему настроению и думается легко.

Говорят, в нашей работе важнее всего умение подобраться к объекту так, чтобы тот не догадался. Я не сыщик и редко занимаюсь именно распутыванием преступлений, чаще просто уничтожаю опасных людей, которых уничтожить закономерно не получается. Бывает и такое.

Существует ложь во спасение, но существуют и преступления против единиц ради спокойствия тысяч. Да, это незаконно, но иногда иначе нельзя, иногда человека лучше убить тайно, прежде чем он сам станет причиной гибели многих других. Если его поймать и судить, суд все равно приговорит к пожизненному, а это означает, что преступник, винов-

ный в гибели людей, будет много лет жить за счет налогоплательщиков, а потом выйдет из тюрьмы благодаря примерно-му поведению и возьмется за старое. Против таких не грех применить не вполне законные способы уничтожения.

Одно из достоинств моей подготовки – умение устранить опасного человека так, чтобы никто не догадался, что это сделала я. Мой наставник говорил, что точно всадить пулю даже в сердце не проблема, куда лучше, если смерть выглядит естественной. Вот этому меня тоже научили.

Обучала смертоносному умению китаянка, объяснив, что на теле и особенно на ступнях человека много полезных и опасных точек, и знающие люди могут убить легким надавливанием при массаже или рукопожатии. Смертельная игра, при которой ни охрана, ни даже сама жертва ничего не поймет, но через несколько часов лучшие врачи будут бессильны перед фактом внезапного отказа почек у человека, вообще ничем не болевшего. Или остановки сердца у настоящего качка...

Можно вызвать неудержимый понос или рвоту, невыносимую мигрень на несколько часов или полную потерю интереса к женщинам на несколько месяцев, почечную колику или заболевание кожи, гипертонический криз или жесточайший геморрой... а можно понизить артериальное давление настолько, что человек и головы от подушки оторвать будет не в состоянии... Бывала даже смерть от... страшного запора, случившегося так не вовремя и приведшего к заво-

роту кишок во время отдыха на яхте посреди океана. Единственный врач на судне использовал все слабительные средства, какие только нашлись, но справиться не смог. А причина проста – умелый нажим на определенную точку на стопе.

Кстати, супруга жертвы весьма театрально рыдала у меня на плече, а между двумя всхлипами тихонько прошептала:

– Спасибо...

Я решила, что она благодарит за сочувствие, но Кристина добавила:

– За устроенный запор спасибо. Изящно...

Ужаснуться я не успела, последовал новый всхлип и новое откровение:

– Не смущайтесь, я сама умею это делать... А вас не выдам, ведь протяни он еще месяц, я осталась бы без фунта на счету...

Вот так, уничтожая поставщика оружия, я помогла его вдове получить большое наследство. Оно не пошло впрок – красотку вскоре обнаружили убитой вместе с ее любовником. Но когда соратники ее супруга добрались до счетов, ради которых отправили вдову вслед за мужем, денег на них почти не было – я успела перевести все благотворительному фонду.

Не всегда получается использовать стопы: не станешь же просить, чтобы твой враг разулся, в таком случае используются другие точки на теле или даже ароматерапия (вернее, антитерапия). Это страшное, жесточайшее оружие, зна-

ющие люди ни за что не допустят, чтобы кто-то на что-то надавливал на их ногах или руках, да еще не раз. Они боятся массажа, как огня. Хорошо, что такие знающие редко идут в террористы, обычно там народ попроще, им приятен массаж стоп, а их товарищам едва ли придет в голову, что тихая смерть объекта воздействия, которая последовала во сне, вызвана слишком сильным понижением давления, а оно в свою очередь массажем... неважно каких точек на стопе.

Главное – устранить, желательно так, чтобы остаться живой самой, еще лучше, чтобы тебя даже не заподозрили, и высший класс, если в свидетельстве о смерти стоят естественные причины.

Занимающиеся этим службы и спецагенты существуют в каждой стране, как и списки тех, кого нужно уничтожить. В таких агентствах одни специализируются на аналитике, другие заняты технической подготовкой, третьи тренировкой агентов, а сами агенты либо действуют, как киллеры, либо, как я, работают под прикрытием.

Мы крайне редко попадаем в ситуации, подобные сегодняшней, и еще реже в таком случае вмешиваемся, раскрывая себя. А я вмешалась, что недопустимо с нескольких точек зрения. Да, после пересадки сердца я вне штата, и неизвестно, вернусь ли в него. Но правил это не отменяет. Теперь добрая сотня людей знает меня в лицо, пусть не все, но многие поняли, что я владею оружием, это называется «засветом». Агентов, которые умудряются попасть под объективы

телекамер, обычно убирают если не вообще, то в аналитическую группу.

Это означает, что работа под прикрытием для меня теперь едва ли возможна, и то, что Элизабет Форсайт вообще подключила меня к делу хотя бы для помощи следствию, – настоящий подарок с ее стороны. Подвести нельзя, потому я буду работать за троих, чтобы доказать, что списывать со счетов меня никак нельзя.

До сих пор я нарушила правило лишь однажды – когда влюбилась в Джона. А правило простое: не подпускать к себе никого ближе расстояния вытянутой руки, даже самых дорогих тебе людей. А уж влюбляться вообще невыносимо. Правила устанавливают не из желания кого-то ограничить, а ради того, чтобы спасти. Нарушившие их обычно расплачиваются. Иногда собственными жизнями, иногда и жизнями других.

Я плачу по счету сама...

Пройдя пару улиц, я покупаю прессу и решаю все же поймать такси, поскольку давно пора принимать лекарства. Я и без того пропустила дневной прием, а уж вечернего запаса с собой не имела совсем. Кто же мог утром ожидать, что мне придется до полуночи возиться с трупами?

Едва устроившись на заднем сиденье, я разворачиваю газеты одну за другой. Но мне попался весьма разговорчивый таксист, впрочем, они часто норовят обсудить с пассажиром все происходящее в мире – от заседаний ООН до обе-

зьяньих разборок где-нибудь в джунглях Малайзии. Я всегда считала, что таксисты одни из самых осведомленных людей в городе.

– Вы слышали о налете на Букингемский дворец?

– Да, конечно.

– Мне рассказал один пассажир, – водитель оглядывается, проверяя, слушаю ли, – что там нашлась девушка, которая перестреляла десяток террористов. Да... только благодаря ей и удалось спасти королеву, не то захватили бы в заложницы, как Саманту Браун, упокой господь ее душу. Саманты, конечно.

Опля! О моем героизме уже слагают легенды?

Я честно пытаюсь усомниться:

– Но ведь пишут, что убитых боевиков всего пятнадцать...

Таксист в моей уникальной способности уложить каждым выстрелом пятерых не сомневается ничуть:

– Вот из них десять эта героиня и убила! А потом прикрыла собой королеву.

М-да... Мой светлый образ явно начинали путать с образом барона Мюнхгаузена...

– А откуда ваш пассажир все узнал?

– Он сам там был! Жалел, что и у него не было оружия.

Я замечаю как можно более равнодушным тоном:

– А здесь пишут, что королеву прикрыла собой министр...

В данном случае я согласна с газетчиками, поскольку точ-

но помню, как Элизабет Форсайт заслоняла собой ее величество, но таксист снова возражает:

– Они что хотите напишут...

Вот с чем не поспоришь, и все же я осторожно интересуюсь:

– Как можно сначала перестрелять десяток бандитов, а потом от них же заслонять?

Столь логичный вопрос ненадолго озадачил водителя, однако он нашелся:

– Значит, сначала заслоняла, а потом застрелила!

Я не уточняю, почему бандиты покорно ждали, когда, закончив заслонять собой королеву, героиня возьмется за оружие. Не желая вступать в долгий и бесплодный спор, просто тяну: «Ааа...» и прошу высадить у метро.

Кажется, таксист с удовольствием расстается со слишком въедливой пассажиркой, тем более что сразу находится пожилая пара, которая, заняв мое место в машине, тут же задает вопрос:

– А вы слышали о сегодняшнем налете на Букингемский дворец?

Представляю, какое количество небылиц сейчас будет озвучено.

Я спешу прочь. И дальше решаю ехать подземкой, благо теперь она работает круглосуточно.

Но и в метро творится нечто подобное. Все разговоры только о налете и поведении людей, оказавшихся в сложной

ситуации. Два джентльмена едва не подрались, пытаясь выяснить, кто же кого закрывал грудью – то ли премьер королеву и потому получил пулю, то ли королева всех остальных, не позволив террористам расстрелять полторы сотни посетителей выставки.

Домой я приезжаю с сильнейшей головной болью, пришлось даже принять аспирин. Джон всегда твердил, что это одно из самых вредных лекарственных средств, поскольку меняет к худшему формулу крови, но я обычно на это возражала:

– Жить вообще вредно, ты не знал? Никто не выдерживает, все в конце концов умирают.

Я долго стою под душем, на меня упругие водяные струи действуют оживляюще. Правда, теперь приходится следить, чтобы вода как можно меньше попадала на грудь. Потом варю себе кофе и с удовольствием пью.

Почувствовав себя немного лучше, я снова берусь за газеты.

У меня сто лет нет семьи («сто» значит «десять»), но это одно и то же), нет нормального дома, а крохотная кухонька чуть больше трех квадратных ярдов просто не предназначена для приготовления кулинарных изысков. Но мне хватает, чтобы разогреть что-то из пакета или баночки, достаточно микроволновки, одноразовая посуда не требует мытья, а кофеварка уютно чувствует себя на низеньком холодильнике. Главное, чтобы в нем всегда был запас этих самых пакетов

и баночек.

Вспомнив, что сегодня ничего не ела, я достаю очередную упаковку. Конечно, это негодная диета для человека с проблемами сердца, она вредна для организма, но едва ли мой организм протянет долго – потому какая разница, чем его питать? На вопрос своего доктора Викрама Ратхора я неизменно отвечаю, что сижу на строгой диете. Он почему-то верит. Или делает вид, что верит. Мне все равно.

Курица, зеленая стручковая фасоль и картофель фри – три блюда, три пакетика и кипяток из чайника, рисковать здоровьем, пользуясь горячей водой прямо из-под крана, как делают в Швеции, я бы не стала. На ближайшие пару лет я себе все же еще пригожусь. Чайник закипает быстро, я ставлю все на поднос и разыскиваю в морозилке мороженое. Есть только банка под названием «Банановый фостер». Вообще-то «банановый фостер» означает фламбированные бананы, которые по определению должны быть горячими. И что мне делать – греть мороженое?

Единственное, что я категорически не могу поглощать в суррогатном виде, – кофе. Он должен быть только смолотым и заваренным и хорошего качества, никакого растворимого. Не такая уж я и привередливая...

Наспех проглотив курицу и картофель, забираюсь с мороженым на диван. Пора работать...

Поза лотоса: в одной руке банка с лакомством (банановое фламбе превратилось в тянучку, но все равно вкусно), другая

на клавиатуре ноутбука.

Рахул Санджит... Какой бы ты ни был, тебе страшно не повезло оказаться на выставке и стать заложником.

Гугл на запрос его имени послушно выдает внушительный список фильмов, которые явно пользуются успехом в Индии и соседних странах. Но больше всего, конечно, сообщений о его захвате и... гибели! Вот кто, спрашивается, сливает информацию? Бывают минуты, когда я, как и большинство моих коллег, прессу просто ненавижу.

Врут на все лады, чтобы не злиться зря, я принимаюсь изучать работу Санджита, связанную с «Тадж-Махалом».

Да, Рахул Санджит был режиссером дорогущего даже по меркам Голливуда фильма с таким названием. Сайт, посвященный фильму, выдает сумасшедшие цифры, не так часто Голливуд снимает что-то вместе с Болливудом, а тут еще и Пайнвуд присоединился.

Суперпроект стоимостью 200 000 000 долларов. «Яш-Радж-Филмсу» в качестве бюджета такие деньги и не снились. Это не все, актер, играющий главную роль Шах-Джехана, тоже из Болливуда. Я не жалею индийское кино, но внешность Раджива Сингха невольно отмечаю – большие умные глаза, четко прорисованный овал лица, волевой подбородок, прекрасная форма губ. Сочетание черных волос и серых с темным ободком по краю роговицы глаз эффектно, у Раджива Сингха наверняка толпы поклонниц, даже если главная заслуга его как актера – песни и танцы. Не люблю красавчи-

ков, считаю, что, дав внешность, природа Наверняка обделила умом, а глупый мужчина хуже некрасивого.

Алисия Хилл, играющая роль любимой жены Шаха-Джеханна Мумтаз, в память которой он построил мавзолей Тадж-Махал, американка с азиатскими корнями. А может, латиноамериканскими, но из Голливуда. Хилл звезда, но пока без «Оскара». Ее годовой доход вплотную приблизился к восьмизначной цифре, после «Тадж-Махала» уверенно перевалит. Раджив Сингх и того круче – он входит в сотню самых высокооплачиваемых актеров мира по версии «Форбса». «Форбсу» верить можно, он знает все обо всех. Хорошо, что я журналистов «Форбса» не интересую. Моим гонорарам до звездных так же далеко, как до самих звезд...

Названные суммы впечатляют, как и рассказы о фильме. Яркие костюмы, натурные съемки, индийская музыка... И как это Голливуд решил доверить работу своему индийскому конкуренту, не боясь, что фильм превратится в слезливо-паточную историю с песнями и танцами к месту и не к месту?

Неожиданно среди перечня фамилий организаторов цепляет одна – Хамид Сатри!

Таких совпадений не бывает.

Хамид Сатри оказался сопродюсером фильма с индийской стороны, вернее, бывшим сопродюсером. За свою карьеру он организовал съемки почти десятка очень успешных по меркам Болливуда фильмов, начал и «Тадж-Махал»,

но потом самоустранился. Понятно, не сработался с голливудским и английским продюсерами. Вероятно, он хотел побольше тех самых песен и танцев, а еще немыслимых боевых сцен, которые в Болливуде в последние годы круче, чем у Джеки Чана, а Голливуд требовал реализма и строгости.

А может, ему просто уже не нужны деньги (если получил алмаз)?

И все же я запрашиваю в поисковике имя Хамида Сатри. Вот тут меня ожидает шок!

– Эдвард, ты должен это увидеть и прочесть! – я кричу в телефон, едва Ричардсон снял трубку.

– Джейн, ты на часы смотрела? – Голос у Эдварда не сонный, но очень усталый. Вероятно, принял седативное средство и только начал проваливаться в сон. Мне жалко Ричардсона, но эта информация очень важна.

– Понимаю, уже пятый час, только, Эдвард, это не может подождать до утра! Я отправляю тебе ссылку на сегодняшнюю статью, немедленно прочитай.

– Хорошо, – бурчит Ричардсон.

Я знаю, он профессионал и меня простит, как только увидит, что именно я откопала среди новостей в Гугле.

Глава 4

– Арджуманд, прекрати страдать и пойдем в гусль-хану, там все готово для омовения. Мириам уже смешала и масла, и порошки для масок. Пойдем! Заботу о себе никто не отменял. Бабушка Рауза будет сердиться, и тетушка тоже. Что бы ни случилось, ты должна быть красивой.

Сати права, в то время, когда остальные только и делают, что ухаживают за своим лицом и волосами, сидеть взаперти просто подозрительно. К тому же вода хорошо успокаивает... Арджуманд отправилась в комнату для омовений и отдала себя умелым рукам служанок. Сати строго следила, чтобы к приготовлению масок или масел для ее любимой подруги не были допущены чужие. Но она беспокоилась зря, Арджуманд была слишком юной, чтобы вызывать зависть, и не слишком шустрой, чтобы ее опасаться, никто не подсылал к ней предательниц с отравой.

В большой ванне для омовений, скорее даже бассейне, сегодня полно девушек и женщин зенана, все места вдоль бортиков заняты. Но Сати нашла выход – у стены поставили огромный таз, в который тоже набросали розовых лепестков и налили смесь масел. Для некрупной Арджуманд места вполне хватило.

Сати принялась распоряжаться, приказав сначала хорошенько смочить тело и волосы Арджуманд. Потом на воло-

сы нанесли растертое авокадо, а для лица и шеи служанки начали под присмотром подруги смешивать порошки. Сати уверенно перечисляла:

– Горсть куркумы, горсть порошка сандалового дерева, столько же кориандра и молотой амлы (индийского крыжовника)... Теперь добавьте пять горстей порошка зеленой чечевицы. Размешайте. Добавьте лимонный сок и молоко... Теперь можно наносить на кожу рани, но только втирайте осторожно, чтобы не вызвать слишком сильное раздражение.

– Что это за средство, Сати? – поинтересовалась одна из служанок.

– Оно поможет старой коже скатиться с тела, а новая будет нежной и гладкой.

– Как у змеи? – рассмеялась девушка, вызвав у Арджуманд ответный смех, у остальных служанок хихиканье, а у Сати праведный гнев:

– Думай, что говоришь!

Пока Арджуманд лежала в ванне, служанки занимались ее пяточками, массируя их крупной солью, чтобы удалить ороговевшие частички кожи, а потом старательно втирая в кожу смесь масел.

Когда с волос смыли авокадо и нанесли смесь касторового и миндального масел, Сати уверенно объявила, что пора приниматься за кожу тела. И снова одни втирали сложную смесь, приготовленную по рецепту Сати, а другие в это время массировали кисти рук. Все должно быть красивым, а ко-

жа везде гладкой.

– Откуда тебе известно столько рецептов снадобий для красоты? – любопытствовала одна из служанок.

Сати дернула плечиком:

– У меня бабушка была замечательной лекаркой, она все знала и научила мою маму. А мама помогла записать все мне.

– А где сейчас твоя бабушка и мама?

Сати чуть помрачнела:

– Бабушка давно совершила сати, а мама во вдовьем доме. Она не вошла на костер, потому что была третьей женой.

Девушки не стали расспрашивать, они знали о страшном обычае индусских женщин – всходить на погребальный костер следом за умершим мужем. Если мужчина погибал вне дома, например, в бою, женщина сжигала себя просто в его память. Великий Могол Акбар пытался бороться с сати и джаухаром, при котором самосжигание совершали все женщины сразу, например, в Читторгархе. Но даже Акбару не удалось отменить этот обычай.

Женщина освобождалась от обязанности сгореть заживо, только если не была старшей женой либо была беременна. Но и вдовья доля оставшейся в живых женщины тоже была незавидна. Вдовы носили цвет траура, белый, не надевали никаких украшений, но главное, если их не брал в жены брат умершего или не забирали богатые родственники, они становились настоящими изгоями и вынуждены были уходить во вдовьи приюты при храмах. Иногда вдовы были очень юны

и красивы, но это их судьбу не меняло.

Арджуманд тоже молчала, она знала и другое: мать Сати бедствует в храме в Варанаси, и сама девушка мечтает выйти замуж так, чтобы ее муж позволил забрать мать к себе. Индус такого делать не станет, для них даже встреча с вдовой, больше не ставшей ничьей женой, сулит несчастье. Это означало, что Сати нужно выйти замуж за мусульманина, но как же тогда Кришна с его флейтой или многорукая богиня Кали с длинным красным языком?

Арджуманд спрашивала, нельзя ли просто привезти мать Сати в Агру, но та отнекивалась – женщина ни за что на это не согласится. Сати видела, в каких условиях живет мать, но помочь ничем не могла. Оставалось надеяться на щедрого мужа Сати.

Чтобы не думать об этом, Сати хлопнула в ладоши:

– Хватит вспоминать моих родных. Займитесь делом!

На брови и ресницы – миндальное масло, от него волосы густеют и быстрее растут.

Тело после очищающей смеси натереть порошком имбиря и куркумы, а потом добавить масло горького апельсина и кокосовое масло – это сделает кожу более упругой.

Распоряжаясь действиями служанок, Сати попутно успела прогнать нескольких лазутчиц, пытавшихся выведать какой-нибудь секрет, а еще возмутиться применением одной из жнщин чеснока в ее снадобье.

Чеснок вызвал возмущение не только у подруги Арджу-

манд, многие принялись кричать, что все провоняет чесноком, словно на рынке. В результате нарушительницу изгнали из гусль-ханы, а у Арджуманд при упоминании рынка испортилось настроение.

Сколько ни ухаживай за собой, как ни готовься, идти на мина-базар ей нельзя, нечего и думать.

– Сати, что мне делать? Я не могу появиться на мина-базаре, нельзя, чтобы принц Хуррам увидел мое лицо!

– Нужно попросить, чтобы нашу палатку поставили в самом конце ряда и даже дальше. Мы могли бы разрисовать свои лица до неузнаваемости...

Подруга еще долго фантазировала, предлагая разные глупости, но они обе понимали, что ничего этого сделать не удастся. Мехрун-Нисса не позволит, чтобы палатка ее племянницы стояла где-то на задворках, а уж о том, чтобы разрисовать собственные лица, и говорить не стоило.

– Может, мне с кем-нибудь подраться? – вдруг придумала Арджуманд.

– Ты с ума сошла? Разве может внучка Итимада-уд-Даулы так себя вести?

– Да, на рынок тайно ходить можно, а поссориться с кем-то нельзя?

Но Сати была права – Итимада-уд-Даула Гияз-Бек не поверит в виновность любимой внучки и обязательно выручит ее в последнюю минуту. «Столпу империи» не посмеет возразить даже Ханзаде, ведь именно он, министр финансов,

снабжал деньгами (часто помимо назначенных падишахом) правительницу гарема.

Оставалось одно: болеть.

Но Арджуманд вовсе не хотелось сажать на лицо пчел, как тут же предложила Сати, или мазать его настоем перца, чтобы покраснело.

– Тогда скажем, что ты папайей объелась.

– Чем?

– Папайей. Незрелой. От нее тоже сыпь бывает и рези много где.

Теперь Арджуманд вопрошала:

– С ума сошла? Неужели нельзя просто сказать, что живот крутит?

Сати вздохнула:

– Напоят касторовым маслом так, что неделю на горшке проведешь.

– Ну и пусть, заслужила, – мрачно заявила Арджуманд.

– Тогда я тоже.

Верная подруга не желала бросать ее даже в таком случае. Но тут же сообразила:

– Выходит, мы зря на рынок бегали?

– Наша палатка не должна пустовать. Ты сядешь там с книгами вместо меня. Может, приглянешься кому-то.

Арджуманд видела, что в действительности подруге очень хочется появиться на мина-базаре, однако Сати не пойдет туда без хорошего нажима.

Спор закончился победой Арджуманд, вернее, Сати позволила себя убедить.

Теперь оставалось выдержать скандал с Мехрун-Ниссой, которая добилась не просто присутствия племянницы на мина-базаре, но и предоставления ей места в центральном ряду. Палатка самой тетушки Арджуманд располагалась вообще в центре.

Но к изумлению подружек, Мехрун-Ниссе оказалось не до племянницы с ее проблемами несварения желудка. Она только прислала какое-то снадобье с обещанием участия в следующем базаре. С тем, что Сати заменит Арджуманд в палатке, тоже согласилась, не пустовать же такому хорошему месту. Чем будет торговать, не спросила – Мехрун-Нисса была занята своими делами.

В общем, все обошлось, и в день мина-базара Арджуманд с утра лежала в постели, чего обычно не делала, а Сати то и дело подходила что-то переспросить про книги и в сто первый раз посоветоваться, как их лучше разложить на прилавке.

Тетушке Арджуманд красавице Мехрун-Ниссе действительно было не до племянницы, у нее могла решиться судьба, хотя какая судьба может быть у женщины в тридцать лет?

Строитель Красного Форта в Агре шах Акбар покинул этот мир совсем недавно, меньше двух лет назад. Это позволило Мехрун-Ниссе приехать к отцу, служившему Акбару верой и правдой, и брату, бывшему при нем визирем. Акбар

очень ценил Гияз-бека и Асаф-Хана, но почему-то терпеть не мог Мехрун-Ниссу. Возможно потому, что чувствовал, как его сын Селим при виде красавицы растекается, словно мед на солнце. Гияз-бек уступил Великому Моголу и выдал младшую дочь замуж за великого полководца Шер-Афгана, отправив подальше от Агры и Красного Форта в Бенгалию.

Но Акбар умер, и Мехрун-Нисса немедленно оказалась в Красном Форте. Нет, Селим, ставший теперь императором Джехангиром, не приглашал свою прежнюю любовь, та поспешила показаться на глаза новому падишаху сама.

У Мехрун-Ниссы и раньше находился повод побыть при дворе, пока муж одерживал одну за другой славные победы. Ее отец Гияз-Бек был главным визирем падишаха, а дочери Шер Афгана от первого брака Ладили требовалось обучение и воспитание у придворных учителей и наблюдение за здоровьем придворных лекарей. Да еще и племянницы, рано оставшиеся без матери...

Мехрун-Нисса увлеченно играла роль доброй мачехи и тетушки, хотя Арджуманд прекрасно понимала, что они с Ладили и Фарзаной являются лишь поводом для красавицы в очередной раз не поехать с мужем куда-то в пустыни запада, заснеженные горы севера или жаркие джунгли юга. Нет-нет, она нужна девочкам в Красном Форте, нужна куда больше, чем мужу в его походах.

Все прекрасно знали, что именно заставляет Мехрун-Ниссу задерживаться при дворе при любом удобном случае –

страсть Джехангира к ней с годами не утихла, а, напротив, казалось, разгоралась с каждым днем все сильнее. Но тетушка Арджуманд не желала становиться просто любовницей падишаха даже после того, как Шер-Афган внезапно умер. Мехрун-Нисса не из тех, кто клюет по зернышку, ей нужно все или ничего. Лучше, конечно, все и сразу.

В тридцать лет капризничать, получая подарки судьбы, опасно, но Мехрун-Ниссу это не пугало, она явно на что-то надеялась.

Мехрун-Нисса была женщиной удивительной. За прошедшие годы она не только не потеряла своей привлекательности, но стала еще красивей, эта тридцатилетняя вдова выглядела лучше большинства пятнадцатилетних красавиц, а уж о ее уме и образованности говорить не стоило. Гияз-Бек недаром все эти годы собирал лучшие книги и разыскивал лучших учителей, каждый раз, возвращаясь к супругу после длительного визита в Красный Форт, Мехрун-Нисса увозила с собой большой груз и очередного философа, способного еще просветить ее.

Иногда казалось, что Гияз-Бек сознательно готовит младшую дочь к чему-то великому, хотя какое величие может быть у жены полководца?

Мехрун-Нисса не спала до полудня, как многие обитательницы гарема, не проводила дни, сплетничая или просто болтая, она читала, вела умные беседы с умными людьми и... охотилась. Все знали, что у красавицы не женский ум и та-

кие же интересы. А еще дочь Гяз-Бека умела зарабатывать деньги! В том числе и собственными руками, например, расписывая ткани для обитательниц зенана.

Ее творения были дороги, но они того стоили.

Палатка Мехрун-Ниссы и в этот раз блистала, но не золотые изящные украшения и не великолепные рисунки на тканях привлекали внимание, а сама женщина. Остальные смотрели завистливо, шептались, мол, кто ее звал, сидела бы в своем далеко и не совалась в Агру. У палатки толпились мужчины, пока не решавшиеся покупать (сначала должен все осмотреть падишах), но всю заигрывающие с прекрасной торговкой. Мехрун-Нисса делала вид, что не замечает их, она спокойно курила кальян, задумчиво глядя поверх голов. Все эти люди для нее не стоили и мизинца того, кого она ждала и при мысли о ком у такой уверенной красавицы замирало сердце. Никому невдомек, что кальян нужен ей был только, чтобы не дрогнул предательски голос, когда она заговорит (в этом Мехрун-Нисса была уверена!) с падишахом.

Она много лет видела падишаха только издали или сквозь джали – решетку, загораживающую женщин. А он ее и вовсе не видел. Мехрун-Нисса стала вдовой недавно, и это был ее первый мина-базар.

Падишах Джехангир знал о многом, происходившем в его гареме, но о многом не знал. Он не знал, что придворная дама вдовы его отца Салимы Мехрун-Нисса тоже будет участвовать в мина-базаре. Вообще-то это была хитрость молодой

вдовы, пройти мимо падишах не мог, не остановиться тоже – рядом с ним важно вышагивал Итимада-уд-Даула Гияз-Бек. Дочь намекнула отцу, что ждет остановки правителя у своей палатки.

Джехангир замер, не веря своим глазам – роскошными тканями торговала... Мехрун-Нисса! Понадобилось усилие, чтобы не стоять столбом слишком долго, иначе придворные начали бы ненужную болтовню. Как бы ни был велик падишах, он мог отрубить множество голов, но не мог заткнуть болтливые рты. Джехангир знал, что лучше не давать поданным повода для сплетен.

Подошел, выразил свои соболезнования из-за гибели Шер-Афгана, похвалил ткани, поинтересовался, где теперь Мехрун-Нисса. Купил несколько расписанных ею палантин, взяв слово, что она распишет еще именно для него.

Губы произносили слова, которые для обоих ничего не значили, потому что глаза беззвучно кричали, что сердца их не забыли друг друга, несмотря на многие прошедшие годы, рвутся навстречу друг другу. Мехрун-Нисса увидела то, что так желала и ждала увидеть все эти пятнадцать немислимо долгих лет: бывший принц Селим, а ныне падишах Хиндустана Джехангир не только не забыл ее, но и по-прежнему любит!

Конечно, любопытные глазели на падишаха и прекрасную Мехрун-Ниссу. Никто больше не решился заигрывать с ней, но ткани и украшения из палатки красавицы раскупили

мгновенно. У придворных хороший нюх на будущих фаворитов и фавориток. Многие почувствовали, что расписными тканями торгует будущая королева.

При этом мало кто заметил понуро плетущегося принца Хуррама. Он не смотрел на лица торговок, зная, что среди них нет и не может быть той простолюдинки, что очаровала его взглядом прекрасных глаз на рынке, а другие ему не нужны. И на отцовскую любовь не смотрел, а ведь если бы глянул, то увидел точно такие темные глаза, как у его Арджуманд.

Нет, принц смотрел на разные безделушки, выбирая, как обещал, для своей возлюбленной необычный подарок. Беда в том, что ничего необычного не было, женщины норовили застаться украшениями подороже, одеждой роскошной и даже сладостями. Но Хуррам понимал, что его красавица не примет дорогое ожерелье или перстень, и сладости до завтра слипнутся, а с одеждой и вовсе не стоило связываться...

И вдруг в одной из палаток на главной аллее он увидел то, что искал! Это будет необычный подарок, достойный умницы с рынка. Принц улыбнулся, он был готов заплатить любые деньги за свою находку.

Рядом рассмеялся старший брат Хосров:

– Хуррам, посмотри, какая красавица продает!

Принц Хосров еще в опале, отец держал старшего сына под домашним арестом после подавления его попытки захватить трон после смерти Акбара. Но гулять в пределах Форта

и по мина-базару ему не запретили.

Принц Хосров на пять лет старше своего брата, пятнадцатилетнего Хуррама, может, потому каждый смотрел свое – один на торговку, другой на товар.

Девушка назвала такую цену, что старший принц снова ахнул, а младший повернулся к своему слуге:

– Заплати.

И после покупки братья тоже разделились – младший поспешил с добычей к себе, невзирая на то, что падишах все еще осматривал палатки, а старший остался беседовать с торговкой.

Все женщины зенана на мина-базаре, где же им еще быть? Только больные остались в своих комнатах – страдать.

Страдала и Арджуманд. Ей так хотелось хоть одним глазком посмотреть на принца, но как можно показаться ему на глаза после встреч на рынке?! Как же она ругала себя за опрометчивое решение отправиться туда за покупками! Если бы не это, сегодня она могла бы любоваться принцем Хуррамом с открытым лицом. Может, он и не обратил бы на нее внимания совсем, но это лучше, чем то, что было сейчас.

Арджуманд так задумалась над своими горестями, что не заметила, как в ее комнату вошла бабушка Рауза Бегум. А когда она увидела ее, поспешно вскочила, забыв о своем мнимом недомогании.

Рауза Бегум внимательно посмотрела на внучку и покачала головой:

– Ты ведь не больна, правда?

Арджуманд не смогла солгать:

– Нет, бабушка.

Рауза Бегум больше любила другую внучку – Фарзану, а Гияз-Бек – Арджуманд, но бабушка никогда не подчеркивала своего предпочтения, хотя о нем знали все.

Разоблаченная Арджуманд с ужасом ждала следующего вопроса о том, почему не пошла на мина-базар. Что сказать? Не признаваться же в своем страшном проступке?

Признаваться не пришлось, Рауза Бегум сама высказала догадку:

– У тебя не было украшений для торговли, и ты решила отправить свою подружку торговать книгами, а сама сказать-ся больной?

Это было правдой, хотя и частичной, но Арджуманд не пришлось лгать, она всего лишь согласилась с такой правдой. Рауза Бегум рассмеялась:

– В следующий раз готовься заранее. Думаю, теперь ты будешь умней и начнешь заготавливать товар уже с завтрашнего дня. Мехрун-Нисса глупо поступила, выпросив тебе палатку в последний день подготовки. Я рада, что ты не больна.

Она позволила внучке еще раз поцеловать подол своей одежды и гордо удалилась в сопровождении вездесущей Фарзаны.

До Арджуманд донеслось:

– Бабушка, а я буду в следующем году торговать на ми-

на-базаре?

– Боюсь, что нет, ты еще слишком мала.

– Ну вот еще! Когда же я стану взрослой?

– Ох, скоро. И оглянуться не успеешь, как не только взрослой станешь, но и за внучками следить придется...

О чем они еще говорили, Арджуманд уже не слышала. Во-первых, Рауза Бегум ушла, во-вторых, прибежала страшно возбужденная Сати.

– Арджуманд, он купил!

Судя по шуму, мина-базар закончился, женщины возвращались в свои покои, горячо обсуждая свои успехи и чужие неудачи. Никто не знал, как родился обычай устраивать мина-базар за три часа до полуночи, но принимали это как должное. Теперь зенан до завтрашнего полудня не уgomонит-ся, а тем для обсуждений хватит до следующего мина-базара. Конечно, все заметили, что падишах долго стоял у палатки Мехрун-Ниссы Бегум, а принц Хосров у палатки какой-то незнакомой девушки.

– Кто купил? Что? – Арджуманд не понимала, о чем свистящим шепотом сообщает ей Сати.

– Принц купил книгу. Самую большую. Принц Хуррам.

– А тебя он не узнал?!

– Нет, он на меня и не смотрел. Заплатил, не глядя, сколько спросила. А потом...

Арджуманд даже не поинтересовалась, за сколько подружка продала поэмы Низами, почувствовав, что та еще не все

сообщила.

– Что еще?

– Да так...

– Что, Сати?

– С принцем Хуррамом вместе был принц Хосров. Он тоже купил книгу и... сказал, что я очень красивая...

Глаза юной красавицы блестели, как две звезды на ночном небе.

– Сати! – ахнула Арджуманд. – Ты понравилась наследнику престола?

– Не знаю... Он мне тоже очень понравился. Он красивый... и мужественный...

– А... принц Хуррам как выглядел?

Подружка пожала плечами:

– Как всегда.

– Он еще у кого-то покупал? – В голосе Арджуманд против ее воли прозвучала ревность.

В другое бы время Сати давно уже смеялась бы над ней или, наоборот, убеждала, что все в порядке, но после встречи с Хосровом Сати было явно не до страданий Арджуманд.

– Нет, кажется, нет. Купил книгу и сразу ушел.

Арджуманд вздохнула – Хуррам любит персидскую поэзию... А другие покупки Сати могла просто не увидеть, тем более если беседовала в это время с принцем Хосровом.

Вот еще одна будущая трагедия – Хосров старший сын падишаха, его великий дед падишах Акбар даже хотел сде-

лать своим наследником, но потом сторонники Селима-Джехангира победили, и Акбар оставил трон сыну, а не старшему внуку. Это породило между Джехангиром и Хосровом неприязнь и даже подвигло принца на бунт, который отец легко подавил. Хосров жил во дворце под домашним арестом, и все понимали, что противостояние на этом не закончилось.

Но Хосров не для Сати. Он принц, наследник престола, пусть даже опальный, мусульманин, а Сати дочь небольшого чиновника и индуска. Конечно, Акбар попытался примирить религии, доказывая, что, каковы бы ни были различия, во всех религиях много общего, все они требуют жить по совести, заботиться о слабых и помогать бедным, но главное – почитать Бога, одного или многих – не важно.

В гаремах падишахов немало индусок – но найдется ли там место для Сати? Арджуманд вздохнула – подруга умна и красива, но она почти служанка.

– Арджуманд...

– Что?

– Ты не могла бы поучить меня персидскому, особенно читать на нем.

– Конечно, – рассмеялась Арджуманд. Смех вышел грустным. – Хоть одна книга осталась, или ты все распродала?

– Продала. Потом еще подходили... после принцев... тоже покупали.

– Ничего, у меня есть другие.

Персидский – язык двора. На каком еще говорить или читать, если в Хиндустане сотни наречий? Занятия в школах велись на арабском, но только занятия, на нем никто не говорил.

Сати тут же принесла книгу и, раскрыв, принялась ворчать:

– Ну, кто так пишет? Почему не писать под строчкой, чтобы буквы были ровней?

Она сравнивала с письмом санскрита деванагари, у которого буквы словно подвешены под строчкой. Арджуманд возразила:

– И ничего не ровней.

Оба принца действительно купили книги, которые Арджуманд приобрела в лавке на рынке.

Хуррам был доволен – лучшего подарка необычной девушке с большими темными глазами, как у перепуганной лани, он и придумать не мог. Как удачно, что эта палатка не привлекла внимание падишаха. Старший принц Хосров потом тоже что-то купил, но для Хуррама достаточно одной большой книги поэзии Низами. Как лучше рассказать о любви, если своих слов недостаточно? Только словами поэтов.

Каково же было его разочарование, когда девушка не пришла в назначенное время! Хуррам прождал до полудня и вернулся во дворец страшно расстроенным.

Арджуманд не смогла прийти, не удалось сбежать незамеченной, в ее комнате ночевала сестренка Фарзана.

Приставучая Фарзана вообще портила Арджуманд жизнь. Девушка подозревала, что сестричка действует по просьбе бабушки Раузы, но это ничего не меняло. Фарзана возмутилась тем, что Сати держит в покоях Арджуманд изображение какой-то синей богини с красным языком.

– Аллах накажет тебя, Арджуманд!

– Прекрати, даже великий падишах Акбар не был против индуистских богов! У королевы Джодхи тоже стоит в покоях Кришна с флейтой.

– Кришна, но не эта бээ... – Фарзана передразнила богиню, высунув язык и размахивая руками.

Сати даже побледнела, ее ноздри раздулись, а губы сжались в ниточку. Она многое могла вытерпеть, но только не хулу на богиню Кали.

– Фарзана, ты можешь не верить в моих богинь, но не советую их оскорблять. Тем более богиню смерти Кали. Кали Дурга покровительница Мевара, и ее месть бывает страшна.

Было заметно, что Фарзана испугалась, но тут же взвыла:

– Я бабушке Раузе расскажу, что у тебя в комнате!

– Бабушка Рауза это видела, когда была здесь вчера, и ничего не сказала против. А ты уходи и больше не приближайся ко мне, противная девчонка!

Арджуманд сказала правду, Рауза Бегум действительно видела и действительно ничего не сказала, но только потому, что была занята другим.

Зато эта стычка позволила избавиться от противной на-

ушницы.

– Арджуманд, я уберу статуэтку богини Кали, чтобы у тебя не было неприятностей.

Арджуманд вздохнула:

– Сати, я ничего не говорю против нее, но лучше пока убрать. Это действительно богиня смерти?

– Кали – само время, а оно убивает все. Ничего нет вечного, тем более для простых смертных.

– Покровительница раджпутов – богиня смерти?

– Не всех раджпутов. Нас много, в Аджмере предпочитают Кришну.

– Но почему она синяя и такая жестокая?

– Она не жестокая, но неотвратимая. Все тела умирают, а освобожденные души возвращаются на Землю для новой жизни. Так жизнь одновременно и бесконечна, и конечна. Кали – это ее конечность, конечность всего плотского, временного. Она любит кровь, потому, что кровь и смерть неразлучны, она...

– Сати, давай не будем сейчас говорить о твоей Кали? – почти взмолилась Арджуманд.

– Хорошо, не будем. Я сегодня видела принцев Хосрова и Хуррама.

Арджуманд просто встрепенулась:

– Я не знаю, что делать. Мы должны были встретиться три дня назад, принц решит, что я обманщица. Хотя так и есть... – В голосе Арджуманд слышались слезы.

Сати немедленно пришла подружке на помощь:

– Может, ему передать записку?

– Какую еще записку?

– С сообщением, что можно встретиться, например, завтра. А твою Фарзану я отвлеку.

– Как?

– Напою чем-нибудь, чтобы спала до обеда, – решительно рубанула воздух рукой Сати.

– Да я не о Фарзане говорю. Как встретиться?! Что я ему скажу? Он, небось, и думать обо мне забыл.

Арджуманд категорически отказалась писать послание принцу Хурраму. Сати написала бы сама, если бы умела писать на фарси или была уверена, что Хуррам прочтет деванагари.

Но ничего писать и тем более передавать не пришлось, сама же Сати немного погодя принесла чудесную весть: весь зенан шепчется о том, что принц Хуррам который день проводит на рынке, словно кого-то ищет. И он очень грустный... Обитательницы зенана немедленно пришли к выводу, что сердце юного принца разбила какая-то жестокая красавица.

Арджуманд решила, что должна сходить на рынок еще раз и все рассказать. Будь что будет!

О том, что принц Хуррам встречался с красавицей на рынке, разболтал внух Ханзаде, хотя ему приказано было молчать. Давно известно, что лучший способ заставить человека проболтаться – запретить ему что-то говорить. Тайна немед-

ленно станет известна всем. Ханзаде, во второй раз услышав о встрече евнуха с принцем на рынке, так и поступила – она запретила слуге говорить с кем бы то ни было.

А сама отправилась к падишаху.

Подробно доложив брату о состоянии дел в зенане, о чем тот не просил, принцесса топталась на месте, не решаясь сказать отцу о его любимом сыне.

– Что-то еще? Что там случилось? – Джахангир разглядывал какую-то карту на столе. Наверное, готовился к очередному походу, что совершенно не волновало Ханзаде, хотя она все равно попыталась заглянуть через плечо брата. Не увидела там ничего интересного, но на вопрос живо откликнулась:

– Это касается не зенана...

– А чего?

– Принца Хуррама.

– Что такое? – Падишах оторвался от карты и повернулся к сестре. Та быстро отступила назад, но не ушла, значит, сообщить есть что.

– Мой евнух Бади уже дважды встречал принца на рынке...

– Принца Хуррама? Твой евнух глуп. Это Хосрову запрещено покидать дворец, а Хуррам может ходить куда угодно и когда угодно.

– Но первый раз принц беседовал с какой-то простолюдинкой-индуской, а второй явно ее разыскивал.

Джехангир хохотнул, вот уже не только Хосров или Парваз, но и младший Хуррам интересуется красавицами. Однако сестра падишаха продолжила нашептывать:

– Принц невесел, он искал девушку, даже спрашивал о ней торговцев...

Падишах махнул рукой сестре:

– Я знаю об этом. Девушку найдут для принца. Скажи своему евнуху, чтобы больше не болтал. Если по зенану пойдут слухи, я накажу тебя вместе с ним. Строго накажу.

Взгляд Джехангира был жестким, а что такое его наказание, Ханзаде знала, падишах мог быть изобретательно жесток и наказывать любил не меньше, чем осыпать дарами. Ханзаде не сомневалась, что вполне сможет стать очередной жертвой его смертельной выдумки. Проклиная себя и любопытного евнуха на чем свет стоит, она попятилась к выходу, бормоча:

– Что вы, что вы...

После ухода сестры Джехангир некоторое время задумчиво смотрел на пламя светильника, потом хлопнул в ладоши. Вошедшему слуге приказал привести Асаф-Хана.

Арджуманд удалось сбежать из зенана и пробраться на рынок. Она рискнула сделать это, сопровождаемая только молоденькой служанкой-индуской, Сати осталась дома, отвлекать внимание в случае чего, а Гопала девушка не смогла, да и не очень старалась найти. Она прекрасно понимала, что сделают со стариком, если все раскроется. Служанку Мани,

дав золотой, оставила ждать у входа на рынок.

Хуррам стоял там же, где они виделись в последний раз. Арджуманд почувствовала, как зашлось от радости и одновременно от горя сердце. Она была счастлива, ведь если любимый пришел, значит, тоже любит, но помнила, что это их последняя встреча. Ей предстояло сказать, чтобы больше не искал, чтобы забыл ее имя и ее саму. Как можно сказать такое, не разорвав собственного сердца?!

– Арджуманд! Почему ты не приходила столько дней? Я принес тебе подарок. Смотри, что мне удалось купить для тебя на мина-базаре во дворце.

Арджуманд, которая открыла рот, чтобы сказать, что они больше не увидятся, обомлела – Хуррам держал в руках стихи Низами, те самые, что она когда-то приобрела в лавке и которые Сати продавала на мина-базаре. Он приобрел персидскую поэзию ей в подарок!

Девушка почувствовала, как подкашиваются ноги. Это было слишком, принц не просто любил поэзию, но и считал такой дар самым подходящим для нее.

– Я... я должна вам кое в чем признаться...

Как после такого сказать, что она лгунья, что обманула в самый первый день?

Но Хуррам остановил ее:

– Сначала я признаюсь: я принц Хуррам...

– Я знаю. А я...

Договорить не успела, потому что ее резко рванули назад,

одновременно закрывая рот. И сделал это... ее собственный отец Асаф-Хан!

– Ваше высочество, падишах велел привести вас во дворец.

– Асаф-Хан, отпустите девушку, я пойду с вами. Не троньте Арджуманд, я вам приказываю!

Их плотной стеной обступили ахади – вооруженная охрана из дворца. Все благоразумные посетители рынка немедленно исчезли, остались только глупые мальчишки, едва ли понимавшие по-персидски.

Асаф-Хан покачал головой:

– Не думаю, ваше высочество, что вы можете мне приказывать в этом случае, ведь это моя дочь Арджуманд.

– Что?!

Арджуманд стояла опустив голову, слезы капали на простенькое сари и в пыль под ногами. Только теперь принц заметил, что руки девушки слишком ухоженны, ее кожа нежна и вовсе не черна от солнца, и пахло от нее не как от простолюдинки.

– Ты обманула меня...

– Я хотела сказать сейчас...

Она не успела больше ничего договорить, отец остановил знаком и предложил:

– Поспешим во дворец.

Девушка надвинула пониже верхний край сари – анчал – и вся съежилась. Они шли рядом и врозь, первые минуты Хур-

рам горел от возмущения, но потом ему стало жаль Арджуманд. Он ведь тоже не сразу признался, что принц... Но он мужчина, а как могла позволить себе девушка из такой семьи ходить по рынку с открытым лицом?! Заговорить с незнакомцем, да еще и не раз?!

Стоило подумать об этом, как его захлестывало возмущение. Внучка Гияз-Бека опозорила себя навсегда, ей нет прощения и нет больше жизни при дворе. Кто теперь возьмет замуж такую?! И тут же признавался, что взял бы. Если бы смог.

У Хуррама даже мелькнула мысль попросить Асаф-Хана никому не говорить о произошедшем и позволить ему жениться на Арджуманд, тогда тайна будет скрыта.

– Асаф-Хан?

– Слушаю вас, ваше высочество.

Хуррам вздохнул:

– Это я виноват в том, что ваша дочь оказалась на рынке.

– Как это?

– Я просил ее прийти.

Ничего более нелепого сказать было нельзя. Как мог принц просить девушку прийти на рынок Агры? Хуррам понимал, что говорит глупости, но придумать что-то путное не получалось.

– Да, я познакомился с Арджуманд на мина-базаре и попросил ее прийти сюда.

Девушка, услышав такое, бросила недоумевающий взгляд

на принца, тот сделал вид, что не замечает.

Асаф-Хан покачал головой:

– Моя дочь не была на мина-базаре, ваше высочество.

– Все равно, это я виноват.

– Ваше высочество, вина за такой поступок может лежать только на девушке. Пусть падишах сам определит меру ее наказания.

– Не стоит вести Арджуманд к падишаху, я поговорю с ним сам.

Видно, об этом подумал и отец, он отправил дочь в сопровождении нескольких воинов в свой дом, чтобы не появлялась в зенане, а сам пошел с принцем в покои падишаха.

Сати не находила себе места, ожидая возвращения Арджуманд. Она словно предчувствовала, что что-то случится.

Когда маленькая служанка вернулась без своей госпожи, у Сати даже перехватило дыхание:

– Что случилось?!

Девочка поняла не все, но из того, что она сказала, выходило, что Арджуманд выследил собственный отец, но не убил на месте, а отправил прочь и сам ушел с принцем во дворец.

– А Арджуманд куда отправили?!

– В дом ее отца.

– Ты уверена?

– Да. Кажется, принц за нее заступался. Ой, что теперь будет?

Сати решительно тряхнула служанку:

– Если ты кому-то хоть слово скажешь о произошедшем, я тебя не просто убью, а сделаю это сто раз подряд. Поняла?

Служанка перепуганно закивала.

– Сиди здесь и никуда не выходи. Если спросят, где мы с Арджуманд, отвечай, что в доме Асаф-Хана.

Сати торопилась, как могла. От дворца до дома Асаф-Хана недалеко, но бежать нельзя, иначе переполошится весь зенан. Напротив, она даже дважды останавливалась, чтобы перекинуться парой слов с обитательницами гарема, начавшими просыпаться.

В дом Асаф-Хана ее пустили. Хозяин не давал распоряжения не пропускать служанку Арджуманд Бегум.

Подругу Сати застала в слезах. Пересказав произошедшее, Арджуманд жалела только об одном – что не успела сама признаться во всем принцу.

Они едва успели поговорить, как раздался шум, в доме явно начался настоящий переполох.

– Что это? – испугалась Арджуманд. – Сати, беги, не смотри на меня, беги. Ты ни в чем не виновата, я все сама.

– Ну, уж нет! Это я придумала идти на рынок, мне и отвечать!

Доспорить подруги не успели, в комнату, пятаясь, вошла тетушка Хамида, а за ней... королева Рукия. Девушки вскочили на ноги, складывая ладони в приветствии и кланяясь. Перед ними была самая могущественная женщина империи.

Рукия оглядела Арджуманд и сделала знак остальным, чтобы вышли вон:

– И не подслушивать!

Сати, несмотря на повеление королевы, осталась подле Арджуманд. Рукия нахмурила брови, она не терпела неподчинения. Но Сати это не испугало, напротив, придало решимости.

– Это я виновата!

Теперь бровь королевы чуть приподнялась:

– В чем?

– Во всем. Это я придумала идти на рынок за чем-нибудь для мина-базара. А Арджуманд только купила книгу.

Арджуманд решительно отодвинула подружку в сторону:

– Не надо за меня заступаться. Я не должна была идти, а потом лгать принцу. Я сама виновата.

– Хорошо, сейчас все расскажете. Только сначала распорядись, чтобы принесли лед, – не глядя, приказала она Сати. – Терпеть не могу заплаканные глаза.

Служанка закивала и выбежала прочь.

Снаружи к ней бросилась тетушка Хамида:

– Что?

– Лед! – коротко приказала Сати.

В женской половине дома поднялся переполох.

Глава 5

Я не зря не позволила Эдварду поспать лишний часок – информация, выуженная на просторах Интернета, того стоила.

В статье индийского журналиста Кирана Шандара сообщалось, что известный болливудский продюсер Хамид Сатри, затеявший съемки «фильма столетия» под названием «Тадж-Махал», но потом от этих съемок устранившийся, этой ночью зверски убит на территории комплекса Тадж-Махал!

Полночь в Агре – это шесть вечера в Лондоне. К моменту, когда статья попалась мне на глаза, в Индии давно наступил день.

Убийство, по словам Шандара, похоже на ритуальное – Хамиду Сатри вырезали сердце! Даже меня, выдавшую многое, передернуло. Что за ужас – в XXI веке в цивилизованной стране известного человека зарезали как жертвенное животное!

Статья производила странное впечатление, одновременно вызывала доверие и коробила жестокостью. Оставалось понять, не было ли это попыткой заработать дивиденды на трагедии, разыгравшейся в Букингемском дворце. Вдруг статья всего лишь журналистская утка? Тогда она верх цинизма, а Киран Шандар преступник.

Я решаю утром первым делом перепроверить сообщение по СМИ Индии (такое убийство не могло пройти незамеченным остальными репортерами), во-вторых, посетить Томаса Уитни и потребовать информацию у него. Наверняка в «Антисе» есть телефон Хамида Сатри и там знают, как связаться с продюсером или его родственниками.

Эдвард звонит в шесть часов, когда я делаю доступные физические упражнения. Мое тело страдает от недостатка физической активности, страшно не хватает нормальных нагрузок, потому я тренируюсь (если это вообще можно назвать тренировками) несколько больше, чем разрешил мой доктор Ратхор. Мое «чужое» сердце не возражает, работает нормально.

Я удивляюсь:

– Ты не спал?

– Это не важно. Джейн, если ты и впрямь готова участвовать в расследовании, то нужно кое-что обсудить.

И впрямь готова участвовать? А что было вчера? Но я решаю не придирааться.

– Немедленно буду у тебя.

– Через час и не в офисе, а дома. Просто я поеду не туда.

Мог бы и не объяснять, я никогда не интересуюсь подобными вопросами.

У меня полчаса на сборы и завтрак...

Одной рукой натягивая футболку, другой я открываю ноутбук и набираю имя Хамида Сатри – нужно же перепро-

верить Кирана Шандара. Рогалик, который успела откусить, выплевываю, а кофе выливаю в раковину – зверский аппетит мне до вечера не грозит. У Сатри и впрямь вырезали сердце! И произошло это на территории комплекса Тадж-Махал.

Индийские любители страшилок подробно расписали лужу крови, раскрытую грудную клетку и прочее. А я-то вчера думала, что ничего страшней налета на Букингемский дворец произойти уже не может.

В английской прессе откликов пока нет, наши СМИ заняты терактом против королевы и тяжелым состоянием премьера. Врачи утверждают, что шансы выйти из комы у него близки к нулю. К тому же убийство телеведущей и гибель полицейских и людей вне стен дворца... В Англии объявлен траур, приспущены флаги... Не до вырезанного сердца болливудского продюсера.

Через день-другой пресса сообразит и примется выдвигать свои версии, но сегодня не до того. Особенно с утра.

Для меня долго существовали два табу – я не могла заставить себя посмотреть в зеркало и сходить на могилу Джона. С первым удалось справиться лишь через несколько месяцев после операции. К тому времени рядом уже не было сиделки, и ходить мне разрешили, но зеркал я упорно сторонилась. Боялась ли я увидеть вместо себя кого-то другого? Было такое опасение. И даже не опасение, а настоящий страх убедиться, что я теперь иная. Но рано или поздно знакомиться с новой собой пришлось. Решившись на этот по-

двиг, я доплелась в ванную и какое-то время стояла, опершись о раковину, не в силах поднять голову и увидеть отражение в зеркале. Сделав пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться, я медленно подняла глаза. Отражение радовало, конечно, мало (кто может выглядеть хорошо вскоре после пересадки сердца?) – бледность, синяки под глазами, потрескавшиеся губы и включенные волосы... Но это не в счет, из зеркала на меня смотрела я сама.

И все же...

Если глаза зеркало души, а душа у человека в сердце, что должно отражаться в моих глазах? Сердце чужое, а душа чья? Пожалуй, это было самым страшным, страшной синяков и отеков – увидеть, что в тебе живет другой человек, не важно – плох он или хорош.

В глазах было только тревожное ожидание.

Справиться с таким психозом обычно помогают специалисты, к ним некоторые больные после пересадки органов ходят всю оставшуюся жизнь.

Я предпочла иное – вернуться к прежней жизни.

Мне второй день не до зеркал, значит, все в порядке.

Сейчас серебряная амальгама послушно продемонстрирует включенное, не выспавшееся существо, вполне пригодное в качестве пугала от птиц. Приходится браться за щетку. Приглаживая торчащие во все стороны волосы, я, скосив глаза, смотрю на экран ноутбука, пытаюсь выловить еще какую-то информацию о Хамиде Сатри. И дался он мне! Мало

проблем в Лондоне?

Но сердце (чужое, черт возьми!) подсказывает, что именно там кроется какая-то загадка, раскрыв которую можно распутать и лондонские убийства.

Надо сказать об этом Эдварду.

Бигбордов и прочих изображений Тадж-Махала на улицах уже нет, за ночь успели все снять. Но в воздухе вместе с прохладой конца сентября разливается какая-то тревога. Даже погода резко изменилась, стало не только прохладно, но и сыро.

Я спешу к метро, размышляя по пути, не пора ли снова сесть за руль. Если я возвращаюсь к работе, то машина почти обязательна. Значит, придется съездить в Лоутон, где у дома двоюродной тетушки стоит моя «малышка». Чтобы не выслушивать многочасовые стенания на тему несовершенства современного мира (раньше все было куда лучше!), заскочу к мисс Бишоп поздно вечером, старая дама терпеть не может поздние визиты и постарается сократить общение до минимума. Решено: сегодня же куплю ее любимые пирожные и отправлюсь за машиной. Конечно, иногда на метро быстрее, но машина – это возможность хотя бы не носить с собой сумку с лекарствами или не спешить домой к определенному времени их приема.

На сей раз я распихала по углам сумки запас пилюль на весь день – кто знает, как долго этот день продлится и куда занесет меня судьба детектива.

Ричардсон открывает дверь сразу, видно ждал. Я давно не была в их скромной квартире со старенькой мебелью и множеством безделушек, полученных Эдвардом и Энни в наследство.

– Ты прочитал статью? Это не утка.

– Да, прочитал. Джейн, Энни стало хуже. Намного хуже...

– И?! – ахаю я. Господи, только не это! Ну, зачем ты забираешь у хороших людей их любимых? Ну, почему?!

– Боюсь, мне придется лететь туда.

Он старается не смотреть мне в глаза. Кажется, я понимаю, в чем дело: если уедет Эдвард, дело передадут другой группе, а то и вовсе вернут в МИ5. Туда меня никто не допустит.

Но сейчас меня интересует не дело о налете, а судьба Энн Ричардсон и страдания ее мужа.

– Эдвард, тебе удастся улететь к Энни? Не спрашивал министра? Она должна понять твою проблему.

– Об этом и хочу поговорить. Да, министр все понимает, потому налетом и убийством заложников будет заниматься Уоделл. Хочешь кофе?

– Пила...

А вот это для меня плохо, очень плохо. Именно Уоделл ни за что не возьмет меня в свою группу, а если министр прикажет, то постарается держать на побегушках. Как ни крути, а пока я в группе неофициально. Это Эдвард закрывал бы на формальности глаза, он все делал, чтобы я вернулась

в строй. Энтони Уоделл поступит наоборот, ему ни к чему проблемы, которые могут из-за меня возникнуть.

– Ты хочешь сказать, что мне предстоит продолжение отдыха?

– Нет, Джейн, немного не так. Понимаешь...

Я смотрю, как он наливает кофе в большой бокал, садится с ним к столу, берет в рот пустую трубку... Эдвард больше ничем не может мне помочь. Конечно, для него жизнь Энни важнее моего возвращения в строй. К тому же я все равно вернусь, не сегодня, так через месяц, через год, через вечность... может быть...

Ричардсон старательно прячет от меня глаза и говорит चुжим, безликим голосом.

Я почти готова сказать ему, что все понимаю и его ни в чем не виню. Мне очень нужна эта работа, хотя ничего интересного или сложного в ней нет, просто до смерти нужна, однако жизнь Энни куда важней. Но слышу:

– Уоделл и его парни будут расследовать налет и убийство индийца и телеведущей. Но есть еще кража алмаза и второе убийство, которое обнаружила ты. Это наших не касается, вернее, касается только в части налета на Букингемский дворец.

Я не понимаю, что он имеет в виду, о чем откровенно общаю Эдварду. Тот снова вздыхает:

– Джейн, ты верно сказала, что все нити ведут в Индию. И эти преступления как-то связаны с Тадж-Махалом. Те,

кто убил Хамида Сатри, наверняка причастны и к убийству Рахула Санджита.

– Есть предложение включить меня в команду, которая будет работать в Индии?

– Не будет никакой команды. Чем меньше шума, тем лучше. Это работа для одного человека.

– Ты хочешь, чтобы я отправилась в Индию одна и там расследовала убийство?

– Как я могу?! – даже пугается Ричардсон. – Ты не представляешь, каково там. Жара, влажность, всякая зараза.

– Эдвард, ты забыл, что трудности – единственная моя слабость. Без них жизнь неинтересна.

– Нет. Я сам попытаюсь выкроить время, чтобы, пока Энни борется за жизнь, поискать что-то в Тадж-Махале.

– И как ты это представляешь? «Энни, полежи под капельницей, а я пока сбегаю на допрос»?

– Там никто никого не позволит допрашивать, Джейн. У нас нет прав, пока мы официально не обратились в Интерпол и не доказали связь этих преступлений.

– Так в чем дело?

– Тебе, конечно, лучше еще немного подлечиться... ну, пока я не вернусь... А там мы придумаем, как напомнить министру о твоей персоне. Это лучше, чем работать с Уодделлом, который быстро докажет, что тебя не стоит нагружать. Нет, будешь здесь разыскивать нужную мне информацию в Интернете, у тебя это хорошо получается. Будешь мне помо-

гать...

Он говорит и говорит, а я ужасаюсь. Да что с Эдвардом такое?! Неужели болезнь жены и впрямь превратила его в хлюпика? Остаться или не отдать дело Уоделлу Ричардсон не может, но зачем же так со мной?

– Стоп! – Я останавливаю его не только словами, но и жестом. – Эдвард, что бы ты предложил мне, например, два года назад?

– Отправиться в Индию.

– И?

– Там жарко и душно. И работать тяжело, мы не можем даже напрямую сотрудничать с полицией, – снова заводит свое Ричардсон.

– Значит, я лечу в Индию. И чем скорей, тем лучше.

– Нет, это опасно.

– Хватит меня жалеть! Ты же обещал помочь вернуться к жизни? Так не топи, а протяни руку. К тому же ты будешь рядом... Почти рядом. Ты со мной рядом, а я с тобой и Энни. Все будет хорошо, Эдвард, правда. Я не ледяная принцесса и не растаю за пару недель на индийском солнце.

После столь горячего монолога Эдвард сдается:

– Я не знаю... На это нужно получить согласие министра. К тому же если ты отправишься под прикрытием, то никаких «ты со мной, а я с тобой».

– Хорошо, – с излишним воодушевлением соглашаюсь я. – Я все распутаю самостоятельно, найду этот чертов алмаз, а

потом мы вернемся домой втроем – Энни, ты и я. Звони министру, каждый день на счету.

– Ну... Джейн, такие вопросы не обсуждают по телефону.

– Когда ты сможешь поговорить? Правда, не тяни, Эдвард, время уходит, пока придумаем легенду, организуем все...

– Вообще-то я в девять должен быть у министра. Это из-за передачи дела. Попробую поговорить.

– Хорошо, а я пока еще раз побеседую с Уитни, пусть расскажет все, что ему известно о Хамиде Сатри. И схожу к своему врачу.

Во взгляде Ричардсона немедленно появляется беспокойство. Боится, что Викрам Ратхор, который вытаскивал меня после операции, не разрешит лететь в Индию? Конечно, не разрешит, но я не намерена выкладывать ему все, как на исповеди.

– Не бойся, я врачу ничего рассказывать не буду, просто мне пора в очередной раз посетить его.

– Ляжешь в госпиталь?

– Нет, я два дня назад проходила обследование, сегодня должны быть готовы результаты. Это очень кстати.

Провожая меня, уже у двери Эдвард добавляет:

– Может, лучше не трогать этого Уитни?

– Эдвард, он темнит. Знает куда больше, чем говорит.

– Но ты не имеешь права его спрашивать.

Вот чего боится Ричардсон. Я смеюсь:

– Но он-то об этом не знает. Не бойся, я не буду пытаться

его раскаленным железом и даже сверлить взглядом не буду.

Эдвард выдавливает из себя вымученную улыбку (вот скрутило мужика!):

– Знаю я тебя, умеешь выпотрошить так, что и лошади от памятника королю Георгу захочется в чем-нибудь признаться.

– Я памятники не допрашиваю. Обещаю, что заикаться после моего визита Томас Уитни не будет.

Ричардсону не до словесных пикировок, я это прекрасно понимаю и спешу удалиться. Только бы он поговорил с Элизабет Форсайт, Эдвард в последние дни стал слишком осторожным и сентиментальным.

Я звоню Викраму Ратхору – врачу, делавшему мне пересадку сердца, и договариваюсь о встрече во второй половине дня. Это его устраивает, вскользь Ратхор упоминает, что результаты проведенных два дня назад обследований просто великолепны, сердце прижилось. Я так не считаю, оно чужое, и я это постоянно ощущаю. Но доктору знать ни к чему.

Теперь предстоит строго побеседовать с Томасом Уитни. Без фанатизма, но так, чтобы не смог отвертеться. Жаль, что вчера не удалось прижать его основательно, за ночь он мог обдумать, что стоит, а чего не стоит говорить детективам, посоветоваться со своим адвокатом. Да, наверняка на мягком диване его кабинета будет сидеть адвокат, после каждого моего вопроса советующий клиенту не отвечать.

В адвокаты идут неудавшиеся детективы, в этом я убеж-

дена. А деньги они получают за то, что вставляют палки в колеса удавшимся детективам (из зависти). Во всяком случае, те, кто советует клиентам не отвечать на задаваемые им вопросы.

Вчерашняя менеджер за стойкой уже любезна, секретарь слезы не льет, но адвокат в кабинете Уитни не сидит.

У самого Томаса Уитни несколько помятый вид, вернее, таково его внутреннее состояние. Костюм, прическа, обувь сверкают, как вчера, а вот затравленный взгляд свидетельствует о бессонной ночи и душевных терзаниях. Может, обещал любовнице купить новую машину на премию от продажи алмаза? К тому же его не могло не потрясти зверское убийство клиента.

Финансовые проблемы Томаса Уитни меня волнуют мало, а его осведомленность о Хамиде Сатри и алмазе «Тадж-Махал» – очень.

– Вернемся к вчерашнему разговору.

Уитни коротко кивает и жестом приглашает сесть напротив. Хм, а беседа с адвокатом была...

Я вдруг решаю пока не спрашивать его об убийстве Сатри.

– Почему вас, организатора выставки, вчера не было на ее открытии?

Похоже, я задела Уитни за живое. Он недовольно дергает плечом:

– Мне не прислали приглашительный билет.

– Почему?

– Об этом лучше спросить в канцелярии премьер-министра!

Да, явно задело. Нужно напомнить Ричардсону, чтобы поинтересовался таким упущением канцелярии. Хотя Эдварду не до того. Ладно, сама позже спрошу.

– Расскажите мне об алмазе. Только не надо сказок о Бабуре и «Великом Моголе». Выкладывайте правду.

Уитни, повертев в руках карандаш, усмехнулся:

– Эту легенду не оспорили даже специалисты, она, знаете ли, никому не мешала. Почему же вызвала сомнения у вас?

– Мы говорим не обо мне. Что за алмаз «Тадж-Махал»? Откуда он появился и как попал к вам?

– «Тадж-Махал» огранил сам Шах-Джехан, знаете ли, и похоронил вместе с супругой в Тадж-Махале.

– С Бабуром не получилось, взялись за его праправнука? В Тадж-Махале не было никаких тайников с алмазами.

Уитни уже заметно спокойней. Решил, что я не знаю об убийстве Сатри? Опасно меня недооценивать.

– Я знал, что вы не поверите. Но мне все равно. Хамид Сатри сказал, что алмаз хранился в тайнике Тадж-Махала. И о том, что его огранил в память о своей жене Шах-Джехан, тоже он сказал.

Решил все валить на убитого? Не выйдет.

– А вы никогда не проверяете историю своих лотов? Вдруг камень краденый?

От моего внимания не укрылось то, что Томас Уитни

вздрыгнул, хотя ему удалось мгновенно справиться со своими эмоциями.

– Если предмет до предложения нам был известен или владелец утверждает, что он создан известной личностью, например, художником или скульптором, мы проверяем то, как предмет попал к владельцу. Но бывает, когда что-то очень ценное впервые становится достоянием гласности только в процессе подготовки к аукциону, а иногда и во время его, в таком случае приходится полагаться на заявление владельца. Об особо ценных лотах мировое сообщество извещают заранее, чтобы, если есть сомнения в правомочности владельца, нам успели сообщить.

Отрепетированный монолог, даже ни разу не перебил сам себя каким-нибудь словом-паразитом. Уже легче.

– Благодарю за лекцию, что-то в этом роде я и ожидала. То есть вы поверили утверждениям Хамида Сатри, что он случайно нашел алмаз на территории Тадж-Махала, при том, что там ежедневно бывают тысячи людей, камень не заметивших?

Мне кажется, или Томас Уитни чуть побледнел? Теперь я уверена, что с появлением алмаза не все чисто.

– Такой бриллиант нигде не числился, никто не предъявил на него права, в том числе и правительство Индии, знаете ли. А история о Шах-Джехане и хранении в тайнике Тадж-Махала... Считайте ее еще одной легендой.

Я упорно гну свое:

– Неужели Хамид Сатри не объяснил, откуда лично у него этот бриллиант? Купил, подарили, нашел на улице... Исключая, конечно, вариант с Тадж-Махалом.

– Получил в подарок.

– От кого?

– Это конфиденциальная информация, которой мы не интересуемся. Поймите, такие шедевры, как алмаз «Тадж-Махал», немедленно обрастают легендами, и понять, где правда, а где ложь, очень трудно, знаете ли.

Сдержавшись, чтобы не огрызнуться – мол, знаю я, знаю! – интересуюсь:

– Хамид Сатри сам привез алмаз в Лондон?

– Нет, я лично летал в Мумбаи.

Почему мне кажется, что он лжет? Или не лжет, но не говорит всей правды.

– А откуда вы узнали о том, что «Тадж-Махал» существует и Сатри намерен его продать?

Уитни чуть пожимает плечами, словно это обычное дело – предложение продать алмаз ценой двести миллионов фунтов.

– Сатри позвонил мне по рекомендации кого-то из своих друзей.

– Кого именно?

– Не знаю, он не сказал.

Уитни снова нервничает, и я понимаю почему.

– Вам не кажется слишком подозрительным появление ал-

маза «Тадж-Махал» и поведение его владельца?

– О, вы еще не видели подозрительное поведение, знаете ли! – с жаром заверяет меня Уитни.

Мне хочется сказать, что я видела такое, что ему и не снилось.

– Но вы правы, Сатри вел себя подозрительно. Отдал алмаз и уже давно им не интересовался, – добавил Уитни.

– Вы поставили Сатри в известность о краже алмаза? Или надеялись, что он все узнает из газет?

– С ним невозможно связаться.

А вот это правда.

– А с его родственниками?

– У нас нет полномочий связываться с его родственниками, знаете ли. Сатри всегда звонил сам.

– Вы хотите сказать, что не знаете о его убийстве?

– Что?!

Кажется, не знает... Странно...

– Хамид Сатри убит в Тадж-Махале этой ночью, вернее, у нас был еще вечер. Не просто убит, это похоже на ритуальную казнь. Во всяком случае, так сообщили индийские СМИ.

– К... как?..

– Ему вырезали сердце.

Уитни не просто побелел, он хватается ртом воздух, не в силах выдать ни звука. Я хорошо помню это состояние – инфаркт близко...

Приходится срочно звать на помощь.

Приехавшие медики констатируют тяжелый сердечный приступ. Черт, он, кажется, и впрямь не знал об убийстве!

Уитни увозят, а я отправляюсь к Ричардсону – каяться.

Выслушав мое покаянное признание, Ричардсон со вздохом вызывает секретаря:

– Кэрол, узнай о состоянии Томаса Уитни, он в...

Я подсказываю:

– В Королевском госпитале. Привезли сегодня с сердечным приступом.

– Я же просил тебя не переусердствовать.

– Эдвард, кто же мог знать, что он до сих пор не читал об убийстве Сатри?

– Ему не звонят в пятом часу утра сотрудники.

– А должны бы! Он даже не знал, что клиент в Агре, а не в Лондоне. Лучше скажи, ты разговаривал с министром?

– Да.

– И?

В кабинет входит секретарь Ричардсона Кэрол. Вот кого я искренне люблю. Не секрет, что умница Кэрол сидит на секретарском месте много-много лет ради Эдварда. Удивительный тандем, ее влюбленность осталась безответной, переросла в любовь и крепкую дружбу, при этом не было ревности со стороны Энни и никаких сплетен окружающих. К Кэрол грязь словно не прилипает, ее уважают все: начальство, подчиненные и сам Ричардсон.

– У Томаса Уитни серьезный сердечный приступ. – При этих словах Кэрол я невольно вжимаюсь в кресло. – Но пока без последствий. Врач сказал, что ему нужна пара дней, чтобы восстановить силы.

Знаю я эти «пару дней». Меня привезли в Университетский госпиталь с инфарктом, правда, очень тяжелым, но врачи обещали, что выкарабкаюсь. А спустя три дня сердце взорвалось. Это называется разрывом. Я ничего не помню, была без сознания. Рядом оказался Викрам Ратхор и идеально подходящий донор сердца, умерший от чего-то другого.

Говорят, один шанс из миллиона, и выпал он именно мне. Мистика... Но я в мистику не верю, по теории вероятности это возможно, а то, что возможно, со мной обязательно произойдет.

Шанс из миллиона подарил мне чужое сердце и несколько лет жизни.

Только никто не спросил, нужно ли мне это сердце и жизнь, в которой бесконечные ограничения и мои страшные воспоминания. Не лучше ли было умереть от инфаркта?

– Эй, о чем задумалась?

– Почему Уитни ничего не знал о Хамиде Сатри? Эдвард, что сказала министр?

– Она все понимает и не против. Но, Джейн, мне очень неспокойно. Может, передумаешь? Никто не осудит. Скажи, что врач не разрешил.

– Угу, а потом сказать, что этот же врач разрешил рабо-

тать? Я лечу, и перестань меня отговаривать!

– Элизабет Форсайт придумала изящное решение твоего прикрытия. Английский продюсер этого фильма «Тадж-Махал» Чарлз Престон ее давний приятель. Он готов взять тебя с собой в Болливуд под видом помощницы. Будешь помогать продюсеру фильма, это даст возможность общаться со съёмочной группой и быть в Агре и Мумбаи.

– Отлично! Помощником продюсера я еще не была. Чем они там занимаются?

– Джейн, я звоню министру?

– Давно пора.

Голос Элизабет Форсайт, которая решила лично поговорить со мной, спокойно-приветлив. Она строго интересуется, не под давлением ли Ричардсона я приняла такое решение.

– Это он под моим. Я справлюсь.

– Не сомневаюсь. Тогда вы отправитесь в качестве помощницы Престона. Он может в Болливуде почти все, постарайтесь понравиться Чарлзу.

Хочется сказать: «Да хоть черту!», но я скромно обещаю понравиться именно Чарлзу Престону.

Элизабет Форсайт смеется.

– Вам придется к нему съездить. Я договорилась на четыре часа после полудня. Остальное объяснит сам Престон. Желаю удачи!

– Благодарю.

– Куда мне ехать, Эдвард? Где там ваш Чарлз Престон?

– На студию в Ивер-Хит.

– В воскресенье на работе?

– Боюсь, у них, как у нас, никаких выходных. И еще вот что. Ты не будешь совсем уж без прикрытия, у меня в Мумбаи есть свой человек.

– Почему Мумбаи, мне же нужно в Агру?

– Тебе нужно сначала в Болливуд, в Агре только какие-то съемки. Разберешься на месте. Твоя задача – найти алмаз.

– Алмаз? Разве главное не убийство Сатри?

– Те, кто похитил алмаз, причастны и к двум убийствам, и к налету на Букингемский дворец. А убийство Сатри в Агре расследует местная полиция, вряд ли они будут довольны твоим вмешательством. Твоя задача – алмаз. Найди алмаз и утри всем нос, Джейн.

– Тогда лучше действовать от имени «Антиса».

Ричардсон морщится:

– Ты забыла этого слизняка?

Вот с этим я согласна: работать вместе с Томасом Уитни хуже, чем действовать самостоятельно.

– Хорошо, на месте разберусь, ты прав.

Своего человека в Мумбаи звали Калев Арора. Запомнив его телефон (никогда ничего не записываю, это опасно), я интересуюсь:

– А тебе разрешили лететь?

– Да, завтра. Но там мы не встретимся, нельзя, – сказал

Эдвард.

– Мог бы и не объяснять. Передай Энни, что я ее люблю и желаю все преодолеть. Пусть берет пример с меня.

А вот последнее – фальшь, я никому не пожелала бы своей судьбы, но говорить об этом Энни нельзя.

Теперь предстояло навестить до сердечной боли знакомый кабинет доктора Викрама Ратхора.

Ратхор – врач-консультант с большим опытом, но пересадку сердца самостоятельно осуществлял впервые. То, что сердце прижилось, радовало его вдвойне – и как человека, и как врача. Он прекрасный наставник, недаром за право быть его врачами-стажерами настоящий конкурс.

Меня в окружении Викрама Ратхора не знали только те, кто появился там сегодня. В каждом взгляде читалось удивление: надо же, с чужим сердцем и жива, сама ходит, говорит... Это любопытство окружающих лично у меня вызывает ярость, я не подопытная морская свинка и не заводная игрушка, нечего заключать пари, как надолго хватит моего завода!

Викрам Ратхор таких пари не заключал, он с первой минуты внушал мне, что сердце приживется и все будет прекрасно, меня ждут долгие годы счастливой жизни:

– Я еще покажу вам красоты своей родины.

Стоит ли говорить ему сейчас, что я эти красоты увижу и сама? Или не увижу? Будем надеяться, что увижу.

Ратхор встретил меня широкой улыбкой:

– Входите, Джейн. У меня есть чем вас порадовать, как вы порадовали всех нас.

Вот человек, никогда не скажет «меня», впрочем, он прав, без своей команды даже гениальный Ратхор не смог бы сделать такую операцию.

– Все в порядке, доктор?

– Да, данные обследования столь хороши, что даже не верится. Джейн, ваш организм принял новое сердце на все 100 процентов. Ну, 99,99 процента – скажем так. Это теперь ваше сердце, не чужое. Что-то не так?

Он все же заметил, что я не испытываю столь бурного восторга, какой должна бы, не лью слезы умиления.

Приходится признаться честно:

– Я не ощущаю его своим, внутри все равно бесчувственный камень. Оно чужое.

Ратхор несколько секунд внимательно изучает мою физиономию, еще раз пробегает один за другим листы со множеством цифр и диаграмм, разворачивает длинные ленты ЭКГ и прочих обследований и в конце пожимает плечами:

– Джейн, данные говорят о том, что ваш организм не противится и отторжения нет. Это бывает редко, но бывает. Вам даже не нужны иммунодепрессанты, не с чем бороться. Мы исключим все подавляющие средства, оставим только витамины. Я даже не знаю, что еще сказать. Вас хоть на выставку с таким сердцем.

– В качестве мумифицированного экспоната? – мрачно

шучу я.

Ратхор качает головой:

– Джейн, это психологическая проблема. Ваше «я» не принимает даже часть другого «я» в себе. Помиритесь со своим сердцем или попытайтесь узнать его получше, и все пройдет. У вас был достойный донор...

В этот момент я могла бы спросить, кто именно, и получила бы ответ. Врачи не сообщают, если не попросишь.

Но я не спросила – проще не знать.

Мне отменили почти все препараты, оставив только поддерживающие, не столь обязательные, как иммунодепрессанты. Но Ратхор оговорил, что при малейшем ухудшении самочувствия, даже если это будет просто тяжесть в груди, я позвоню или приду к нему.

Я решаю все же сознаться в планах на ближайшее будущее и сообщаю, что намерена посетить его родину.

Викрам Ратхор изумлен:

– Вы собрались в Индию?

– Да, вдруг захотелось.

Это святая ложь. Мне нужно в Индию, но вовсе не из-за красот, а чтобы раскрыть преступление там совершенное и доказать, что я вполне могу работать. Мое новое сердце проблем доставить не должно? Значит, можно лететь и распутывать убийство Хамида Сатри. Но знать об истинных причинах доктору Ратхору вовсе не обязательно.

Мне показалось, или Викраму Ратхору мое намерение по

вкусу? Даже глаза заблестели. Тоскует по родине?

– Джейн, вас тянет в Индию?

– Да, знаете ли, никогда не видела Тадж-Махал. Вдруг захотелось посетить Агру. – Я стараюсь произнести это как можно беззаботней, словно нет ничего необычного в том, что англичанку с пересаженным сердцем вдруг потянуло за тридевять земель полюбоваться красотами архитектуры.

И все равно эта идея не претит доктору Ратхору.

– Вообще-то, сезон дождей уже закончился, скоро наступит прохладный туристический сезон, самое время посетить Индию. Только обещайте быть очень осторожной. Когда вы решили туда лететь?

– Не знаю, как-нибудь... как только соберусь.

– Хорошо, вот визитка врача в Дели, если вдруг понадобится, он немедленно перенаправит вас к специалисту в любом другом городе. Это на всякий случай, если вы соберетесь посетить мою родину.

Я заверяю, что все учту, а перед поездкой в Индию непременно еще раз приду, чтобы получить всеобъемлющие рекомендации.

Зря я боялась – доктор Ратхор не возражает, только просит быть осторожной. Слышали бы это чертовы психологи, которые терзают меня своими въедливыми вопросами! Кстати, не стоит признаваться им в своих проблемах, при следующей встрече постараюсь сделать вид, что я тоже в восторге от прижившегося донорского сердца.

Только те, кто годами вынужден принимать какие-то лекарства, смогут понять удовлетворение, с которым я торжественно выбрасываю в мусор пакет с иммунодепрессантами. И слышу вопрос:

– Больше не нужны, мисс Макгрегори?

Это медсестра Крис за стойкой, уж ей-то не надо объяснять, что меня захлестнуло ощущение свободы.

– Надеюсь, что навсегда!

– Поздравляю. Доктор Ратхор сказал, что вы уникальны.

– Безусловно. – Я с удовольствием машу рукой и спешу прочь из этого спасительного, но столь не любимого многими учреждения.

Времени, чтобы добраться до Пайнвуда, в обрез. Но в лифт следом за мной буквально врывается другая медсестра, Яна, она славянка, перебралась откуда-то из Восточной Европы не так давно, потому говорит пока с сильным акцентом, а когда волнуется, так и вовсе не понятно. Сейчас Яна очень волнуется.

– Мисс Макгрегори... я знаю, вы связаны с полицией... Извините... Это не мое дело...

– Тогда что вы хотите? – Вот только разных глупостей мне не хватает.

– Тут творятся странные дела, мисс Макгрегори. Доктор Ратхор... он прекрасный доктор, но...

– Что но? Или говорите толком, или не говорите ничего.

Эта дуреха заикалась так долго, что лифт приехал вниз и

открыл двери. Наружу она за мной не идет, только обещает:

– Я вам напишу, ладно? Я знаю ваш электронный адрес.

Меня зовут Яна.

В лифт входят двое пациентов. Прежде чем двери закрываются, я успеваю кивнуть в ответ на ее умоляющий взгляд. Пусть пишет – удалить письмо, а потом пометить ее адрес спамом не так уж сложно.

Конечно, на встречу к Чарлзу Престону я опаздываю. Все-го на пять минут, но это так. Попробуйте приехать вовремя, если вам нужно добраться из центра Лондона в Ивер-Хит. Выручил меня экспресс в Хитроу, а там такси до Пайнвуда. Но таксист попался неопытный, он нервно прислушивался к советам навигатора, в результате проскочил поворот на Вуд-Лэйн и вынужден был разворачиваться.

Потом понадобилось время, чтобы найти нужное здание и нужный офис. Далековато забрался Пайнвуд.

Мое опоздание демонстративно подчеркивает секретарь Чарлза Престона – этакая шестифутовая каланча с ногами под три с половиной фута. Я чуть не оборвала ее советом сообщить обо мне шефу, но красавица, облив меня презрением с головы до ног, уже сама делает это:

– Мистер Престон, здесь Джейн Макгрегори, по поводу которой звонила леди Элизабет...

Далее следует жест в сторону двери. Открывать ее передо мной секретарь не собирается.

Мне плевать на длинноногую фифу, важно, чтобы Пре-

стон взял меня с собой в Болливуд, а для этого я должна ему понравиться, как посоветовала Элизабет Форсайт.

Чарлз Престон – копия Уинстона Черчилля, причем одновременно молодого и в возрасте. Каким-то непостижимым образом в этом человеке сочетаются черты румяного Черчилля-кавалериста, служившего в начале карьеры в Индии, и умудренного опытом лидера нации. Не хватает только галстука-бабочки да жеста «V».

Он знает, что похож на великого британца, и подчеркивает это. В кабинете запах сигар и шотландского виски. На столе бутылка и два олд фэшна – стакана безо всяких изысков. Престон прав – именно из таких следует пить напитки, подобные отменному виски, ничто не должно отвлекать. На боковом столе коробка с сигарами и емкость с кубиками льда.

– Я Джейн Макгрегори. Вам звонила...

Он спокойно взирает на меня, никак не реагируя на представление. И этому снобу я должна понравиться?

Не будь у меня острейшей необходимости общаться с этим человеком, Престон уже увидел бы мою спину. Но хлопнуть дверью кабинета означает отказаться от поддержки Элизабет Форсайт. Может, он этого и ждет? Обещал помочь, но уйди я, будет повод развести руками, мол, протееже сама сбежала. Придется вытерпеть даже клон Черчилля. Ладно, и не такое переносила.

Я делаю шаг вперед к столу. Не будет же он вечно играть в молчанку?

Теперь Престон оглядывает меня с ног до головы – именно в таком порядке. На лице по-прежнему никакого намека на эмоции, только фиксация увиденного. Протянув руку, берет со стола стакан с янтарной жидкостью и подносит к губам.

Меня не проймешь, в ожидании хоть какой реакции я отвечаю тем же – оценивающе скольжу взглядом по хозяину кабинета, а потом по окружающей обстановке.

Англичане – нация собачников. Все, у кого есть возможность, заводят себе терьера, спаниеля, колли, конечно, корги (чтоб как у королевы!) или любого другого пса. Потому не стоит удивляться, если вы увидите у англичанина на каминной полке фотографию домашнего любимца. Реже такие снимки красуются на столах в офисах.

Но у Чарлза Престона фотография кота. Морда британца столь широка, что занимает все пространство в пределах рамки, серая шерсть лоснится и действительно отдает голубым.

Престон заметил, что я задержала взгляд на фото:

– Мой любимец, его зовут Мартин. У вас есть домашние животные?

– Да, скорпион.

Во взгляде появляется интерес.

– И кто из вас кого подпитывает ядом?

– Я его.

Так и не дождавшись приглашения, я спокойно сажусь в

кресло возле стола. Хозяин кабинета делает вид, будто не заметил то ли своей неделикатности, то ли моей бесцеремонности, лишь левая бровь чуть дрогнула.

– А со мной не поделитесь?

– Не проблема, давайте укушу.

– В стакан, пожалуйста. – Престон кивает на пустой стакан на столе. Сам он потягивает «Макаллан». Кстати, без кубиков льда. Знаток...

– «Макаллан 1939» с ядом вкусней? – Я кому угодно могу дать фору в словесной перепалке, но жаль тратить на это время.

Теперь бровь продюсера приподнимается уже заметно:

– Вы так хорошо разбираетесь в виски?

– Я шотландка, если вы слышали мою фамилию.

Я выразительно смотрю на отражение в стекле шкафа, там видна этикетка бутылки с дорогущим виски, которое стоит на столе обратной стороной ко мне. Престон следит за моим взглядом, тихонько хмыкает.

То-то же.

– Далеко не все шотландки что-то смыслят в виски. – Чарлз Престон подвинул пустой олд фэшн, взял бутылку с явным намерением налить. – Выпьете? Это действительно великолепный «Макаллан 1939». Выдержка 50 лет, разлит в 1989 году. Лед?

– Ни то ни другое. Я на работе.

– Я тоже. Но когда и кому глоток отменного виски мешал

в работе?

Он демонстративно делает глоток из своего стакана, протягивает руку к коробке с сигарами, не сводя с меня глаз, обрезает кончик ножом, лежащим здесь же, чиркает спичкой (никаких зажигалок). Даже не поинтересовался, переносу ли я сигарный дым.

Сигара Partagas Churchill – любимый сорт Черчилля.

Не удержавшись, я хмыкнула:

– Черчилль предпочитал армянский коньяк.

– А я люблю шотландское виски. Пожалуй, это то, чего мне будет серьезно не хватать в аду. Мисс Макгрегори, леди Элизабет попросила меня... ммм... познакомить вас, кратко конечно, с работой киностудии, обязанностями помощника продюсера и взять с собой на съемки фильма «Тадж-Махал» в Болливуд. Кстати, вот это великолепное виски своего рода взятка за помощь вам.

Меня приводит в ужас мысль, что стоимость «взятки» «Макалланом 1939» в десять тысяч фунтов мне придется вернуть Элизабет Форсайт.

После очередного глотка Престон интересуется:

– Почему туда? Если вас обуяло желание стать продюсером, могу пристроить здесь в «Пайнвуде» на хороший фильм, наберетесь опыта и сможете работать сами.

– Меня интересует тема «Тадж-Махала».

Престон подчеркнуто сокрушенно разводит руками, мол, вольному воля.

– Проблема в том, что я улетаю в Мумбаи сегодня вечером. А потом буду в Индии... даже не знаю, буду ли. Съемки заканчиваются. Если твердо намерены отправиться со мной, то на экскурсию по студии у нас... – он смотрит на часы, – не больше часа. Потом нужно решить еще несколько вопросов, а для вас заказать билет и номер в отеле.

Я с тоской думаю, что если ему вздумается организовать все это для меня согласно собственным представлениям о комфорте и качестве, то я останусь без своих сбережений. Хотя к чему они?

Потом прикидываю, что едва ли Престон станет лично звонить в аэропорт или отель, а секретаршу можно предупредить, что в мои планы не входят пять звезд в отеле и бизнес-класс в самолете, я обойдусь тремя и эконом-классом. Но представив презрительное выражение ее лица после такой просьбы, понимаю, что скорее влезу в долги, чем обращусь к ней за помощью.

Престон словно подслушал мои мысли, вызвав секретаря, диктует ей распоряжение о заказе билетов и номера, а потом кивает вслед:

– Все за счет студии, как и ваше пребывание в Индии. Зарплата помощника продюсера при этом не пострадает.

– Вы уже решили, что берете меня?

И снова взгляд Престона сверкает насмешливым весельем:

– Вы же обещали мне немного яда в «Макаллан»? Не мо-

гу отказаться. Пойдемте, у нас мало времени. В действительности я не так часто позволяю себе посидеть со стаканчиком виски и сигарой. Работы много. «Тадж-Махал» не единственная моя забота.

Следующие сорок минут я слушаю лекцию о том, как организованы съемки фильмов. О том, что сами съемки – это только верхушка айсберга, что куда больше времени, сил и денег уходит на подготовительный период: нужно все спланировать, что при работе с творческими натурами очень нелегко, составить расписание работы на площадках, привлечь нужных людей и в нужных объемах, договориться со всеми, кто обслуживает съемки, обеспечить их нужными материалами и даже просто решить вопросы с размещением и так далее...

А до того продюсер должен подобрать достойный сценарий или хотя бы тех, кто сумеет переделать в достойный какую-то идею, не ошибиться в выборе актеров (даже если доверяешь кастинг другим, проконтролируй сам), найти режиссера и оператора, осветителей и костюмеров, гримеров и тех, кто будет делать звук...

Я все это понимала и сама, но одно дело просто понимать и знать, и совсем иное увидеть воочию. К Престону то и дело подходят с какими-то вопросами, которые он норовит решить прямо на ходу.

– Если требовать от всех приходиться в кабинет, – коротко объясняет он мне, – то дверь закрывать будет некогда. И от-

кладывать даже до завтра большинство вопросов тоже нельзя.

– Вы когда-нибудь отдыхаете?

Он смотрит на меня с интересом, потом, с удовольствием хмыкнув, отвечает:

– А за каким занятием вы застали меня, явившись с предложением яда в мой коньяк?

Я снова слышу множество цифр, которые Престон между делом называет без малейшего напряжения памяти. Конечно, он может и называть их просто так, все равно проверять, во что обошлись те или иные съемки, не говоря уж о стоимости работы какого-то гримера или обувщика студии, я не стану, но мне почему-то кажется, что это не бравада. Престон в своей среде, он настоящий продюсер. Найти сценарий и исполнителей, все организовать, чтобы потом пожинать плоды своего труда, – для него и есть жизнь. Это когда отдых существует только в работе.

Я уважаю таких людей, хотя сам процесс съемок и их организация меня совершенно не интересуют.

Кстати, такая увлеченность работой – проблема. Люди, которые всерьез болеют за свое дело, не терпят рядом тех, кому это дело безразлично. А для меня съемки в «Пайнвуде» не главное дело жизни, не говоря уж о Болливуде. Как бы это не помешало в Индии.

И все же расстаемся мы через час довольные друг другом. Для меня важно, чтобы Престон в Мумбаи ввел меня в съе-

мочную группу «Тадж-Махала», а ему импонирует, что я не полная бестолочь и вполне способна оценить его профессионализм.

В Индию меня не тянет ни в малейшей степени, никогда не интересовалась культурой Востока. Две недели – это целая вечность, да еще и во влажной жаре. К тому же растет ощущение, что меня попросту отодвигают в сторону от того самого расследования, в котором разрешила участвовать Элизабет Форсайт. Возможно, она пообещала сгоряча, а потом с моим возвращением возникли проблемы, которые не может решить даже она.

Как бы то ни было, отказываться я не могу. Если Элизабет Форсайт действительно хочет мне помочь, то, расследовав убийство индийского продюсера, я дам ей в руки хороший козырь. А если все было ради эффектной сцены, то этот же козырь выложу перед ней.

В общем, у меня нет другого выхода, кроме как лететь вместе с Чарлзом Престоном в Индию и найти там алмаз «Тадж-Махал» и заодно убийц Хамида Сатри. Ладно, справлюсь, и не с таким справлялась.

Остается еще одно – я не могу улететь, не побывав у Джона. За прошедшие месяцы я так и не решилась на это, но сейчас пора.

Мы с Эдвардом, не сговариваясь, избегали разговоров о Джоне, Ричардсон лишь коротко сообщил, что Линч похоронен на Рован-роуд, не уточнив, кто все организовал. Я подо-

зревала, что он сам ради меня, была благодарна, хотя Джон предпочел бы быть погребенным в дорогой его сердцу Северной Ирландии. Но так сложилось, что наши с ним сердца не имели права выбора.

Попросив таксиста подождать, я отправляюсь в администрацию. Там подтверждают факт захоронения и называют координаты, лишь уточнив степень родства. Впрочем, их устраивает и короткое:

– Подруга детства.

Как все просто! От Джона осталась небольшая урна в нише стены рядом с другими такими же урнами. А еще воспоминания. Мои воспоминания, в которых Джон вопреки этой урне живой.

Я категорически запретила себе думать о том, КЕМ он был, вспоминая лишь то, КАКИМ. У Джона все по максимуму, жизнь сплошная игра, с ним было легко и очень трудно одновременно.

Я не верю в переселение душ, второго такого на Земле не будет. И я больше никогда никого не смогу полюбить. После Джона влюбиться в кого-то невозможно. Да и кому это нужно?

Под скромной табличкой «ДЖОН ЛИНЧ» только букетик, который кладу я.

Джон шутил, что его фамилия отражает его жизнь – бесприютный моряк. Окруженный друзьями, единомышленниками и даже поклонницами, он одинок. Мне тоже не удалось

пробиться к его «я» через старательно возводимую стену отчуждения. Думала, что сумела, но в последний миг его (и моей) жизни выяснилось, что нет.

Сердце Джона сгорело в печи крематория, мое разорвалось – подозреваю, что в то же мгновение. Джона больше нет, а я существую с чужим сердцем. И как бы оно ни было физически совершенно и принято моим организмом, моя душа в него не переселилась.

Так где же она теперь, моя израненная душа?

Любовь у человека в сердце, а в голове только память – это точно. Моя память хранит о Джоне все, а чужой камень в груди остается глух. Значит, больше не замрет при мысли об объятиях любимого, не будет тосковать из-за того, что Джон не позвонит, чужое сердце не обольется кровью при воспоминании о моей вине.

Внутри кусок льда, холодный, безжизненный. Он исправно гонит по моим артериям кровь, изображает ритмичное биение, но остается бесчувственным. От этой ледышки начала покрываться инеем и остальная я. Обычный лед белый, а лед внутри меня – черный.

Стоявшая неподалеку перед такой же нишей женщина направляется мимо меня к выходу, но останавливается.

– Муж?

Не дождавшись ответа, она протягивает руку, словно желая проверить, жива ли я, но пальцы замирают в нескольких дюймах от моего плеча, наверное, наткнувшись на холод

черного льда.

– Поплачьте, станет легче. Я здесь всегда плачу...

Я прикрываю глаза и коротко киваю.

Поплакать бы... Тихо поплакать... завывать от тоски... забиться в истерике...

Если бы я могла! Люди плачут сердцем, именно в нем рождаются слезы.

Но у меня теперь нет даже этого – слез. Нет сердца – нет возможности выплакать свою боль.

Женщина ушла, а я все стою – обледеневшая, бесчувственная, неживая.

Ад бывает разный. Тот, которого боятся все, – горячий, освещенный пламенем костров. Но на Земле есть другой – черный и холодный, в нем невозможно испытать душевные мучения, потому что там умирают даже бессмертные души. В этом аду ярко светит холодное черное солнце, которое для остальных оранжевое и горячее. И спасения в черной ледяной пустыне не существует.

Хочу ли я спасения? Едва ли.

Я вдруг понимаю, почему столько времени не решалась сюда прийти, – было страшно понять, что в своей душевной пустыне я не способна даже страдать.

Сколько проходит времени, не знаю. Поняв, что ни облегчения, ни большей, чем уже есть, боли не будет, я на прощание касаюсь кончиками пальцев урны с прахом Джона и плетусь в администрацию, чтобы оплатить уход за могилой

на ближайший год.

У таблички с его именем всегда будут свежие цветы.

Это все, что я теперь могу для него сделать.

Таксист терпеливо ждет...

Я уже в машине, когда звонит Ричардсон с вопросом, где я нахожусь.

– Заехала попрощаться с Джоном.

Эдвард мгновение молчит, потом уточняет:

– Зачем?

– Так было нужно.

Больше меня в Лондоне не держит ничто. Остается только лететь в Мумбаи, распутать дело об убийстве Хамида Сатри и доказать, что готова вернуться в строй.

Мои родители погибли во время теракта.

Сейчас жизнь, в которой не надо прикрываться легендой, помнить, что у тебя есть собственное имя, а не то, которое значится в очередных специально изготовленных документах, не надо быть осторожной и недоверчивой... кажется такой далекой и даже чужой. У меня были любящая семья, мечты, надежды... Все это однажды перечеркнула чья-то злая воля, взорвавшая бомбу в припаркованном рядом с машиной моих родителей автомобиле.

Мне едва исполнилось двадцать, и с того дня все мое существование оказалось подчинено уничтожению тех, кто планировал, организовывал или оплачивал подобные взрывы. Лучше я, чем кто-то другой, лучше убить заранее, чем

эти люди убьют кого-то еще. И лучше обезглавить организацию, чем гоняться за каждым возможным исполнителем отдельно.

Но при такой работе невозможна семья, невозможно будущее.

Десять лет я была одинокой волчицей с ожесточенной душой, а потом встретила Джона и словно оттаяла. Вдруг показалось, что я сумею исправить все и в его, и в своей судьбе, смогу жить нормально, как миллионы других женщин. Вместо этого я застрелила Джона и получила чужое сердце-ледышку.

Пересадка сердца выбила меня из привычной колеи, я даже попыталась жить как обычные люди – смотреть телевизор, читать не только информацию с экрана компьютера, но и просто книги, ходить в кинотеатры и театры, гулять без оглядки на возможный хвост и прочее... Но очень быстро выяснила, что все это невозможно.

Теперь у меня снова нет ничего, кроме моей работы...

Наверное, именно такими должны быть лучшие агенты, их не могут отвлекать никакие сердечные проблемы.

Глава 6

Только что прошел дождь. Пока не сильный, это лишь преддверие сезона муссонов, когда ливни будут хлестать по стенам каждый день и превращать любую ямку в огромную лужу, а дороги в грязное месиво. Реки вздуются и размоют берега, будут нести выкорчеванные деревья, разрушенные постройки, сорванные с привязи лодки... За три месяца муссонов вода дочиста вымоет все вокруг, станет свежо и ярко.

Но ненадолго, совсем скоро после окончания дождей, горячее солнце сначала высушит остатки влаги, превратив вчерашнюю грязь в пыль, а потом сделает яркую зелень бледной и серой...

Наверное, поэтому лучшее время – конец весны, когда дождь еще не льет без конца, но влаги уже достаточно и природа встрепенулась ей навстречу, распустилась, расцвела... Вот как сейчас.

Падишах Джехангир стоял возле ограждения башни Ясмин Красного Форта Агры и смотрел на вяло текущие воды Джамны и густую зелень садов на левом берегу.

Его прапрадед Бабур, завоевав город, решил сделать его столицей, но Великому Моголу было тошно без прохлады звонких водных струй и множества деревьев и цветов. Это особенность родины основателя династии – прозрачные горные речки, стекающие с хребтов Тянь-Шаня. Ферганская до-

лина, зажата между двумя горными хребтами, но ими же защищенная от холодных ветров с севера, долина словно подарок Аллаха людям – благодатна сверх меры.

Все есть в Ферганской долине, недаром название «Фарго-на» означает «разнообразии».

Там не нашлось только одного – места Бабуру, вернее, места на троне. А делить трон с кем бы то ни было, тем более ходить в подчинении, ежедневно ожидая опалы или унижения, Бабур не пожелал. Он увел своих людей через горы Афганистана, где быстрые речки тоже хороши, но долины мало напоминали благословенную Фергану. Бабур мечтал завоевать весь Хиндустан, хотя тот слишком разный на севере и юге, западе и востоке.

Захватив Агру, Бабур первым делом приказал разбить на левом берегу большой сад, за новым правителем поспешили сделать это его приближенные, и постепенно весь левый берег представлял собой дивное зрелище. Река Джамна не стала от этого быстрее или чище, но облик ее берегов при Бабуре, потом его сыне Хумаюне, великом внуке Акбаре сильно изменился.

И вот теперь на крепостной стене стоял правнук основателя династии падишах Джехангир, но думал он вовсе не о новых завоеваниях или обустройстве берегов реки, а о... любви. Его любимый сын принц Хуррам на рынке встретил девушку, в которую влюбился с первого взгляда. Это неудивительно для пятнадцатилетнего юноши. Падишах бы не про-

тивился, реши принц взять эту красавицу в гарем наложницей, но красавица почему-то избегала наследника престола, а тот искал ее по всей Агре, забыв о делах.

И это не удивило бы отца, он всего лишь поручил сыну главного визиря Асаф-Хану найти чаровницу, вернее, проследить, с кем же тайно встречается на рынке его сын. Час назад Асаф-Хан повинулся в страшном проступке своей дочери и спросил у падишаха, каким должно быть наказание девушки.

И тут Хуррам, который не подозревал, что перед ним внучка Итимада-уд-Даула и страшно обиделся из-за обмана с ее стороны, вдруг потребовал не наказывать красавицу. В глазах сына отец увидел любовь.

Он приказал уйти всем и пока молчать о случившемся. И теперь стоял и размышлял, как быть.

В комнате раздался легкий шум. Падишах резко обернулся, схватившись за рукоять меча. Такова жизнь правителя – почти всегда быть начеку, готовым к нападению и опасаться любого шороха. Во всяком случае, сейчас, когда уничтожены еще не все сторонники его старшего сына Хосрова, пытавшегося после смерти Акбара захватить трон. Джахангир сумел победить взрослого сына, Хосрова пришлось ослепить, но угроза осталась.

Но опасаться не стоило, к падишаху пришла единственная женщина гарема, которой никто не мог преградить путь почти в любое помещение, – королева Рукия, старшая жена,

вернее, теперь вдова Акбара. Рукия чувствовала власть над Джехангиром по простой причине – она его воспитала, как после до тринадцати лет воспитывала Хуррама. У Рукии не было своих детей, и Акбар поступил по обычаю своего великого предка Тимура Хромого – отдал ребенка своей любимой жены Джодхи на воспитание Рукие.

Рукия научила принца Селима (Джехангиром он стал, получив трон) многому, в том числе пристрастила к кальяну с опиумом. Но научила и быть разумным, мудрым и очень расчетливым. В результате природных задатков и воспитания получилось невесть что. Новый падишах (а Джехангир сел на трон всего два года назад) шарахался от величайшей разумности и справедливости к таковой же жестокости и необузданной ярости. Он много думал и еще больше пьянствовал, пристрастился к опиуму и женщинам, хотя умел быть блестящим политиком.

И никто не знал, чего ждать от падишаха.

– Селим, я хочу поговорить с тобой.

Любого другого Джехангир немедленно вышвырнул бы вон, даже собственную мать Джодху, но не Рукию. Темные глаза этой красавицы, которую, казалось, не брало время, смотрели прямо в душу, отчего хотелось взвыть или... расплакаться.

– Зови меня Джехангиром, – только и проворчал падишах.

Он не сомневался, что Рукие известно о произошедшем с ее любимцем Хуррамом, – Рукие всегда известно все. Прин-

да оскорбили, обеда вкруг пальца. Девчонка хотела пошутить? Все осложнялось тем, что она внучка Гияз-Бека, «Столпа империи», в руках которого слишком много в самой империи, и дочь Асаф-Хана – визиря, от которого тоже немало зависело. Расправиться с нарушительницей спокойствия означало обидеть ее отца и деда.

Потому появлению мудрой Рукии Джехангир даже обрадовался, уж она-то наверняка найдет выход из ситуации, придумает, как наказать эту девчонку, чтобы родственники не перешли на сторону врагов. Или сумеет договориться с ними.

– Хорошо, Джехангир, – согласно кивнула Рукия. Носовое кольцо, которое она продолжала носить, легко качнулось. – Девушку, в которую влюбился принц Хуррам, зовут Арджу-манд. О том, что она внучка Гияз-Бека и дочь Асаф-Хана, ты уже знаешь.

– Да, в том-то и сложность.

– Почему сложность?

– Я не могу наказать эту дурочку, не обидев Гияз-Бека. Хотя Асаф-Хан сам попросил меня определить наказание. Терпеть не могу таких вопросов!

Рукия словно не заметила всех слов своего бывшего воспитанника, кроме одного, она усмехнулась:

– Дурочку? Ты помнишь, что купил на мина-базаре твой сын?

– Персидскую поэзию. При чем здесь это? Я знаю, что он

влюбился, тем сильнее вина этой девчонки.

Падишах начал раздражаться, но это нисколько не задело и не испугало его названую мать. Она не боялась гнева Джахангира, потому что знала, как его усмирить или направить его гнев в нужное русло.

– Дело в том, что эту книгу во дворец принесла именно Арджуманд, они познакомились на рынке, когда девушка выбирала книгу для продажи на мина-базаре.

– Я уже ничего не понимаю!

– Арджуманд с подругой...

Рукия обстоятельно объяснила, как познакомились принц и внучка Гияз-Бека, зачем Арджуманд тайно ходила на рынок и почему не рискнула идти на сам базар.

– Хуррам, приобретя у ее подружки книгу, решил подарить ее Арджуманд при встрече на рынке!

Джахангир просто растерялся.

– И что теперь делать?

Глаза Рукии блеснули чуть лукаво:

– По-моему, самое время познакомиться с самой нарушительницей спокойствия.

Королева хлопнула в ладоши и кивнула появившемуся евнуху. Тот исчез и вскоре возник снова, ведя закутанную в покрывало девушку. Падишах раздраженно подумал, что прикрывать лицо лучше было раньше, и вообще не ходить на рынок без сопровождающих.

Девушка попыталась сделать корниш – полный поклон,

при котором встают на колени и касаются лбом пола, но Рукия не позволила. Напротив, она откинула покрывало с головы Арджуманд.

Джехангир обомлел, он стоял, растерянно глядя на юную копию... Мехрун-Ниссы.

Арджуманд была удивительно похожа на свою тетушку, ту самую Мехрун-Ниссу, в которую без памяти (и взаимно!) был влюблен принц Селим. Тогда его великий отец не позволил принцу взять дочь Гияз-Бека в жены, девушку отдали Шер-Афгану, а принц в знак протеста против отцовской жестокости начал сильно пить и курить опиум. Селим баловался этим и прежде, но тогда вышел из-под влияния даже Рукии. Акбар поселил наследника в своем гареме, позволив тому все.

Целых пятнадцать лет принц пил, курил опиум, развлекался с многочисленными наложницами, женился, рожал детей, но ни на минуту не забывал свою Мехрун-Ниссу.

Два года назад Акбар умер, умер и Шер-Афган, а Мехрун-Нисса приехала в Агру и стала придворной дамой одной из вдов Акбара. Ее красота изменилась, но не поблекла, а ум развился и стал более острым. Но что теперь мог предложить уже падишах Джехангир своей бывшей возлюбленной? Стать двадцатой женой? Это оскорбительно для одной из красивейших и умнейших женщин не только Хиндустана, но и всего мусульманского мира.

Джехангир не подозревал, что Мехрун-Ниссе по-прежнему

му нужна его любовь. Ну, и конечно, трон в придачу.

Рукия внимательно наблюдала за реакцией своего пасынка. Тот перевел растерянный взгляд на королеву. Рукия кивнула:

– Да, Джехангир. Ты был в таком же положении семнадцать лет назад. Пойми Хуррама.

– Пусть женится... – чуть сдавленно произнес падишах.

Рукия сделала знак Арджуманд и евнуху, чтобы удалились.

– А ты?

Ее вопрос изумил Джехангира.

– Что я?

– Почему бы не жениться тебе?

– На ней?! – падишах кивнул в сторону удалившейся девушки.

Королева звонко рассмеялась. Вернее, смеялась Рукия хрипло из-за того, что часто курила, но ее голос и смех за столько лет ничуть не изменились и казались молодыми.

– О, Аллах! О чем ты говоришь, Джехангир? Оставь Арджуманд своему сыну, а сам женись на ее тетушке.

– Как я могу? Что я ей предложу – стать двадцатой женой?

Рукия улыбнулась, она поняла, что названный сын до сих пор любит эту женщину всем сердцем.

– Любимой женой, Селим, и не важно, какой по счету. Твоя мать была у твоего отца... даже не помню какой, но именно Джодху Акбар любил больше всех.

– Тебя! – возразил Джехангир.

– Меня как друга, ее – как женщину. А Мехрун-Нисса сможет объединить оба эти чувства у тебя.

Но падишах снова возразил:

– Я уже ничего не смогу ей дать.

– Свою любовь и власть. Этого достаточно любой женщине, даже такой, как Мехрун-Нисса.

– Власть она любит, – кивнул Джехангир. – Всегда любила.

– Но еще она любит тебя. Не будь глупцом.

Только Рукия могла разговаривать с падишахом вот так – как с неразумным мальчишкой. Но она свободно разговаривала и с великим Акбаром – чего же бояться его сына, которого сама и воспитала?

Джехангир перевел разговор на другое:

– Посмотри, что мне подарили.

Он подвел Рукию к мраморному столу, на котором был разложен открытый атлас. Большая карта всего мира.

– Вчера проезжал мимо двора фиранги Роу. Слышала о таком?

Королева кивнула:

– Да, он очень въедливый, сует нос повсюду.

Падишах усмехнулся:

– Ему, видно, нечем было меня порадовать, эти фиранги просто нищие, вот и вынес атлас, начертанный соотечественником. Или кем-то другим, но из тех, кто живет на заходе

солнца на самом краю земли.

– Забавно.

Рукия с интересом начала разглядывать карту Меркатора, которая действительно была подарена Джехангиру англичанином Томасом Роу. И то, почему ему подарили именно атлас, падишах тоже прозорливо угадал.

Это обычай – одаривать падишаха чем-то необычным или очень ценным, даже если высокий гость просто проезжает мимо твоих ворот, не заходя в дом. Правитель может отказаться от подарков и взять лишь то, что привлекло его особое внимание, а может и вернуть потом дар со словами благодарности. Что падишах и собирался сделать с атласом.

– Почему? – удивилась Рукия. – Это же так забавно...

– Где здесь Хиндустан?

Королева нашла не сразу...

– Мир велик, – тихо произнес Джехангир.

Рукия поняла причину, по которой Джехангир больше никогда не захочет смотреть на эту карту. Мир и впрямь велик, и называть себя «Повелителем мира», обладая лишь небольшой частью его, глупо. Джехангир слишком умен, чтобы не понимать этого.

– Ты повелитель доступного нам мира, завоевать все земли не смогли ни твои великие предки Чингиз-хан и Тимур, ни Искандер Двурогий. Наверное, это не под силу даже Те-ни Аллаха на земле. Ты Повелитель мира Хиндустана. Остановись на этом, чтобы не потерять его. А карту верни, она

неправильная – за пределами Хиндустана для нас мира нет.

Джехангир захлопнул атлас, подняв легкое облачко пыли.

– Ты как всегда права.

– Селим, ты сам скажешь Хурраму о своем решении?

– Скажи ты. Ты думаешь, это кисмет?

Королева согласилась:

– Да, это судьба и ей не стоит противиться.

– Прикажи, пусть посмотрят благоприятные даты для свадьбы, но только после Нового года.

Рукия рассмеялась. Падишах прав, зуль-хиджжа, последний месяц года заканчивался, скоро наступит мухаррам и 1016 год хиджры.

– Хорошо, пусть пока немного помучаются.

– Что это за девушка?

Рукия чуть приподняла свою и без того высокую бровь.

– Она внучка Гияз-Бека и племянница Мехрун-Ниссы, разве это ни о чем не говорит?

– Но ее лицо видели столько людей на рынке!

– И больше никогда не увидят с открытым лицом, потому не догадаются, кто она.

– А Ханзаде? Нужно заставить ее молчать.

– Ни в коем случае. Стоит сказать, что это тайна, как тайну будут знать все вокруг. Ханзаде, как и всем, известно лишь то, что принц встречался с какой-то простолюдинкой. Куда она девалась? Ну, кто же знает? Подберем ему в гарем похожую танцовщицу, а им прикажем молчать. Джехангир, поз-

воль решить эти вопросы за тебя? И сам молчи.

– Что бы я без тебя делал? – вздохнул падишах, давно привыкший, что со всеми сложностями легко разбирается его названная мать, Рукия.

– До сих пор разглядывал бы карту, убеждаясь, что Хиндустан по воле Всевышнего лишь часть огромного мира. Ты придешь сегодня ко мне ужинать?

– Да. Хосров просит отпустить его в Сикандру, поклониться праху Акбара.

Рукия чуть задумалась.

– Отпусти, но будь готов к его глупостям. Джехангир, будь осторожен, при дворе много сторонников принца. Если позволишь, я займусь этим, но не карай их, просто будь начеку и следи за Хосровом.

Падишах только кивнул. Он знал, что никто лучше этой женщины не разбирается в сложных хитросплетениях отношений во дворце. Предпочитая старшего внука единственному сыну, Акбар устроил для Джехангира и Хосрова ловушку. Придворным оставалось лишь ждать, кто из этих двоих оступится первым. Они готовы были провозгласить Хосрова падишахом, если тот окажется сильнее, но будут слушать и Джехангиру. Падишах понимал, что не сможет всю жизнь держать опального сына под арестом, но отпустить его даже в далекий Сикандр означало рисковать.

Однако думать об этом совсем не хотелось, и Джехангир после ухода Рукии стал думать о Мехрун-Ниссе, вернее,

об их разорванных Акбаром судьбах. Семнадцать лет назад принц Селим не послушал Рукию, которая сказала:

– Женись.

Вернее, пока он раздумывал, отец Мехрун-Ниссы отдал красавицу другому.

Мехрун-Нисса не родила Шер-Афгану ни одного ребенка, но была при этом любимой женой.

По поводу женитьбы принца Хуррама падишах решил, что это будет мата – временный брак. Опозорившейся девочке вполне достаточно и этого. А ее отец и дед должны быть счастливы, что все обошлось.

Все разрешилось хорошо, Джехангир был рад.

Принца Селима, будущего падишаха Джехангира, отец почему-то не любил. Акбар и сам не мог бы объяснить, почему столь холодно относится к долгожданным сыновьям. Сына любимой жены-раджпутки Джодхи Бай отдал на воспитание другой любимой жене-мусульманке Рукие, но относился к нему всегда настороженно. Акбару не везло, так часто бывает – у великого человека вырастают никчемные сыновья.

Возможно, ошибкой Великого Могола было то, что он не заметил достоинств Селима, приравнял его к другим. Принц ответил неповиновением, увлекся вином и опиумом.

Став взрослым, сам Селим попытался любить собственных сыновей. Но любить старшего Хосрова, который и при жизни Акбара был соперником, у него не получалось, средний из сыновей Парваз пил не меньше отца и был никчем-

ным от рождения. Для проявления любви оставался третий сын – Хуррам. И падишах делал все «как положено» – он проявлял отцовскую любовь и терпение, в действительности не чувствуя к мальчику, а теперь юноше, ничего, что должен бы чувствовать отец к сыну.

И сейчас, когда понял, что может точно так же поступить с Хуррамом, как когда-то отец поступил с ним самим, приказав отдать Мехрун-Ниссу другому, Джахангир дрогнул лишь на мгновение. Он согласился на женитьбу принца, но тут же определил, что временную, и самому принцу сообщить об этом не счел нужным. Пусть будет счастлив, что вообще не наказан и он сам, и эта девчонка, так сильно похожая на юную Мехрун-Ниссу.

Если бы падишах заглянул в свою душу, то понял бы, что именно похожесть на тетку сыграла с Арджуманд плохую шутку, сначала помогла, а потом настроила Джахангира против нее и сына.

Как бы то ни было, падишах не стал торопиться со свадьбой, королева Рукия только сообщила изумленному Асаф-Хану о решении правителя, но не более.

Немного погодя всем оказалось не до влюбленности младшего царевича.

Арджуманд теперь жила в доме отца почти под замком, за ней строго следили целых две дальние родственницы. Не оправдавшая доверия Хамиде была сослана прочь. Тетушки буквально не сводили с опальной девушки глаз, не понимая,

за что та наказана.

Рукия разрешила все вопросы, никто не знал, что именно с Арджуманд принц встречался на рынке, и пока никто не знал, что падишах решил женить принца Хуррама на внучке Гияз-Бека. Всему свое время.

В тот же день, когда Рукия показала Арджуманд падишаху, к ней в комнату прибежала взволнованная Сати.

– Арджуманд, он уезжает и зовет меня с собой!

– Кто уезжает? Куда?

– Принц Хосров. Он едет в Сикандр и зовет меня ехать с ним.

– Но зачем, Сати?

– Поклониться праху падишаха Акбара.

– Я помню, что в Сикандре усыпальница Акбара, но зачем ему там ты? Он женится на тебе или берет в гарем наложницей?

– Нет, не женится. Принц не может жениться без согласия падишаха.

Арджуманд вздохнула, это она уже знала.

– И он не берет в гарем.

– Сати...

– Я люблю его, – упрямо произнесла девушка, словно Арджуманд собиралась с этим спорить.

– А он?

– А он меня!

– Он об этом сказал?

– Да, сказал.

Арджуманд попробовала быть разумной. В отличие от нее у подруги только брат и никакой защиты, вернее, вся защита – их семья, в которой Сати служанка. И она, Арджуманд, ответственна за девушку.

– Сати, послушай меня. Если принц тебя любит, то разлука на несколько дней не разрушит его чувство. Сикандр недалеко, сколько дней можно провести там? Принц Хосров скоро вернется и все решит с гаремом. Вы будете вместе, если любите друг друга.

Арджуманд удалось убедить подругу не делать опрометчивых шагов.

– Научись на моем горьком опыте.

– Чем же он горький? – возразила Сати. – Разве что недолго поволновалась. Зато теперь будешь женой принца Хуррама!

– А как я ему в глаза посмотрю? Всю оставшуюся жизнь виноватой и за обман, и за позор считать себя буду.

– Он любит тебя и давно обо всем этом забыл. После Нового года вы поженитесь и будете счастливы.

Но жизнь непредсказуема, редко все происходит так, как задумано или хотелось бы.

Арджуманд и Хуррам не поженились после Нового года, а Сати не попала в гарем принца Хосрова, несмотря на то, что эти пары действительно любили друг друга.

Королева Рукия в очередной раз оказалась права, предо-

стерегая падишаха – с Хосровом ухо следует держать остро, а саблю вынутой из ножен. За два дня до Нового года, получив разрешение отца, он выехал из Агры, якобы в Сикандр, чтобы почтить память великого деда, но туда не доехал. Путь принца лежал мимо Сикандра и даже Дели прямо в Лахор, где хранилась казна. По пути он принялся активно набирать сторонников.

То, что принц Селим сильно пьет и что падишах Акбар предпочитает ему старшего внука принца Хосрова, знали все задолго до смерти Акбара. Но перед самой смертью падишах ясно выразил свою волю, приказав именно Селиму, ставшему теперь Джехангиром, опоясаться мечом Хумаюна и назвать себя следующим падишахом. Но нашлись те, кто все равно предпочитал принца Хосрова. Таковых было много и при дворе, они готовы были поддержать переворот в пользу Хосрова.

Но Джехангир показал, что умеет защищать свои права. Лахор не открыл ворота перед принцем, а со стороны Агры, забыв на время все любовные и иные заботы, выдвинулось войско падишаха. Через полтора месяца Хосров с его наспех собранным войском был разбит, его ближайшие сподвижники изобретательно замучены (двоих зашили в шкуры осла и быка, только что снятые с убитых животных, и весь день возили на жаре по улицам, пока мятежники не задохнулись), остальные сторонники посажены на колья вдоль дороги, а сам принц закован в цепи.

Падишах расправился со старшим сыном словно мимоходом, его армия двинулась после Лахора дальше на Кабул, которому снова угрожали персы.

Два царевича сопровождали отца – Хосров в цепях и Хуррам на коне.

Вести обо всем приходили в зенан одна другой чудней и страшней. Сати плакала, уткнувшись в колени Арджуманд, а та лишь гладила ее по черным волосам, уговаривая:

– Падишах простит неразумного сына, обязательно простит. Принца Хосрова просто сбили с толку дурные люди.

Так прошло лето...

В конце сезона дождей армия вернулась из похода, но никаких разговоров о свадьбе не велось. Арджуманд старалась не думать об этом и даже о самом принце Хурраме, но второе не получалось. Пусть не свадьба, но хоть одним глазком посмотреть на него. Об этом же мечтала про своего Хосрова и Сати. Подружки были несчастны.

Но падишах и принц Хуррам не забыли об Арджуманд. Принц считал себя ответственным за девушку и напомнил о ней королеве Рукие, а та Джехангиру. Падишах приказал посмотреть гороскоп принца, чтобы определить, какой из ближайших дней после окончания сезона дождей будет благоприятным для свадьбы. О том, что это будет мата, сказать так и не удосужился.

Но чуть раньше произошло еще одно событие, о котором не знали принц Хуррам и несчастная Арджуманд.

В покои Мехрун-Ниссы скользнула служанка, приблизилась к хозяйке, почтительно склонившись. Красавица повела взглядом в ее сторону, чуть кивнула и снова поднесла ко рту трубку кальяна, любуясь водяными струями фонтана.

Вместо служанки в покои вошел невысокий щуплый человек в длинном не по росту халате. Удивительно, как ему удавалось не наступать на полы и не падать из-за этого.

Маленькие ручки прижимали к животу большую книгу, из-за ее объема и руки, и сам человечек казались еще меньше. Усиливал впечатление огромный белоснежный тюрбан, старательно намотанный вокруг головы.

На мгновение Мехрун-Нисса замерла, разглядывая это чудо, но быстро опомнилась, отвечая на его приветствие:

– Благодарю за то, что нашли время посетить меня, Хормазд-ага. Мне нужен ваш совет.

Белый тюрбан лишь чуть склонился вперед, его владелец явно не рассчитывал удержать на голове сооружение из многих метров ткани при более резком движении.

– Я рад помочь вам, Мехрун-Нисса Бегум.

То, что он добавил «Бегум», понравилось Мехрун-Ниссе, значит, понимает, с кем имеет дело, и будет сговорчивей.

– Мне нужен гороскоп, вернее, несколько.

Человечек с важным видом кивнул снова и разложил свою книгу на столике, который по знаку хозяйки покоев подвинула служанка. Мехрун-Нисса с интересом разглядывала его и его книгу.

Она сама писала прекрасные стихи, была начитанна и прекрасно образованна, но не могла представить, что вот эти закорючки и чертежи, перекрестья линий и множество непонятных значков могут предсказать судьбу человека. Хормазд-ага так не считал. Он вытащил из тюрбана калам, а из мешочка за поясом достал чернильницу, ловко устроился на полу перед столиком, достал из-за пазухи лист бумаги и приготовился писать.

– Что я должна вам сообщить?

– Дату рождения человека, причем чем точнее до минуты вы скажете, тем более точным будет мое предсказание.

– А имя?

– Нет, это не столь важно. Хотя тоже неплохо.

Мехрун-Нисса вздохнула:

– Хорошо. 987-й год хиджры...

Она назвала собственную дату рождения (1577 г.), с волнением ожидая, что именно ответит астролог.

Мехрун-Нисса рискнула пригласить персидского астролога в свои покои в доме за пределами зенана, прекрасно зная, что его советами пользовался и отец Гияз-Бек, сохранивший связи с родиной, и император Акбар, и нынешний падишах Джахангир.

Хормазд-ага быстро что-то записал на листе бумаги и углубился в вычисления. Время от времени он хмыкал и дважды даже изумленно вскидывал глаза на Мехрун-Ниссу, которая старательно делала вид, что человек в огромном бе-

лом тюрбане ее не интересуется. Однако стоило Хормазд-аге вновь уткнуться в книгу, как все внимание женщины оказывалось приковано к астрологу.

Наконец, тот вздохнул, кивнул, словно соглашаясь сам с собой, и поднял глаза на Мехрун-Ниссу:

– Это ваш гороскоп, госпожа, и он блестящий.

Щеки Мехрун-Ниссы полыхнули пламенем. Она постаралась сдержать радость, но это плохо удалось, восторг прорвался в голосе:

– Чем же?

– Вы будете править империей, и довольно долго.

– Я? – Мехрун-Нисса просто не смогла сдержаться и выдала свои мысли. Но астролог не обратил на ненужный вопрос внимания и продолжил: – Да, пятнадцать лет. Все задуманное вами сбудется.

Ей бы услышать вторую фразу, но Мехрун-Нисса заметила только первую.

– Пятнадцать лет? Всего? Разве это долго?!

– Жизнь беспокойна, это немало.

– Но сейчас только 1016-й год хиджры...

Астролог без объяснений понял, о чем она. Принц Селим стал шахом Джехангиром меньше двух лет назад после смерти своего отца Великого Могола Акбара. Неужели его правление будет столь коротким?

Хормазд-ага осторожно покачал головой:

– Не сейчас. Позже. Вы станете правительницей империи

позже, через четыре года.

– Почему?! – Ей тридцать, Мерхун-Нисса и без того столько лет ждала своего часа. Еще четыре года – невозможный срок. – Кто помешает?

– Не помешает, но ваша племянница и принц Хуррам...

Лицо Мехрун-Ниссы перекосило от гнева, она сделала знак астрологу, чтобы замолчал. Эта девчонка!

Хормазд-ага с тревогой наблюдал, как мечется по своим покоям, щелкая костяшками пальцев, красавица Мехрун-Нисса. Он понимал, что ее бесит, знал, что ее звезда взойдет высоко, что именно она будет главной женщиной империи, но знал и другое – судьбу нельзя подхлестывать, то, чему суждено случиться через четыре года, либо так и случится, либо не произойдет вообще. Только как объяснить это разъяренной женщине? Как сказать, что стоит еще немного подождать, если она уже ждала столько лет?

Астролог предпочел молчать, и правильно сделал.

Перестав с возмущением метаться по покоям, Мехрун-Нисса остановилась и, нависая над астрологом, положила на книгу мешочек явно с золотыми монетами. Дочь перса прекрасно понимала, что Хормазд-ага не виноват в том, что звезды в ее гороскопе расположились именно так. Но у Мехрун-Ниссы был еще вопрос:

– Посмотри гороскопы принца Хуррама и Арджуманд. Есть ли благоприятные дни для их свадьбы в этом году?

Хормазд-ага с облегчением кивнул. Он уже смотрел го-

роскоп принца и его возлюбленной по просьбе странной девушки, которая волновалась даже сильнее, чем сейчас Мехрун-Нисса. Астролог даже заподозрил, что это сама Арджуманд, но потом понял, что это подружка. Гороскопы принцев и самого падишаха озвучивать категорически запрещено, но Хормазд-ага только посмотрел на счастливые совпадения у влюбленной пары и нашел таковых великое множество. Подружка могла не переживать – принц Хуррам и Арджуманд будут вместе до самой смерти. О том, что это не так уж много лет, он говорить не стал.

Вот и теперь вычисления заняли немного времени, уже через минуту астролог, улыбаясь, возвестил:

– Госпожа, таких счастливых дней много! Они созданы друг для друга, и звезды благоволят этому браку.

Но ответ почему-то вовсе не понравился Мехрун-Ниссе. Она снова остановилась перед Хормазд-агой и вдруг поинтересовалась:

– Кому еще вы говорили об этом?

– Никому...

Если бы ее большие черные глаза, обладающие просто магической властью, не смотрели так пристально, Хормазд-ага соврал бы более уверенно.

Мехрун-Нисса усмехнулась. На книгу лег мешочек поуевсистей.

– Если спросят, скажете, что в ближайшие месяцы хороших дней не предвидится.

– Я... госпожа, я не могу...

Мехрун-Нисса приблизила свое лицо, кстати, не закрытое яшмаком, к лицу астролога и твердо произнесла:

– А если вы скажете иное, я расскажу о том, что вы выдали гороскоп принца Хуррама.

Это была серьезная угроза. За такое можно лишиться головы, но даже больше ужаса перед возможным наказанием со стороны падишаха Хормазд-агу испугал тон красавицы, он понял, что до падишаха дело может и не дойти – эта расправится сама.

И все же он попытался сопротивляться:

– Но, госпожа... что плохого в том, что ваша племянница станет принцессой?

– Не ваше дело! – отрезала Мехрун-Нисса. – О благоприятной дате возвестите только тогда, когда разрешу я!

Она почти швырнула ему еще один кошель.

Хормазд-ага уходил, сгибаясь под тяжестью книги, золота и своего предательства, опустив голову и уже не задумываясь, удержится ли белоснежный тюрбан на его голове. Выбора не было – эта женщина его ему не оставила. Непонятно только, чем ей может помешать свадьба принца Хуррама и внучки главного визиря, ее же собственной племянницы?

Он вздохнул: кто поймет этих женщин?

И все же когда через два дня падишах спросил о благоприятных днях для свадьбы принца Хуррама и Арджуманд Бану, Хормазд-ага сказал, что в ближайшие месяцы таковых

не предвидится. Падишах Джахангир вздохнул с некоторым облегчением – или астрологу только показалось?

Мехрун-Нисса сидела, уставившись невидящим взглядом в трепетавшие на ветру легкие занавеси, так и не донеся до губ трубку кальяна.

Поведай она кому-нибудь свои мысли, ее не понял бы не только Хормазд-ага.

Красавица не впервые слушала о своем гороскопе. Дочь перса, пришедшего на службу Великому Моголу, верила предсказаниям астрологов. Однажды она самонадеянно не обратила внимания на слова астролога, предупреждавшего, чтобы не торопилась, иначе путь к власти может оказаться во много раз длинней. Так и вышло, вместо замужества с принцем Селимом получила в мужья знаменитого Шер-Афгана, полководца вместо принца – замена неравнозначная.

Пятнадцать лет пришлось ждать следующей возможности.

Никто не понимал пристрастий и антипатий великого Акбара, но если ему кто-то не нравился, человеку, независимо – мужчина это или женщина, стоило убраться с глаз падишаха. Это лучше многих сознавал Итимаде-уд-Даула (опора государства) Гияз-Бек, посоветовавший своей дочери смириться с волей падишаха и поскорей покинуть Красный Форт Агры. У юной Мехрун-Ниссы хватило ума прислушаться к словам отца. Но своего желания править империей она не забыла.

И вот теперь, когда цель была так близка, ей могла поме-

шать собственная племянница. Эта глупышка, зачем-то отправившаяся на рынок и встретившая там принца Хуррама, на первый взгляд не представляла для молодой красивой те-тушки никакой угрозы. Но Мехрун-Нисса хорошо знала, что самая страшная опасность та, которую не ждешь и о которой не подозреваешь.

А еще она верила гороскопам и теперь пыталась понять, чем же может навредить присутствие Арджуманд рядом в зенане.

Пятнадцать лет назад такой же астролог твердо сказал ей: – Ты вернешься в Агру, чтобы прийти к власти.

Мехрун-Нисса поверила, и все эти годы готовила себя к возвращению. Но тот же астролог предрек, что на ее пу-ти встанет юная родственница, которая и ограничит власть. Конечно, Арджуманд не единственная юная родственница Мехрун-Ниссы, но женщина чувствовала, что, если кто-то и сможет забрать у нее хотя бы часть власти, это будет именно Арджуманд. А сделать это племянница сможет, только став супругой наследника престола.

Допустить, чтобы ей помешали сейчас, когда трон совсем близко, Мехрун-Нисса не могла, это означало бы крах всей жизни, а потому она решила не допустить Арджуманд в Красный Форт в качестве невестки падишаха.

Щедрость за предсказание со стороны падишаха была не меньше, чем от Мехрун-Ниссы.

Хормазд-ага постарался скрыть довольный блеск в глазах.

Он сумел отомстить этой властной женщине, попросту сказав не всю правду. То-то же, пусть не тягается с астрологом! В его руках, вернее, голове, власть куда большая, чем кажется Мехрун-Ниссе. Пока падишахи и связанные с ними люди верят предсказателям, одно только слово может изменить их жизнь.

У людских судеб есть узелки, развязав которые можно приблизить или, наоборот, отдалить какое-то важное событие. Самым важным для Мехрун-Ниссы было получение власти.

Хормазд-ага точно знал, что Мехрун-Нисса будет править империей, но он также знал, что произойдет это нескоро и продлится действительно полтора десятка лет, если только она сама не поможет судьбе. А не договорил он Мехрун-Ниссе только одного: она придет к власти тогда, когда согласится на брак принца Хуррама и его любимой Арджуманд Бану!

Увлечшись своей мелкой мстью Мехрун-Ниссе, астролог не задумывался, что таким образом сильно вредит Хурраму и Арджуманд, для которых каждый лишний день друг без друга настоящая пытка. Но его мало заботили чьи-то чувства, так ли они важны для составления гороскопов?

Неизвестно, что произошло бы, скажи Хормазд-ага правду или не потребуй Мехрун-Нисса от него лжи немного раньше. Но случилось то, что случилось.

Арджуманд видела принца Хуррама только издали, сквозь решетку. Впивалась глазами в его невысокую фигуру, мыс-

ленно молила, чтобы обернулся, посмотрел в ее сторону. Иногда получалось, но чаще нет. Он был занят другими и не чувствовал ее взгляд. Понимая, что перед ними возможный наследник престола (падишах открыто предпочитал младшего сына двум старшим), придворные норовили привлечь внимание принца. При этом следовало быть осторожными, ведь пока первым у трона был все же Хосров и его поддерживали слишком многие при дворе, чтобы с этим не считаться.

Девушка больше не жила в зенане, куда принц имел право приходить в любое время. Не жила там и Мехрун-Нисса, она лишь посещала королеву Салиму, которая не слишком обременяла поручениями свою придворную даму.

Конечно, у Мехрун-Ниссы были свои осведомительницы во дворце, но она все равно чувствовала себя неуверенно.

И вдруг как гром с ясного неба – на падишаха покушение!

После возвращения из похода перед Джехангиром встал вопрос, что делать с Хосровом. Падишах мог возить опального принца в цепях, пока они были не в столице, – но как держать Хосрова, словно пса, во дворце? К тому же тот вел себя смиренно. И Джехангир снял со старшего сына оковы, однако запретил куда-либо выезжать.

Закончился период дождей, когда даже боевые слоны вязли в непролазной грязи, а переправиться через полные реки трудно. На жарком солнце быстро подсыхали лужи и грязь, уходила влажная духота и с каждым днем становилась все лучше. В Хиндустане конец муссонов – благодать, воздух

свеж, но еще не пересушен, растения вдоволь напились животельной влагой, нет жары...

Самое время поохотиться.

Падишах в качестве семейного примирения решил взять с собой на охоту обоих принцев – Хосрова и Хуррама. Парваз сидел в Бурханпуре, всеми забытый и брошенный. Впрочем, ему нравилось...

Во время охоты и была предпринята попытка покушения на Джехангира. Конечно, стрелял не сам Хосров, но его сторонники, и принц о подготовке явно знал. Падишаху удалось остаться невредимым, погиб его ахади, державший колчан со стрелами, а ответным выстрелом из лука Джехангир убил нападавшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.